ВОРОВСКОЙ РОМАН

А. БУШКОВ

ТАЙГА И ЗОНА

БЕГИ, ЗЭК, БЕГИ!

Annotation

Старший лейтенант Алексей Карташ, отправленный служить в глухую зону под Шантарском за совращение генеральской внучки, замечает неладное – смертность среди зэков возрастает, по посёлку ходят слухи о засекреченном объекте в тайге, где исчезают люди, о таинственном кладбище, куда ночью тайно сваливают трупы. Прочие военные предпочитают не совать нос в эти тёмные дела, и Карташ один решается приоткрыть завесу тайны над этим гибельным местом. Вот только успеет ли он раскрыть тайну засекреченной «зоны» раньше, чем взбунтуются зэки?..

Александр Бушков.

Тайга и зона

Свою свободу относительно мира я обеспечиваю себе тем, что присваиваю себе этот мир, захватываю и занимаю его для себя каким бы то ни было насилием, силой убеждения, просьбы, категорического требования, даже лицемерия, обмана и т. д… Скалу, преграждающую мне путь, я обхожу до тех пор, пока у меня не наберётся достаточно пороха, чтобы взорвать её, законы данного народа я обхожу до тех пор, пока не соберусь с силами, чтобы уничтожить их.

Макс Штирнер

Часть 1.

Раздача карт

Глава первая.

Маленькая Италия в большой тайге

24 июля 200 года, 20.30.*

Ни весело и ни скучно. Как обычно было тем вечером в кафе «Огонёк».

Название, равно как и вывеска над входной дверью, досталось заведению в наследство от советских времён. Вывеску, кстати, не подновляли с того самого года, когда рухнула тысячелетняя империя, и название «Огонёк» нынче скорее угадывалось, чем читалось. Заглавная буква «О» точно посередине была продырявлена пулей – явно кто-то палил на спор, от скуки и, понятное дело, отнюдь не в трезвом виде. И попал, что характерно. А ниже буковок «Огонёк», по краю вывески, гвоздём было нацарапано:

Климыча, бывшего начальника зоны, а точнее, исправительного трудового учреждения ИТУ номер **, помнили все здешние старожилы, его имя частенько всплывало в застольных беседах. Поминали кто злом, кто добром, кто с уважением, кто небрежно. Чувствовалось, в общем, что противоречивая была фигура сего незабвенного Климыча…

Дощатый пол, бревенчатые стены, длинная деревянная стойка, засиженные мухами лампы на голом проводе, наклеенные на стены плакаты (от пожелтевших советских агитационно-пропагандистского содержания до современных – с голыми ляльками), окна, на которых стёкла местами заменяла фанера, а стёкла, неким чудом уцелевшие, украшали бумажные полосы, закреплявшие трещины, – вот вам кафе «Огонёк» собственной персоной, которое изысканным словом «кафе» именовалось лишь по недоразумению, да ещё по накладным и прочим документам. Местные же именовали единственное на весь посёлок питейное заведение гордо, хотя и незатейливо: «Салун». «Пойдём, Васек, в Салун», «Обкашляем это дело, Толян, вечером в Салуне», или же говорили: «Пошли, орлы, к Любке». Любкой, ясное дело, звали хозяйку заведения, крепкую русоволосую бабу, чей возраст навеки замер на отметке сорок лет, которая и умрёт всё в те же сорок и которая за стойкой, по уверениям старожилов, торчит уж никак не меньше тех же сорока лет.

Любка и «Огонёк» – две главные достопримечательности посёлка Парма. А до некоторых пор главной загадкой посёлка для Алексея Карташа была такая: откуда взялось это словечко, «Парма»? Если посёлок назван в честь итальянского города, то почему именно в его честь? В Италии ж полно городов, которые были бы счастливы поделиться своим именем с затерянным в тайге сибирским посёлком. А уж в советские годы требовалась веская причина, чтобы присвоить нашему населённому пункту идеологически вредное заграничное наименование. Понятно, если б посёлок назвали Парижем – всё-таки город с богатыми революционными традициями. Или Женевой – там отдыхал в эмиграции пролетарский вождь Ульянов-Ленин…

Но ни в каких революционных подвигах не замеченная Парма-то здесь причём? Хороша, конечно, версия, что посёлок обязан своим наименованием бензопиле «Парма», однако в тридцать шестом (год официального появления посёлка на картах) лес валили примитивно, двуручными пилами…

Алексей посетил «Огонёк» в час третьего стакана, что на нормальном языке означает в половине девятого вечера. Сразу прошёл к стойке, заказал две кружки разливного «Золота Шантары», двинулся отыскивать себе место.

У кафе было два зала: большой и малый. Малый зал, так уж повелось с незапамятных времён, занимали промысловики – этим словом объединяли охотников, «вольных» с лесопилки, железнодорожный народ. Большой же зал делили меж собой лагработники и поселковые. У каждой категории были свои столики. Пришлые люди в Парме являлись такой же редкостью, как и белые миссионеры в африканских племенах.

История деления пармского народа на категории уходила в тяжёлые по части пива советские времена. Тогда пиво в посёлок доставляли раз в неделю четверговым поездом. Пиво прибывало в бочке ёмкостью тысяча литров – в таких до сих пор продают молоко и квас. (Бутылочное же пиво здесь видели только тогда, когда его кто-нибудь в качестве гостинца привозил из отпуска.) Еженедельно райторг выделял посёлку всего одну бочку. Напоить всех жаждавших этим пивом, наверное, было под силу лишь тому, кто пятью хлебами смог накормить пять тысяч ртов, поэтому случались всякие недоразумения, по-простому говоря – скандалы и драки. Доходило и до поножовщины. И, наконец, всем это надоело. Собрались, посовещались. И постановили: разделить население на три равные части – исходя из того, кто от чего кормится, – и наслаждаться напитком богов по очереди. С тех пор на пивном фронте воцарился порядок, потому как здешний народ свои законы всегда соблюдал не в пример строже, чем установления государственной власти.

Хотя времена пивного безобразия миновали, однако ж человеческие категории в Парме прижились: людям, знаете ли, свойственно сбиваться в сообщества по тому или другому признаку – был бы признак.

Рассекая сизые табачные клубы, Карташ прошёл к столикам лагработников. Свободных стульев не было, и ему выдвинули из-под стола резервный табурет. Прапорщики, что характерно, со своих стульев не повскакивали, уступая место аж целому старлею, – как и сам Карташ не уступил бы свой стульчик даже маршалу, буде такового сюда принесёт нелёгкая. По негласному соглашению субординация оставалась за порогом. Как на Диком Западе игроки в покер, входя в соответствующее заведение, сдавали свои кольты, так здесь при входе сдавали свои звания…

– Садись, садись, – сказал лейтенант Кунчий, принадлежащий к породе никогда не унывающих бодрячков. – Мы тут обмусоливаем тему недели. Вон, Петрович говорит, что жди теперь смуты, жмуров и усиленных дежурств. Ты чего думаешь?

Темой недели была последняя партия зэков, с которой на зону прибыл некий Пугач, вроде бы новый пахан зоны, сиречь авторитетный вор, который станет править тутошний бал. Так уж устроена жизнь в Парме, что всё, в конечном счёте, вертелось вокруг зоны – так же, как земля вертится вокруг своей оси. Можно голову прозакладывать, что и за остальными столиками в обоих залах сегодня преобладала эта же тема. Чему ж удивляться-то! Население Пармы процентов на семьдесят состояло из бывших сидельцев. Даже женщины большей частью попадали сюда с женских зон – в первую очередь, с ближайшей, той, что в ста сорока километрах от Пармы… Другой типичный способ пополнения женского населения посёлка – отпуска. Поднакопит деньжат мужик, год провкалывавший на лесопилке, маханет летом в Сочи, сойдётся там с какой-нибудь тоскующей бабёнкой из Кинешмы и прочих Великих Лук, та и переезжает к нему. Ясно, что Москву или Питер женщины на тайгу не меняли даже при самой жгучей любви, подобный случай посёлок знал только один, да и то столичная штучка выдержала лишь полтора года среди лесов, комаров и местных нравов…

Карташ пожал плечами.

– Насколько я понимаю, на такую почётную должность – пахан зоны – у них назначают. А дисциплинка у них почище нашей будет.

– Это верно, – поддержал его прапорщик Алексеев, обстоятельно, как какой-нибудь мастеровой из советских фильмов про пролетариат и революционеров, отряхивая буденовские усы от пивной пены. – Раньше, чем его к нам доставили, пришла малява, что пахан едет, мне один «казачок» стуканул. Значит, всё было решено, договорено и согласовано. А кому паханствовать в наших краях, это у них определяет шантарский сход, я вам точно говорю. Ну а уж сделать так, чтобы пахана отправили на нужную зону, это пустяк, о котором даже говорить смешно. И кто ж попрёт против решения схода, какой такой самоубийца? Значит, примут нового без шума и пыли, никаких усиленных дежурств нам не грозит. Вот, помню, в семидесятых…

– Да погоди ты со своими байками, – перебил его краснолицый капитан Петрович – из той категории российского офицерства, которая зовётся «вечный капитан». – Во, бля, как у тебя всё гладко. Разве всегда так проходило? А прежний пахан, Баркас этот? Он что, сам слезет? Да никогда. А двух царей на троне не бывает! Неет, товарищи офицеры, яйцами чувствую, быть большой буче. Чё, сам не чуешь – назревает чёто. Ох, бля, назревает… Видал, как зыркают? Только отвернись, пику в печень получишь – и никто не узнает, где могилка твоя… – И Петрович горестно обмакнул губы в пивную пену.

– А что это за Пугач, чем известен? И по какой статье загреметь умудрился? – спросил молодой прапорщик Богомазов, на миг отвлекшись от ритуального процесса смешивания русского народного коктейля «ёрш».

Ответа Карташ не дождался. Он направился к стойке за своим пивом, до которого, вот счастье, дошла наконец очередь.

– Здоровки будь, командир… – раздался за спиной голос. Щурясь от беломорного дыма, на Алексея смотрел Егор Дорофеев.

Карташ догадался, что тот специально выскочил из малого зала – дабы перехватить его у стойки.

– Здорово, – он отставил кружки на залитый пивом поднос. – Ну и как оно?

По азартно горящим глазам, по возбуждённо-испуганному виду Карташ понял, что Егору не терпится поделиться информацией. Неужели действительно нашёл?..

– Для тебя есть кое-что. Это я скажу… ого-го, – Дорофеев интригующе подмигнул. И добавил, понизив голос:

– Пойдём, прогуляемся до ямы…

Карташ кивнул, хлебнул пивка на дорожку, отставил кружки на край стойки, и тут Егор, видимо, не в силах удержать в себе информацию, чесавшую язык, прошептал:

– Я был там…

– Пойдём, пойдём, – поторопил Карташ.

– Гляди, прокиснет, – кинула ему вдогон Любка.

Они вышли на крыльцо. Июльские сумерки были уже на подходе, вот-вот и окончательно стемнеет, сейчас вся округа плавала в сплошь фиолетовых тонах – этакие кратковременные переходные колоры любят подкарауливать, специально выбираясь с мольбертами на плэнер, художники-пейзажисты. Тут же накинулись голодные таёжные комары, которые, по крылатому выражению прапорщика Ломакина, запросто могут унести в зубах кусок сахара со стола и которые, по ощущениям самого Карташа, того же пейзажиста вмиг растерзают на кровавые лохмотья – мажься репеллентом не мажься.

К яме, сиречь к местному писсуару, служившему также и компостной кучей, они сворачивать не стали. Туалет, типа сортир, тоже имелся, но нужник служил женским туалетом, а при той простоте нравов, что имела место быть в Парме, мужикам даже в голову не приходило усложнять себе процедуру. Они просто обошли кафе и устроились с обратной стороны, на бревне-завалинке.

– Я был там, – повторил Егор. – В Шаманкиной мари…

– Рассказывай, – подбодрил Карташ.

И почувствовал знакомый азарт: чутьё в который раз не подвело его. По крохам собираемые сведения, видимые свежим глазом несуразности вокруг Пармы, случайно обронённые словечки, местные байки и сказки – и вот головоломка постепенно выстраивается, выстраивается, мать её…

– Ну это… Вышел к болоту. А болото, прикинь, колючкой огорожено, что твой зоопарк. Болото – колючкой, а?! Ну-у, я тебе скажу, её там наворочено. Три ряда, в высоту метра полтора. Типа как на линии этого, который финн, Манеберга, всё так же было опутано…

– Маннергейма. Ну? Что дальше?

– Один чёрт, всё равно жиды и тот, и этот… Дальше думаю, как быть. С дерева на дерево перемахнуть, как белка, или сухостоя навалить побольше и перебраться по нему, как по мосткам? Как-то не в любовь, в топи-то рыло совать. Да и боязно, а вдруг звоночки электронные какие пойдут. Лучше уж вовсе не соваться. Ну-ка, думаю, пройдусь вдоль, погляжу, что и как. И в натуре. Прошёл я где-то с километр и вижу там дерево упамши. Здоровенную сосну, видать, ветром завалило, и аккурат на колючку, она и придавила эту заразу, переходи по ней туда, как по асфальту. Самому боязно, все рассказки про эти места всплыли, как говно в проруби…

Показалось это Карташу или нет, будто легко хрустнул сучок под чьей-то ногой? Он резко поднял руку, делая Егору знак замолчать. Прислушался… Нет, кроме глухого шума, доносившегося из пармского салуна, да обычных поселковых звуков вроде далёкого собачьего лая, чьей-то пьяной песни и стука топора ничего не слышно. Ну да Дорофеев и сам охотник, лучше его, московского залётного гостя, должен слышать в ночи, а раз молчит, значит, в самом деле показалось…

– Ты потише, Егор, – на всякий случай предупредил Карташ.

– Да я ж вроде и не громко… Ну так вот, ты слушай дальше. Значит, пробрался туды, к болоту то есть. Полторы суток по ним, окаянным, петлял, пока вышел к кряжу. Чуть не потоп. А уж дальше по кряжу до самого до острова. Ночью шёл, днём отлёживался, чтоб не засекли. Ну, и дополз. Остров как остров, но тоже колючкой опутан, что твоя не скажу что. А если б не колючка, то ничего примечательного, тайга и тайга, всё то же самое как снаружи, так и вовнутрях. Звериных следов разве только меньше. А птиц как и везде, этим-то что не летаться…

– Ты давай-ка без лирики, птица-сокол…

– А если без неё, то выбрал направление и пошёл вдоль этой, второй колючки, ночью опять же. Через неё перелезать не стал, опять же – сам говорил, может, секретики какие установлены. Понятно, сторожко шёл. Чтоб на сучок какой сучий не наступить, веткой не колыхнуть, сам понимаешь… А тихо вокруг – ни звука, ни огонька. Этак с час, короче, гулял. Опять же тайга и тайга, ни хрена интересного. Почитай, весь остров по этому, как его, по перлиметру обошёл. Потом гляжу – ручеёк, это под утро уже. Вшивенькая такая речонка лесная, метров пять шириной, в болото втекает, кустики по берегам, плёсы. Но местами берега попадаются высокие, и скал до дури. И вот, – он понизил голос до триллерного шёпота, – вижу откос, который река подмыла, откос поехал, вниз попёр. Причём не только край. А знаешь, как бывает, где почва не шибко твёрдая и больших деревьев немного? Там может сверзиться и хренова туча метров. Вот что тут и

получилось. Причём, по всему видно, берег поехал не так давно. Что я, думаешь, там увидел?

Егор хихикнул нервным смешком, потом достал пачку «Стрелы», закурил.

– Ну? – вырвалось у Карташа.

– Скелеты.

– Что?!

Признаться, такого сюрприза Карташ ждал меньше всего. Радиоактивные захоронения да, тренировочный лагерь бойцов какого-нибудь отряда «Альфа» – почему бы и нет… но *такое*…

– Черепа, косточки. Короче, там, на берегу, открылся на обозрение натуральный погост…

Карташ, только что затоптавший окурок, полез за новой сигаретой. И от растерянности задал не очень умный вопрос:

– Человеческие?

– Ясный хрен, кто ж зверьё хоронить будет… – хохотнул Дорофеев и снова перешёл на шёпот:

– Думаешь, всё? Ты погоди. Я, значит, это, издали сперва разглядывал и, честно говоря, не собирался подходить ближе. Даже из кустов, где сидел, не тянуло выбираться. А тянуло делать ноги взад. Однако любопытство таки держало… В общем, с полчаса просидел так, потом прикинул хрен к носу, что раз забрался так далеко, раз наткнулся… И тишина вокруг, птицы ведут себя спокойно. Короче, направился туда. Осмотреться. Я черепа, те, что наверху белели, и те, что внизу у реки, не пересчитывал, но много их там, уж с сотню будет точно… Так если б это всё! Я нашёл там две свежие могилы.

– Уверен? – быстро спросил Карташ.

– Так о тож. Земля рыхлая, ещё травкой не затянутая. Я, понятно, дёрн разрывать не стал, не поганец-гробокопатель. Носком поковырял разве… Точно свежие. А уже светает изо всех сил, и за деревьями, слышь, вроде как дома сереют. Ну, дома – не дома, не знаю, может, избы али ангары какие, только формы уж больно правильной, природа так не умеет. Так что я поскорей оглобли повернул и, пока солнце не встало, назад по кряжу ломанул, по-тихому… Кажись, не заметили…

– Так что, значит, есть там люди?

– Да кто ж их разберёт… Но могилки точно свежие, стало быть, кто-то их хоронил, жмуриков-то.

– Зарубки оставлял? – быстро спросил Алексей.

Дорофеев виновато развёл руками.

– Не успевал, командир. Светало быстро, недосуг было… Но ты не боись, я дорогу знаю.

Дорофеев виновато развёл руками, отбросил докуренную сигарету и полез в карман за следующей. Алексей искоса разглядывал его. Худощавое, но жилистое, будто свитое из прочнейших тросов тело, лицо, загар с которого не сходит даже зимой… Лет Егорке было где-то под полтинник, хотя с виду он казался значительно моложе, не больше сорока – куда там «нестаринам», фитнесс-клубам, соляриям и прочим йохимбе – вот она, архилучшая реклама нестарения: жизнь на свежем воздухе, долгие пешие прогулки по лесу и здоровое сбалансированное питание, что характерно – продуктами, добытыми собственноручно, а не приобретёнными в супермаркетах. Плюс к тому, не стоит забывать, молодая сильная жена, мастерица и по части кулинарии, и, как почему-то был уверен Алексей, по постельным игрищам тож…

– Дела-а, – наконец протянул Карташ.

– И я о том же. Только и это ещё не всё.

– Что ещё?

– Увидишь, – Егор хитро прищурился. – Подарочек для тебя имеется. Сам сделал, вот этими вот руками. Лучше всяких зарубок.

– Показывай, что жмёшься. Стоящее куплю, и простава само собой будет… за вредность. Ну?

– Так не с собой. В сумке. А сумка в Салуне.

– Хорошо, тогда сделаем вот как…

То ли от услышанной жути, то ли от чего другого, но Карташа никак не оставляло ощущение ещё чьего-то присутствия вблизи. Даже если чутьё разыгралось на пустом месте… лучше перебдеть, как говорится.

– Вернёмся в «Огонёк», посидим с полчаса. Потом я выйду, а ты выходи минут через пять после меня. Встречаемся у сухого колодца.

– А…

– Да после проставлюсь. Завтра. Или сегодня схожу куплю тебе пару пузырей. Ну когда я кидал?

– Это верно. Не кидаешь… Только за жуть такую добавить бы трэба, а, командир?

– Разберёмся. Сказал же, не обижу…

Они поднялись, вернувшись в заведение, разошлись по своим компаниям. Егор направился в малый зал к своим промысловикам. Карташ задумчиво смотрел ему вслед.

Как и многие, отсидевший срок на здешней зоне, Дорофеев остался в Парме. И не было в его истории никакой исключительности, одна типичность: выпало ему отбывать наказание в советские годы, а по тогдашним законам осуждённого выписывали с его жилплощади. На воле его никто не ждал, иными словами – прописать его к себе было некому, значит, оставалось лишь бичевать, попадаться по новой и по новой идти на этап. Егор выбрал жизнь таёжную, но вольную: охотничий промысел, шишкование в сезон, немного зарабатывал рыбалкой и сбором ягод – короче, кормился от леса, вёл, как уже говорилось, здоровую и согласную с законами жизнь. Ну, хотя браконьерствовал, конечно, помаленьку, не без этого, да кто ж в этой глухомани не браконьерничает… А уж Надюшка ему попалась – загляденье, право. Оттого, должно быть, и не спился, повезло парню.

Карташ кое-как отсидел полчаса, на автопилоте участвуя в застольной беседе, мыслями далёкий от неё на восемьдесят с гаком километров. Едва минуло полчаса, он распрощался с братанами по оружию. Впрочем, он никогда особо не задерживался в «Огоньке», к этому привыкли.

Собственно, не пиво трескать он сюда приходил. Он вообще мог вполне обойтись без пива и, тем более, без тёплой компании сослуживцев, в общении с которыми приходилось напрягаться, чтобы не выпускать на лицо скуку, а напротив, изображать заинтересованность и дружелюбие. Он приходил в «Огонёк» единственно ради того, чтобы перевидеться здесь с нужными людьми. И из своего общения с разными человеками, главным образом, с охотниками и с теми, кто лишь формально звался охотником, а на самом деле промышлял диким старательским промыслом, Карташ тайны не делал. Ничего страшного, что он выходил пошептаться с охотниками. В Парме не принято было совать нос в чужие дела. Да и Карташ был не единственным, кто покупал у промысловиков продукты их промысла.

Сухой колодец высох лет двадцать назад. Его заколотили, но доски то и дело отрывали для единоличных хознужд – пока не дадут команду плотнику, пока двадцать раз ему не напомнят, пока тот не приколотит новую доску, ворча насчёт того, что «нет на вас, засранцев, Сталина, он бы вам побезобразил», – в безводную утробу летели хабарики, пустая тара и плевки.

Карташ топтался у колодца четверть часа, поминутно поглядывая на часы. Егор всё не шёл.

Это уж ни в какие ворота. Ну понятно, хорошо сидится в «Огоньке» – однако ж выпивка и душевная компания никуда от него не убегут, зато, если обещанная им вещь действительно чего-то стоит, то будет ему на что напоить всех своих дружков. О чём он думает?! И ведь не мог он за полчаса набраться до беспамятства…

Бесцельно наматывать круги вокруг колодца, как какой-нибудь влюблённый лох под часами, не было никакого терпёжу, не по его натуре такое. Карташ быстрым шагом пошёл по тропинке, ведущей от Сухого колодца через еловую рощицу к главной поселковой дороге, которая даже имела своё название: Восточный тракт – не более, понимаешь, и не менее.

…Егор ничком лежал прямо посередине тропинки, метрах в пятнадцати от дороги. Присев на корточки и затаив дыхание, Карташ щёлкнул зажигалкой и перевернул охотника на спину. Прямо напротив солнечного сплетения виднелась ножевая рана. Крови было немного, в основном, разлилась внутри. Алексей вскочил на ноги и сделал два стремительных шага назад. Ничего не изменилось. В том, что Дорофеев мёртв, сомнений не было никаких, труп уже начинал коченеть. Ножа не видно ни в теле, ни рядом с ним. Как впрочем, не наблюдалось и сумки, про которую говорил Дорофеев. Что естественно, если хорошенько подумать. А подумать не мешает не просто хорошенько, а, как говаривал вождь мирового пролетариата, архихорошенько. Обо всём. Но не здесь и не сейчас…

Карташ почувствовал, как взмокли ладони.

Страх. То был банальнейший страх.

Надо отсюда уходить. И быстро. Дорофееву уже ничем не поможешь, а труп обнаружат и без Карташа. Вбегать в заведение с криком от порога: «Егорку убили!», – это, знаете ли, лишнее.

Незачем привлекать к своей персоне всеобщее внимание. Тем более что ножи здесь носит каждый второй, не считая первого…

Карташ не стал выходить на дорогу: мало ли кто увидит, потом ещё свяжут место и время преступления с его сумеречными шатаниями в тех же краях. Хотя опыт показывает, что следствия особого не будет. Во-первых, Егор Дорофеев – фигура не того масштаба, чтобы из-за него приезжали с Большой земли, будут управляться местными силами. Ну а что это за силы, хорошо известно… Во-вторых, поножовщина как способ выяснения отношений – дело в Парме если не рядовое, то уж точно не из ряда вон выходящее, смотри пассаж о ножах…

Карташ вернулся к Сухому колодцу и оттуда пошёл в обход по лесной тропинке, собираясь обогнуть посёлок лесом и выйти на Восточный тракт со стороны лесопилки – с той стороны, откуда обычно возвращаются предававшиеся любовным утехам парочки. То есть парочки, если любятся в открытую, а уж ежели присутствует супружеская измена, то исключительно поодиночке. Как в цивилизованных странах, понимаешь.

Он шёл быстро, ловя каждый посторонний звук. Потому что не сомневался – Дорофеева убрали из-за того, что он добрался туда, до Шаманкиной мари, и из-за той вещи, что лежала в его сумке. Их разговор на завалинке подслушивали – тут тоже не приходилось сомневаться. А значит известно, с кем Дорофеев откровенничал.

Страх прошёл, остался так, лёгкий мандраж. Зато был азарт. Карташ, несмотря ни на что, был собой доволен – интуиция не подвела его и на этот раз…

По пути к дому, как на грех, ему попался прапор Сорин, мрачно и одиноко бредущий в сторону «Огонька». Карташ быстренько собрался, сделал соответствующее скучающее лицо, даже принялся

насвистывать беззаботный мотивчик.

– О, Леха, – приглядевшись в темноте и узнав, ничуть не удивился Сорин. И тут же спросил:

– Выпить есть?

Карташ молча показал пустые ладони, споро прокачивая ситуацию. Прапор и без бутылки был уже отчётливо пьян, однако в Салуне Алексей его не приметил – стало быть, нажрался где-то в другом месте. Стало быть, это не он мочканул охотника, потому как, во-первых, он должен был подслушивать их разговор в зале, дабы сделать соответствующие выводы, а во-вторых, столь мастерски пощекотать заточкой не самого последнего лоха в посёлке – с пьяных-то глаз не очень получится. Да и не в его, Сорина, привычках было размахивать заточкой, в ухо дать ещё куда ни шло.

Не он завалил Егора, не он, кто-то другой…

– Сучка, – пожаловался Сорин. – Сказала – буду ждать там вон, у поваленного кедра, приходи. Ну, пришёл, пузырь принёс, всё чин-чинарем, как полагается. Час прокантовался, как дурак, и ни хрена. Выпить точно нет?

– Да нету, нету, – сказал Карташ. Встреча, кстати говоря, случилась весьма своевременная: прапор-то и покажет, что старлей шёл не откуда-нибудь, а от лесопилки. На случай, если вдруг у кого-нибудь возникнут какие-нибудь вопросы…

– Ну и ладно, – безнадёжно махнул рукой Сорин. – Пойду в Салун, вдену… Про нового пахана слыхал? Говорят, такое будет…

Распрощались они весьма мирно. Прапор ничего не заметил и не заподозрил.

Алексей дошёл до дома более никем не замеченный, разве что облаянный собаками, да разве ещё с крыльца соседнего дома его окликнул поприветствовать тихий пьяница Толян, здешний, пармовский, конюх. Вот и ещё один свидетель, что у него стопроцентное алиби. Не-ет, господа, как оно ни крути, а денёк, – уж прости, Егорка, – выдался счастливый…

Он снимал полдома с отдельным входом и даже своим палисадником у шестидесятилетней вдовы Тамары свет-Кузьминичны.

Провернув ключ в замке и чуть приоткрыв дверь, Карташ какое-то время стоял, прислушиваясь. Кто ж его знает… Но ничего подозрительного слух не отловил. Лишь где-то скреблись мыши, да с половины Кузьминичны доносилось трескучее бормотание чэ-бэ телевизора. «Президент США Джордж Буш-младший заявил, что…

В ответ на требования полиции освободить заложников… Тем временем военные действия на юго-востоке страны продолжаются…» – доносился сквозь треск помех бодрый рапорт телеведущей. Прям-таки сводки с поля боя. Политикой бабуля интересовалась более всего прочего в этом лучшем из миров, хотя по старости лет не слышала уже ни черта.

Овдовела она десять лет назад, её благоверного, тоже некогда сидевшего, но после тоже завязавшего, отчего-то снова посадили (ну поехал человек в Шантарск за какой-то дорогой покупкой, ну встретил старых дружков, выпил с ними крепко, а потом за компанию отправился на дело – и за компанию же погорел). Где-то на зоне в средней полосе России он и загнулся – как было сказано в похоронке – «от обострения язвенной болезни».

Сводки с полей…

Первое время Алексей, как завязавший курильщик, зело страдал от отсутствия телефона, а вот отсутствие телевизора перенёс на удивление спокойно – даже к бабке не заглядывал, хотя та разика два

звала его посмотреть то ли «Санта-Марию», то ли «Просто Барбару». А потом ничего, привык и к телефону. Точнее, к тому, что его нет и никогда не будет – по крайней мере, здесь.

В сенях он включил свет, чего обычно не делал, заглянул в чулан на предмет незваных гостей с пиками, перьями и прочими заточками, только после этого прошёл в комнату.

С водки – с полей…

И первым делом, не снимая кобуры, вытащил из холодильника початую бутылку водки и недоеденную тушёнку. Воткнул вилку в содержимое банки, набулькал в стакан граммов сто пятьдесят. А пальчики-то, кстати, дрожат… Да, брат, не каждый день чуть ли не на твоих глазах убивают человека. К тому же, человека принёсшего ниточку к раскрытию тайны. К тому же, принёсшего эту ниточку не кому-нибудь, а именно те бе…

Пивной хмель от двух кружек пивка давно и без остатка выветрился – ещё б ему не выветриться после эдаких-то событий, а чтобы привести мысли в какое-то подобие порядка требовалось их чем-то встряхнуть.

Встряхнул.

Чуть полегчало, отпустило. Страха до сих пор не было, зато чувство азарта, подогретое водочкой, росло как на дрожжах. Забылось даже тревожное ощущение, предчувствие надвигающейся беды. Значит, он действительно набрёл на что-то важное. Ох, ё-моё, какие тут открываются перспективочки…

А вот на фига он завтра «хозяину» лагеря, полкашу Топтунову, понадобился – не понятно. Кого ещё там на станции встречать? Не до встреч как-то нынче…

В голове приятно шумело – ну да, на пустой-то желудок, да после дежурства, да после всего пережитого… Карташ помотал головой. Водку, откровенно говоря, он употреблял редко – нет ничего проще, чем спиться в таких вот местах, как эта долбанная Парма. Он понял это сразу, едва приехал в таёжную глушь. Но – если не хочешь спиться и свихнуться, надо, приятель, искать дело, надо искать, чем отвлечь себя от пустоты. Вот он и нашёл. И почти дошёл до разгадки. И поэтому – именно поэтому и только поэтому – сегодня можно было позволить себе наркомовские сто пятьдесят. То есть, прошу извинить великодушно, старлеевские сто пятьдесят. За удачу. Он правильно определил место, да и вообще в правильном направлении начал копать… Ну, теперь без «Макарова» он носа из дома не высунет, благо офицерам не возбранялось носить табельное оружие в свободное от службы время где угодно. Окромя, разумеется, внутреннего периметра собственно зоны.

В избе тикали, как им и положено, ходики, время от времени трясся мелкой дрожью пошарпанный холодильник, где-то за окном, очень далеко перекликались голоса. Не тело ли уже обнаружили? По-деревенски, со стуком, он поставил опорожнённый стакан на стол и шумно завалился на заправленную постель, закинул руки за голову. Кобура с «макаркой» больно врезалась в бок, он передвинул её на брюхо, чтоб не мешала. Будем исходить из худшего: Егора мочканули не из-за старых счётов, не ворьё, позарившееся на битком набитую торбу, не какой-нибудь пьяный юнец, коих здесь, признаться, как блох на бомже, и кои, как пионеры, готовы пырнуть заточкой первого встречного – просто потому, что кровушка молодецкая играет и утвердиться дюже охота… Нет, будем думать, что мочканули его именно из-за того, что лежало в сумке.

Значит, некто следил за ними? Значит, некто знал, что отыскал Егорка? Значит, некто понял, что именно старший лейтенант Алексей Карташ интересуется малопонятной территорией, не обозначенной ни на одной карте, зато щедро огороженной рядами колючей проволоки…

Территории, за раскрытие существования которой непосвящённому полагалась только одна награда: заточка в солнечное сплетение, так что ли?

Ну вот это уж дудки. Мы-то Карташи, мы не отступим и на пику посадить себя не позволим.

Память предков, знаете ли, не позволит. А уж особенно дед не позволит: вот как встанет из гроба…

Глава вторая.

Жизнеописание

25 июля 200 года, 00.19.*

Как гласит бородатый анекдот, если ребёнок не выбирает что-то одно, а сгребает все предметы, расставленные перед ним (глобус, рюмку, куклу с бантиком), то быть ему офицером.

Дражайший папочка, Аркадий Алексеевич Карташ, гаданий не устраивал. Им всё было решено ещё до рождения ребёнка. Родится девочка, будет кем пожелает, родится мальчик – быть ему офицером. Как дед. Как отец.

Родился мальчик. Назвали Алексеем. В честь легендарного деда.

Ох уж этот дед, бля…

Лёша Карташ любил дедулю, так же сильно ненавидел и лет до двенадцати страшно боялся, хотя в живую не видел никогда. Дед, выходец из столь же давнего, сколь и извечно бедного рода польско-румынских дворян Карташей, погиб в сорок шестом в Закарпатье, невдалеке от родного города Хуст, в стычке с бендеровцами, что обезумевшими волками рыскали в послевоенные годы по берегам Тисы и ощутимо мешали установлению Советской власти на Западной Украине, каковое и без них проходило архинепросто. Дед был одним из тех, кого направили чистить леса Закарпатья от засевших там недобитков – дескать, места тебе знакомые, до боли родные, вот и займись.

Впрочем, гибель деда была окутана столь загадочными подробностями, что юный Лёша Карташ ничуть не удивился бы, откройся вдруг дверь и переступи порог тот, чьи фотографии висели в каждой из шести комнат московской квартиры, Тела тогда так и не нашли. По свидетельству захваченных в плен бендеровцев, на чьи показания и опиралось следствие, деда и двух других бойцов спецотряда МГБ (все трое были ранены, потому и оказались в руках у бандитов) увели на расстрел некие Микола и Петро, но те сами были убиты в последнем бою этой банды, так что место расстрела показать было некому.

Стало быть, дед запросто мог и сбежать, а Микола с Петро просто скрыли сей факт, дабы их самих не шлёпнули свои же – за ротозейство и невыполнение приказа. Правда, в семье Карташей были уверены, что если б дед спасся, он рано или поздно вышел бы к своим. Вряд ли бы он предпочёл начать новую жизнь под чужим именем на территории своей страны, ещё меньше верилось в то, что он перебрался через одну из границ и осел в стране другой. А что поделать – дед был патриот и борец за идею великой империи, и весь его героической путь сие подтверждал.

В двадцать шестом Алёша Карташ закончил школу Кремлёвских курсантов, а в двадцать четвёртом стоял, как и все кремлёвские курсанты, в почётном карауле у гроба вождя… и когда по телевизору крутили кинохронику прощания соратников с Лениным, то вся семья Карташей собиралась перед экраном и ждала кадра, когда покажут скорбящего у гроба Серго Орджоникидзе. Именно тогда на заднем плане был виден молоденький курсант в шинели, в будёновке, с винтовкой, с траурной повязкой на рукаве. Мать всхлипывала, отец наклонялся к экрану, каменея лицом… а маленький Лёша Карташ думал о том, что вот так вот, без движения, стоять час или больше, наверное, невыносимо, и ему тоже придётся мучиться, когда он станет офицером, чего, кстати, не хочется до усрачки…

До финской войны тридцать девятого года дед, в общем-то, ничем героическим не отметился, просто честно служил: сначала на Дальнем Востоке, потом в Туркестане и, наконец, в ЛВО. Прошёл путь от

батальонного до полкового комиссара. В первые самые тяжёлые для Красной армии дни «зимней войны» танковый батальон, в котором находился в тот момент комсостав бригады, включая полкового комиссара, попал в окружение. Батальон был изничтожен практически подчистую – лишь деду удалось вывести из-под огня и увести на лыжах в леса горстку людей. Эту горстку он превратил в летучий отряд, который боролся с финскими разведчиками и терзал позиции финской армии наглыми вылазками. После того как отряд вернулся в расположение Красной армии, дед вынужден был отчитаться не только перед своим командованием, но и перед органами НКВД…

Вопреки огульным обвинениям, которые выкрикивали, брызгая слюнями, в годы перестройки бородатые демократы, органы безопасности при «отце народов» занимались не одними лишь беззакониями и репрессиями – они ещё и работали. И профессионалов в органах хватало.

Причём профессионалов крутейших, каких после этого никогда уж не делали… Так вот деда никуда не посадили и не сослали. Его взяли в работу, посчитав, что политработников и без него хватает, зато позарез нужны сильные и толковые офицеры для проведения спецопераций на территории врага. В НКВД тогда формировали спецотряд для выполнения задач особой сложности – то есть, на сегодняшний манер говоря, создавали спецназ.

В спецотряде дед провёл всю Великую Отечественную. И это всё, что известно об участии деда в той войне. Операции, все как одна, были увенчаны грифом наивысшей секретности, каковая не имеет срока давности. Лишь награды деда недвусмысленно указывали на то, что он отнюдь не на тыловых складах подъедался и родина по достоинству оценила его личный вклад в общий успех.

Для Лёши Карташа дед стал тем, кем, верно, был для древних греков Зевс: сила грозная, неусыпно надзирающая, способная в любой, момент покарать за непослушание и в то же время бесконечно далёкая и безгранично почитаемая.

Каждый день он слышал: «Деду бы это не понравилось», «Дед не одобрил бы твоего поведения», «Ты должен быть достоин своего деда».

Отсюда проистекала и вся та сложная гамма чувств, которую Лёша Карташ испытывал к своему родственнику. Отец же Алексея, Аркадий Алексеевич, не мог похвастаться столь героической биографией.

Вдобавок он не пошёл по стопам Карташа-старшего – он выбрал службу в ПВО. Правда, и ему пришлось побывать на войне – на той войне, которой как бы и не было. Командиром огневого дивизиона он был отправлен во Вьетнам и неплохо там поработал ракетами по «Фантомам» – настолько неплохо, что по возвращении на родную землю его поощрили внеочередным званием и перевели из города Остров, что в псковской глубинке, в Москву. А в столице и родился Лёша Карташ – так что последний на сегодняшний день отпрыск рода Карташей имел все основания именовать себя коренным москвичом.

Помимо того что над детством Алексея постоянно витала тень легендарного польско-румынского предка, отец целенаправленно готовил из сына офицера. Внушаемый им девиз звучал так: «Режим и самодисциплина. Только так ты сможешь во всём быть первым – в учёбе, в физ-подготовке, стать лидером среди сверстников». Мать-домохозяйка своего строгого супруга побаивалась, и, даже когда отца не было дома, Лёша от неё послаблений не получал.

Поэтому, когда отзвучал последний школьный звонок, а молодой Карташ поменял дом на курсантскую казарму, он не ощутил существенных изменений к худшему. Просто родительский диктат уступил место приказам отцов-командиров и внеуставняку старшекурсников.

Отец не принуждал своё чадо к выбору рода войск: хоть в военно-морской флот иди, главное, чтоб Родине служил – подобный подход отцу представлялся верхом родительского либерализма…

Почему Карташ вдруг подался в вэвэшники?

Иначе как своего рода протестом это не объяснишь. Ах, память героического деда-спецназовца?! Ну так вот пусть он там у себя в деревянном макинтоше заёрзает и перевернётся от того, что внучек наметился в вертухаи. Ах, род Карташей обязан родине служить?! Ну так и за колючкой тоже родина…

Нет, конечно, можно было расплеваться вдрызг с родителями и поступить в какой-нибудь штатский институт. Но, во-первых, срочную служить Карташа не грело абсолютно (видимо, когда тебе долбят свыше десятка лет, что ты потомственный офицер, простым солдатом себя уже и не вообразить), во-вторых, не хотелось ссориться с отцом и матерью, а в-третьих… в-третьих, как-то по барабану на тот момент было Карташу кем быть.

Первые два года в училище запомнились Карташу работой и муштрой, три последующие – увольнительными и самоволками. В общем, пять лет учёбы на офицера прокатились незаметно, как под горку.

Карташ знал, что его отец никогда не переступит через себя и не станет просить за сына, чтобы того оставили в Москве на хлебном месте, хотя к тому времени отец уже получил генерала и занимал довольно-таки высокую должность в штабе округа. Но Алексея нисколько не беспокоило, в какую глушь его загонят по распределению, его даже, устраивало пожить годика два-три вдали от привычного московского круговорота, к тому времени несколько поднадоевшего своим однообразием.

Однако просить отцу за сына оказалось вовсе не обязательным.

Карташ охотно верил словам одного драчливого деятеля кино, когда тот в различных интервью гордо подчёркивал, что он, дескать, поступил в институт кинематографии сам, без протекции отца, посредством честного конкурса и честного отбора. Конечно, сам, кто бы сомневался… Но вот только скажите на милость, кто из приёмной комиссии взял бы на себя смелость завалить абитуриента, чей отец – автор текста Гимна СССР и особа, приближённая к императору?.. Так и Карташ ни на секунду не сомневался: примерно та же история повторилась и с ним. Всем и каждому было прекрасно известно, чей он сын, и пусть генерал и не твоего департамента, но – кто ж ведает, в какие выси тянутся нити его знакомств. Поэтому пристроим-ка отпрыска на всякий случай, что нам стоит, тем более отпрыск вроде не полный балбес и не полный разгильдяй, а если даже балбес и разгильдяй… ну, будет одним больше, только и всего.

Так Карташ очутился в комиссии по контролю за исполнением наказаний при Министерстве внутренних дел. Его определили в свиту одного из полковников, занимающихся инспекцией исправительно-трудовых учреждений.

Главной обязанностью новоиспечённого лейтенанта стало сопровождать полковника в инспекционных вояжах по стране. А между вояжами начальство выискивало для подчинённых какие-нибудь необременительные занятия – главным образом, бумагомарательного свойства. Вот такая выпала Карташу служба.

Поездки по лагерям более чем не обременяли – они, напротив, вносили свежую струю в затхлую московскую рутину. Ему даже не приходилось чересчур много пить в этих разъездах – было кому и без него, чаще он просто дожидался, когда полковник с приближёнными устанет от хлебосольства принимающей стороны, от бань и краснощёких провинциальных путан и даст команду на возвращение.

Он в срок получил старшего лейтенанта, так бы дальше и шло по накатанной – к повышению по должности, к капитанскому званию, к обзаведению солидным брюшком и сварливой женой. Однако деятельная натура Карташа, до того находившая выход в лихих попойках и многочисленных любовных интрижках, затребовала простора. Бессмысленное и унылое шагание по пологой карьерной лестнице, в отличие от большинства из тех, кто окружал Карташа на службе, Алексея не устраивало. Натура просила

настоящего дела. И уж раз так сложилось, что он выбрал себе именно эту судьбу, то и искать поприще для приложения сил следовало на уже досконально изученной, насквозь знакомой территории…

Во время инспекций он перестал просто отбывать номер и принялся изучать ту жизнь, что протекала за охранным периметром, её особенности, её своеобычные законы, её сильные и слабые стороны. И в голове стал складываться замысел. Грандиозный и рискованный. Наглый и в то же время простой. Он вынашивал его несколько лет, обкатал до мельчайших деталей, провёл осторожную разведку, убедился, что всё задуманное им вполне может осуществиться и успех замысла зависит лишь от его собственной предприимчивости, от собственных безошибочных действий. Он уже начал прощупывать людей, которым предстояло стать ключевыми звеньями его замысла, начал вести с ними осторожные разговоры с прозрачными намёками, убедился, что почва готова и осталось лишь бросить в неё зёрна…

** * **

И вот тут-то служба преподнесла сюрприз, которого он – уж от службы-то – никак не ждал, В одну из пауз между инспекциями его отправили посыльным на квартиру одного генерала их ведомства. Переложив конверт в левую руку, он позвонил в дверь, готовый вскинуть правую к головному убору. Дверь отворилась… и рука замерла на полпути. Вместо генерала по ту сторону порога стояло создание, разве что смоляной чернотой волос напоминавшее грозу нерадивых адъютантов и неисполнительных майоров. Девушка лет шестнадцати, невысокая, курносая, со смешливыми глазами и веснушками на носу и щеках. На ней были закатанные до колен спортивные штаны и маечка. Потом, разбирая полёты, Карташ всерьёз винил во всём дальнейшем ту чёртову маечку, под которой более ничего не было.

Девчушка молча и серьёзно рассматривала Карташа, склонив голову набок, а у бравого посыльного отчего-то никак не могло уложиться в голове, что в квартире двухметрового генерала может проживать подобное создание. А вдруг это не та квартира?! Он отступил на шаг, чтобы взглянуть на номер…

– Папина, папина берлога, – хитро прищурясь, сказала… выходит, дочь обладателя генеральских лампас. – Папа у дяди Толи, это сосед сверху. Сейчас я ему позвоню, он спустится за вашим письмом. Пойдёмте, господин юнкер, чаем вас пока напою.

Папе она позвонила лишь спустя полчаса. И Карташ со звонком её не торопил. В конце концов, не содержал же пакет приказа немедленно выступать? А если и содержал… За приятные минуты можно заплатить и десятью сутками на «губе». Минуты были приятны, хотя ничего особенного они не делали, не подумайте. Они всего лишь пили чай и болтали о всякой пустячине.

Он не робел – на то он и офицер, чтобы не робеть перед женщинами, даже столь юного возраста. Не робел, хотя перед ним сидела дочь грозного начальника. Может, и оттого, что в мыслях он никак не мог сроднить хохочущую девчонку в просвечивающей майке с глыбоподобным скалозубом в генеральском кителе.

Потом всё повторилось. И отправка посыльного с конвертом, и дочь генерала, и кухня с чаем. Правда, повторилось уже не по воле случая, а по воле старшего лейтенанта Алексея Карташа, который сам выстроил события: перехватил реального посыльного и за пачку сигарет «Собрание» перекупил почётное право отнести пакет. Ситуация первого визита повторилась под копирку. Дверь открыла генеральская дочь, кухня, чай вдвоём…

(Ничего удивительного в том повторе не обнаруживается. Жена генерала лежала в больнице, а его превосходительство каждый вечер поднимался к соседу – как он говорил, в шахматы поиграть, на самом же деле – употреблять на пару с бывшим начальником Владимирского централа дядей Толей армянский коньячок.) И вот сидели они на кухне, говорили, Лара была всё в той же маечке, Лара потянулась к

печенью, коснулась плеча Карташа твёрдым соском…

– Я знаю, что вы военные прыткие, но…

Карташ вдруг понял, что обнимает её, ищет своими губами её губы, а она несильно толкает его ладошками в грудь.

– Ну пусти же, сумасшедший…

Непродолжительного всплеска здравого смысла не хватило, чтобы он выпустил Лару из своих объятий. А её не слишком упорное, лишь приличия ради сопротивление закончилось на поцелуе, и тонкие ладони уже не упирались Карташу в грудь, а сомкнулись на его спине…

Он не думал, что может потерять голову, но – потерял, вишь ты. Их дыхание стало общим, их стоны сливались, как их руки, а одежды, казалось, слетали с их тел сами собой и падали под ноги, на пол генеральской кухни. И пропало всё: пропало окно с коричневыми занавесками, пропали сбитые на пол ложки, пропал неудобный стол, пропало время. Остались лишь тела, стремящиеся слиться в единое целое…

** * **

Самое смешное (хотя после всего Карташ холодным потом обливался, представляя себе картину маслом: открывается дверь и появляется чуть хмельной генерал), так вот, самое смешное, что он не замышлял этакой дерзости. Он всего-то задумывал побыть наедине с приглянувшейся ему девчушкой и попробовать договориться о свидании в ближайшие выходные.

Его толкнула к ней неведомая сила и, видимо, эта же сила толкнула к нему Лару. Это была та самая банальная любовь с первого взгляда. И не только со стороны Карташа – с обеих сторон…

Они стали встречаться. Разумеется, не на генеральской жилплощади: Алексей к тому времени снимал квартиру, там и проходили их тайные свидания. И встречались они часто, почти каждый день после института Лара забегала к Карташу, который довольно легко и без последствий сбегал со службы раньше положенного времени. Может быть, даже слишком часто они встречались…

Как ни странно это, но не было корысти в мыслях Карташа, хотя, казалось бы, присутствовать должна была обязательно. Как же, влюбил в себя дочь высокого начальника, который может устроить зятю прям-таки реактивный взлёт по службе, забросать званиями и должностями чуть ли не по маковку. Конечно, если они решат пожениться (а Лара уже начинала готовить Карташа к такому решению, Карташ, как и всякий повидавший виды мужик, сразу это почувствовал), папочка-генерал просто обязан заподозрить подчинённого в том, что тот, пользуясь неопытностью несовершеннолетней девочки, заманил её в свои коварные сети и преследует единственную цель – карьерные выгоды. Конечно, неизбежны громы с молниями, проклятья и угрозы на обе головы. Однако рано или поздно генерал отойдёт, а узнав из какой семьи происходит будущий зять, и вовсе присмиреет, посчитает, что дочь делает неплохую партию. Никакого мезальянса. Всё-таки, товарищи офицеры, сын генерала и дочь генерала. Ровня, как-никак.

Нет, Карташ никогда не связывал в мыслях жизненный успех с любовью к дочери генерала.

Мухи отдельно, котлеты отдельно. Но, видимо, давали знать о себе гены деда и отца. Впрочем, связывал – не связывал, а дело неуклонно катилось к маршу Мендельсона…

И была б то не жизнь, а сказка про Иванушку, женившегося на царёвой дочке и отхватившего полцарства в придачу, – да вот, наверное, не случайно все сказки аккурат на счастливом аккорде пира на весь мир и заканчиваются, а про то, что дальше творится с Иванушками и царевнами, сказители предпочитают не распространяться. А дальше, прямо за сказкой, не извольте сомневаться, начиналась

жизнь. Та самая жизнь, в которой семейные лодки бьются о быт, в которой проходит любовь и вянут розы.

Любовь Карташа к генеральской дочке увяла ещё до свадьбы. Увы, сие бывает сплошь и рядом. Бурная страсть, которая, казалось бы, обязана перерасти в настоящую любовь, куда-то уходит, как вода в песок, и на поверхности остаётся лишь равнодушие и скука. А поскольку корыстными побуждениями старший лейтенант одержим не был, то и решился во всём откровенно признаться девушке по имени Лара.

Если б он знал, чем всё закончится, то, наверное, всё-таки выбрал бы женитьбу на женщине, которую разлюбил, и жил бы с ней, как многие живут, – не в любви, но в совместном быту, изменяя и скандаля, и под конец, наверное, обычным житейским образом развёлся бы.

Но он предпочёл честное признание, этот старлей. Ведь просто уйти, не сказавши куда и отчего, – не тот случай. Пришлось объясняться: мол, не хочу тебя обманывать и так далее.

А кончилось всё пресквернейшим образом.

Лара, Джульетта хренова, наглоталась таблеток – и если б не вовремя вернувшийся отец, то откачать девушку уже не сумели бы…

Генерал, ясное дело, тут же узнал всё. Свой единственный разговор с отцом Лары, произошедший уже не на генеральской кухне, а в прихожей съёмной квартиры Карташа, старший лейтенант помнил смутно. Он как бы отключился на то время, что бушевал генерал, понимая справедливость отцовского гнева и одновременно понимая всю бессмысленность сей милой беседы двух джентльменов. Удержалось в памяти лишь генеральская угроза: «Убил бы тебя, с-сучонка, но девчонку одну, без отца оставлять не хочу. А для тебя же лучше будет, чтоб ты исчез с глаз моих. Сгною».

И ведь сгноил. Приказ о переводе старшего лейтенанта Карташа в Шантарскую область, в посёлок Парма, для продолжения службы в исправительном учреждении номер ** появился незамедлительно.

Нет, можно было, конечно, подать в отставку, однако…

– Не вздумай, – остерёг его Серёга Красицкий, штабной адъютант. – Через два года твоему… хм, «тестю» проставляться по случаю выхода на пенсию. Его спровадят, не удержав ни на минуту, уж поверь мне, а на его место назначат Глушина, папаши твоего кореша… Пересидишь, похлопочем за тебя и вернёшься белым лебедем, да ещё сразу в фавор попадёшь – как не праведно угнетённый прежним начальством элемент…

Карташ обдумал всё и пришёл к выводу, что Красицкий прав. Незачем перечёркивать свои годы и начинать что-то сызнова. К тому же ему хотелось вернуться к претворению своего замысла. К тому же два, ну пусть три года не видеть все эти московские рожи – тоже не так уж плохо, будем считать всё происходящее ссылкой, вроде как у Ленина.

Так в тридцать два года в звании старшего лейтенанта коренной москвич Алёша Карташ очутился за тридевять земель от столицы.

И пока даже не подозревал обо всех тех, с позволения сказать, приключениях, которые готовит ему Судьба. Извините за патетику.

Глава третья.

В доме повешенного…

26 июля 200 года, 11.32.*

Когда он зашёл во двор, Михал Сергеич поднял свою огромную голову и бросил на него тоскливый взгляд, из глотки вырвалось прерывистое поскуливание. Карташ присел на корточки перед конурой и потрепал Михал Сергеича по мохнатой холке. Михал Сергеич в ответ лишь горестно вздохнул и вновь опустил голову на лапы.

– Страдаешь, да? – негромко спросил Алексей. – Такова жизнь, старичок, случается, и нормальные люди помирают раньше срока. Тут уж ничего не попишешь…

Он поднялся в дом, постучал, подождал немного ответа и, не дождавшись, осторожно вошёл. Как и полагается, все часы в доме стояли, зеркала были занавешены полотенцами. Двинулся в комнату. Никого. Негромко позвал:

– Надя…

На кухне что-то брякнуло, и в дверях показалась жена Егора Дорофеева. Пардон, уже вдова.

Но, чёрт бы подрал, даже в такую минуту, даже в таком состоянии красивая была вдовушка, откуда-то явно из казачек – огромные чёрные глаза, плотное крепкое тело, грива чёрных волос, сейчас с трудом удерживаемая чёрной же косынкой.

– А, ты, – бесцветным голосом сказала она, вытирая руки о передник. – Проходи в комнату.

– Да я ненадолго, – сказал Карташ. – Ну… как ты?

Надя скривила губы в подобии улыбки.

– Как, как. А то ты не видишь. К похоронам готовлюсь… Егора… Егора туда, в морг ментовский, что ли, повезли, завтра, сказали, вернут. Для похорон. А я вот тут вот, по хозяйству…

Из кухни и впрямь тянуло ароматными запахами – хотя, признаться, и навевающими некоторую скорбь.

Поколебавшись, Алексей сделал шаг вперёд, обнял её за плечи и сказал:

– Крепись, Надюха…

Полную банальщину, в общем, сказал, аж самому противно стало. А Надя вдруг порывисто обхватила его за плечи, уткнулась носом в плечо. Карташ испугался было истерики, но она столь же неожиданно отстранилась, поправила платок. Сказала ровно:

– Проходи, проходи, нечего в дверях стоять. Есть хочешь?

– Только что.

– Тогда за упокой выпьем. Сейчас рюмки принесу.

Пока Надя собирала на стол, Карташ тихонько сидел за столом и бездумно разглядывал бесхитростные вырезки из различных журналов, украшающие стены вместо картин. Жалко было девчонку искренне – хотя и не пропадёт вроде, баба-то сильная, да и у Егорки, как у всякого уважающего себя деревенского жителя, наверняка припрятано немало на чёрный день…

Нельзя сказать, что Алексей был другом их семьи – так, иногда наведывался по делишкам, с Дорофеевым пошушукаться да от службы отдохнуть. Надюха его встречала радушно и вроде бы даже была рада, что муженёк сдружился с московским интеллигентом. Если откровенно, если положить руку на сердце, то порой забредали Карташу в голову адюльтерные мыслишки, уж больно соблазнительно выглядела юная жена пожилого охотника в сарафанчике чуть ниже колен, но он гнал их от себя нещадно, ибо верно сказано: не балуй, где работаешь.

Родом Надя была из какого-то райцентра под Байкальском, и если б кто сообщил восемь лет назад дочери тамошней сельской учительницы, что жизнью ей предписано навсегда осесть в Парме, она рассмеялась бы тому сказочнику в лицо. И тем не менее… Насколько знал Карташ, подружка из Байкальска, нынче уже позабытая, как-то уговорила Надю поехать вместе с ней на свиданку в здешнюю зону – то ли жених подружкин здесь чалился, то ли просто приятель, не суть. Типа, одной страшно, а вместе будет веселей. Поехали, на свою голову. Свиданку вроде бы так и не дали, зато Надька, школу едва закончившая, повстречала в Парме Егора Дорофеева – и всё. Любовь с первого взгляда и до самого гроба. На фиг институты, мама-училка и выгодные партии в городе. Целый год никто в Парме не верил, что это у них надолго, хотя необсуждаемый, казалось бы, вопрос о том, что заезжая молодка из «ентелигентов» не пара потомственному охотнику, обсуждался до хрипоты во всех избах. Не верил никто и на второй год. И даже на третий. А влюблённым на всех было начхать с высоты птичьего полёта. Вот ведь как бывает. Алексей вздохнул. Чудны дела твои, господи…

Надя расставила рюмки на столе, села рядом, разлила водку. Выпили не чокаясь. Помолчали.

– Кто его, ты не знаешь? – наконец спросила она.

Собственно, за ответом именно этот вопрос Алексей и пришёл в сей дом мертвеца – как бы грубо это ни звучало, но ради выражения соболезнований, пусть и трижды искренних, он бы не стал подменяться на службе и сюда бы не попёрся через всю Парму: успеется ещё. Да и не любил он, признаться, подобных скорбных ритуалов. Тем более, как ни крути, а к смерти Дорофеева он причастен…

Он покачал головой и взял её руку в свою, сжал дружески.

– Понятия не имею, Надюшка. А может, он сам тебе что говорил? Может, приходил кто незнакомый? Извини, если не вовремя я с такими расспросами…

– Да чего уж теперь-то. – Она задумалась. – Люди всё время какие-то захаживали, шептались о чём-то с ним во дворе, всех и не упомню. Были и незнакомые – из Шантарска, вроде… Да я Егора в последнее время и не видела толком – то он в лесу, то в Шантарск по каким-то делам…

В Шантарск? И что ему там понадобилось, интересно знать?.. Но на всякий случай Алексей сделал мысленную зарубку.

– А тебе он ничего об этих делах не, рассказывал?

– Нет, конечно. Он же скрытный… был.

– Ну, может, там, оставлял что-нибудь, просил спрятать – ну, на случай, если с ним случится чего?

Надя выдернула руку, вскинула голову, цепко глянула ему в лицо.

– Ты что-то знаешь?

– В смысле?.. – несколько опешил Алексей.

– Не дури, Карташ, – вот тут-то в голосе её появились истеричные нотки. – Все говорят, что по пьяной лавке его зарезали. Так что прятать-то? Значит, не по пьяни. Выкладывай.

– Да я правда ничего не знаю, Надюх, – успокаивающе сказал Алексей. И по большому счёту не

соврал. – Просто хочу как-то помочь. Менты ж всё равно ни фига не найдут…

– Это точно, – вздохнула она, и глаза её вновь стали тусклыми. – Спасибо, Карташ.

Н-да, приход сюда был жестом отчаянья, теперь это стало яснее ясного. Разумеется, ничего она не знала, конечно же, Егорка и не думал даже, что его походы в район Шаманкиной мари могут нести в себе какую-либо угрозу – по крайней мере, не большую, нежели походы в любом другом таёжном направлении.

По логике развития событий, теперь он должен быть выдать очередную, не менее тошнотворную баналыдину типа: «Если надо помочь с похоронами – деньгами там, транспортом, ещё чем, – ты только скажи», – потом сообщить:

«Мужайся, все там будем», – и ещё что-нибудь в этом стиле. Потом поцеловать в щёчку и по-тихому свалить… По сути, он так и собирался сделать. Но тут она сказала:

– Как же я теперь без него буду, а, Лёшенька? На кого же теперь… – и глаза её наполнились слезами, не истеричными, нет, – беспомощными какими-то, что ли, беззащитными. И, кажется, впервые за всё время их знакомства она назвала его не по фамилии…

Что он делает и, главное, зачем он это делает, Алексей и сам не понимал – словно смотрел на себя со стороны. Но, заметим в скобках, ежели смотреть непредвзято, то он особо и не делал ничего – всё за него делали. Нет, была в этой женщине («Вдове, чёрт подери!!!» – вопили остатки разума, но всё тише и тише), была ней некая сила – сила притяжения, которую она и сама, быть может, не осознавала, но инстинктивно до сегодняшней поры прятала, и которая теперь вырвалась на свободу…

Хотя, быть может, это Алексей уже потом находил для себя оправдания – как и все мужики, что жили до него и будут жить после.

Хотя, быть может, для такой женщины это был единственный способ удержаться на краю, выдержать и пережить ужас потери…

В общем, сие неизвестно.

Она вдруг всхлипнула, содрогнулась, будто от удара током, схватила его за рубашку и рывком опрокинула на себя, обхватила за шею чуть ли не в удушающем приёме… Бутылка покатилась со стола к чёртовой матери, прерывистое дыхание обожгло кожу, затрещала материя – то ли её платье, то ли скатерть, они упали на ковёр, опрокидывая стулья, и нельзя сказать, чтобы Алексей отключился, но…

Но всё дальнейшее он воспринимал уже как бы со стороны, потому как никакого чувства в происходящем не было, а был исключительно голый сеанс практической психотерапии. А проще говоря, ну вот необходимо было женщине сбросить напряжение, которым она сдерживала рвущуюся наружу панику перед безысходностью, нужно было хоть ненадолго вновь ощутить рядом присутствие мужчины и опоры, требовалось… да кто ж его знает, что ещё требовалось! Как бы то ни было, возбуждение – не эмоциональное, чисто физическое – пронзило его тело, совсем как давешний разряд, заставивший её содрогнуться всем телом. Он задрал её простенькое платьишко, обнажая крепкое, без единой жировой складки тело, задрал до самого подбородка. И овладел ею, не грубо и не нежно – потому что и то, и другое было бы изменой… хотя бы с её стороны. Атак… Психоанализ, мы же сказали. И она покорно раскрылась перед ним, пустила в себя с лёгким стоном, с закушенной нижней губой, с горячечным шёпотом: «Егорушка…» Нет, несмотря на всё, Алексей всё же наслаждался, наслаждался её телом, будем честными. Ибо какой мужик не возжелает – хотя бы мысленно – такого точёного тела! Ох и повезло же Егорке…

Оргазм наступил одновременно, заставив двух людей на полу выгнуться дугой и чуть ли не закричать в голос. И Карташ почувствовал, что проваливается в какой-то сладостный, невыносимо

головокружительный омут, откуда нет возврата. И неимоверным усилием воли заставил себя из этого омута вынурнуть…

Как оказалось, всё же на несколько секунд он отключился, потому что, очухавшись и оглядевшись, он в некотором обалдении обнаружил, что Надя, понимаете ли, спит. Глубоко, умиротворённо и сладко, как ребёнок… «Нет, ребята, женщин нам не понять», – пришла ему в голову очень «оригинальная» мысль. По возможности бесшумно он встал, скоренько оделся, затёр следы их, так сказать, жизнедеятельности и перенёс Надежду на кровать. Поправил подол платья, накрыл. Пусть думает, что это покойный муж к ней приходил.

«Вот так и рождаются мифы об инкубах и прочих суккубах…» – с толикой стыда подумал Алексей, виновато развёл руками перед портретом Дорофеева с чёрным уголком на стене и беззвучно выскользнул на улицу через заднюю дверь. Жадно глотнул свежий воздух. Никого вокруг, и на том спасибо. Покачал головой: ну дела… «Ещё и соль чего-то там от слёз пролитых не успела…» – вспомнилась полустёртая за давностью лет строчка из классика, но он отогнал её, как совсем уж глумливую. Потому что думать сейчас надо было совсем о другом. О том, например, как, где и какие ещё ходы искать к Шаманкиной мари и, попутно, как уберечься от возможного покушения на себя любимого. Если противник решится нанести удар, то откуда он удар нанесёт, предсказать невозможно. А жить в постоянно страхе это, знаете ли…

И тут же встал как вкопанный.

Озарение настигло его и пригвоздило к земле аккурат в тот момент, когда он поворачивал в сторону Восточного тракта.

А почему это, собственно, он не может вычислить, откуда нападёт враг? А вычислить это легче лёгкого – достаточно оставить врагу только одно-единственное направление для атаки. Иными словами, под ставиться самому… И вновь Алексей почувствовал покалывание в кончиках пальцев: азарт. Нет, Шаманкина марь для него не закрыта, дудки.

Рассказы об этом месте он слышал с первых дней пребывания в Парме. Но, как и все пармовчане (или как правильно – пармовцы?), сперва относился к ним ровно с той же серьёзностью, что и к рассказам о Золотой Бабе, снежном человеке или горе из чистого серебра, затерянной в тайге.

Территория, получившая наименование Шаманкина марь, находилась примерно в восьмидесяти километрах от Пармы и являла собой обширную, сплошь заболоченную местность в низинке, местность, по которой никто не ходил – по причине насквозь тривиальной: незачем было ходить. Наверное, сквозь топи и существовал проход, однако, опять же, никто его не знал – по причине той же самой. Говорили, что в давешние времена на этих болотах, скрываясь от никонианской церкви, разбили свои скиты раскольники, и, дескать, они там и до сих пор прячутся от соблазнов мирских…

Однако версии о раскольниках сильно мешала колючая проволока, наверченная чуть ли не вокруг всей мари. Сия колючка недвусмысленно указывала на то, что в тайге укрылся (или некогда был укрыт) некий секретный армейский объект, подобных которому немало разбросано по России вообще и по сибирской тайге в особенности: не поймёшь, к каким войскам приписанные, неизвестно, в какие года основанные, непонятно что от посторонних глаз укрывающие, но по сию пору окружённые строжайшей секретностью. А то, что вокруг «точки» вьются комариным роем всякие слухи и вымыслы, – так любая мало-мальская тайна всегда обрастает ими, как пенёк опятами. Был бы повод.

Колючку впервые обнаружили года три назад. Когда она там появилась точно, кто её натягивал, как и на чём завозили бухты – никто этого не видел. Ну, последнее-то как раз не удивительно. Завозили, ясное дело, вертолётами, иных сообщений с теми краями не имеется, если не считать медвежьих и лосиных троп – а с расстояния в восемьдесят километров «вертушку» не углядишь, разве случайно окажешься

поблизости от тамошних мест.

Касаемо же самого объекта тоже наличествовали полнейшие непонятности: то ли с незапамятных времён там располагалось нечто секретное и лишь недавно где-то в штабах вдруг, глянув на карту, надумали расширить и укрепить охраняемую зону, то ли объект свежеиспечённый, объявившийся на подтачиваемом болотами полуострове вместе с колючкой – то есть примерно три года назад.

Охотники и прочий люд, гуляющий по тайге, Шаманкину марь частыми посещениями не жаловал и прежде – во-первых, далеко, во-вторых, нечего там особо делать, в-третьих, места те всегда пользовались дурной славой. Поэтому – если площадь самой «точки» невелика, а маскировка на должном уровне – редкие таёжные бродяги объект запросто могли и до появления проволочного заграждения обходить стороной. Это ведь не парк культуры, а, что ни говори, тайга, в которой такая вот «точка» относится к необъятным просторам, как капля относится к морю.

С обнаружением колючей преграды желающих наведываться в те края и вовсе, считай, не осталось. Зато немедля в народной памяти всплыли все недобрые предания про зажатый в болотах кусок тайги, байки стали активно размножаться, обрастая по дороге всё новой жутью…

Глава четвёртая.

Ловля на живца

25 июля 200 года, 13.12.*

…От лесопилки он прошёл по раздолбанной тяжёлой техникой дороге до дровяных складов.

Оттуда тропинкой, вихляющей между сараями и штабелями шпал, двинулся к железнодорожным путям.

Здесь нападать не станут. Здесь в дневное время вечно кто-нибудь шляется – то дорожники, то лесопильщики. Нет, с нападением, как пить дать, подождут. Тем более не составляет труда просчитать, куда держит путь товарищ офицер.

Некуда ему больше идти, кроме как к «железке». Офицер внутренних войск – это вам не кот какой-нибудь, который может серьёзно и целеустремлённо куда-то шлёпать, потом неожиданно развернуться и с той же деловитостью, что и прежде, почапать в обратном направлении.

Обогнув холмик тупика с наваленными вокруг ржавыми колёсными парами, Карташ вышел на путь. Под ногами зашуршал щебень.

Дальше путеводной тропой ему станет серая лента бетонных шпал, уложенных этой весной зэковской бригадой.

Алексей оглянулся. Отсюда виден вокзал, а значит, и с вокзала просматривается этот участок пути. Вон и уазик начальника лагеря куда-то профырчал про грунтовке, отсюда его хорошо видать… И вообще, пока он находится в обитаемых местах – тут разъезжают маневровые локомотивы, тут внезапно выруливают из-за вагонов работяги в оранжевых жилетках… Зачем рисковать? Мало, что ли, в Парме безлюдных мест, куда рано или поздно забредёт товарищ-офицер. К тому же, если преследователи в курсе околослужебной деятельности старшего лейтенанта Карташа, то они уже поняли, куда тот собрался. Значит, всего-то надо подождать, когда старлей одолеет пятьсот метров рельсового пути, где его скроет поворот. А там остаётся всего один свидетель – тайга…

Трудно заставить себя добровольно лезть в ловушку. Но Карташ знал, что надо. Есть, бляха-муха, такое слово…

Ощущение взгляда в спину, появившееся сразу возле дома Дорофеева, не исчезало, однако Алексей сему факту большого значения не придавал. Вполне возможно, срабатывает так называемый эффект ожидания. Когда, прочитав статью о вреде пьянства, начнёшь прислушиваться к своей печени, то обязательно заполучишь покалывания в правом боку. Когда ждёшь слежки – обязательно начнут мерещиться нырнувшие за угол «топтуны» и зловещие взгляды из тёмных подворотен.

Сзади послышалось дребезжание. Карташ резко развернулся. Нога зацепилась за крепёжный болт на шпале, и Алексей чуть не грохнулся всеми костями на рельсы. Вот что значит натянутые нервишки…

А его всего-то навсего догоняла мотодрезина. С одним-единственным ездоком на обитом коричневым дерматином кресле. На площадке перед автомобильным движком стукались боками молочные бидоны.

Уф… Пронесло.

Карташ взглянул на часы. Запаздывали на полчаса. Не часы, конечно. В своих «командирских» Карташ

был уверен, как Наполеон в старой гвардии. С обедом запаздывали, суки. Ну да, на дрезине покачивались бидоны с хавкой, со всякими там вторыми и компотами. Так их каждый день и доставляют из деповской столовки. Не возить же, право слово, зэков на обед в зону…

Словно сомневаясь, что его грозный транспорт замечен, водитель подавил на автомобильный клаксон. И стал притормаживать.

Карташ почувствовал облегчение. Значит, пока можно не подставлять спину под нож.

Так уж устроен человек. Дай возможность отсрочить опасную развязку – и вцепишься в этот шанс зубами. А уж разум подыщет трусости подходящее, красивенькое объяснение. Карташ, например, успокоил себя тем, что если его преследуют, то преследователь, наверняка, заподозрит неладное, когда офицер вдруг откажется от попутного транспорта.

– Чего так поздно! Премий с вас давно не снимали! – сварливо заметил офицер внутренних войск, забираясь на дрезину.

– Скажи спасибо, начальник, что вообще поехали, – угрюмо отозвался Сашка-Ухарь. – Еле завёлся. Давай мне новую лайбу, будет тебе движение по графику. Сам, кстати, не жрамши. А меня-то кто пожалеет?!

Как и положено, Сашка-Ухарь тоже происходил из бывших сидельцев.

– С инспекцией? Людям доверию нет, начальник? – Сашка смял «беломорину», оставляя на мундштуке мазутные отпечатки пальцев.

– Как говорил товарищ Ленин, социализм – это учёт и контроль, – автоматически проговорил Алексей.

– А я уж и забыл. И про пахана твоего с погонялом Ленин, и про сицилизм… А вообще-то лихой был атаман, хоть и беспредельщик. Такую поляну хапанул – всего лишь с шайкой отморозков!

Продолжая болтать, Сашка опустил руку вниз, под сиденье…

Карташ дёрнулся, как от удара током. Из-под фуражки на висок побежала струйка пота.

Идиот! Осёл! Расслабился, как последний кретин! Сел на жопу ровно и забыл об опасности! Почему это, интересно, дрезинщик не может быть тем самым? Почему убийцей не может быть хорошо знакомый человек, на которого ни в жизнь не подумаешь?!

Сашка выудил тряпку, вытер руки, хотя что грязнее – руки или тряпка – сказать было непросто. И это ничего не значит. Трюку сто лет в обед. Возможно, он даёт привыкнуть к движению. А когда в пятый раз полезет туда же, под сиденье, то вытащит уже монтировку или гаечный ключ. Двинет, скинет под рельсы – вот тебе первоклассный несчастный случай. Потом плети что взбредёт в голову: или гражданин начальник внезапно выскочил на путь, или дрезина сошла с рельсов – а они ох и нередко сходят. – и ездок-офицерик неудачно фуражкой об рельс приложился…

Кругом тайга. Ехать им ещё минут десять, с каждым километром места будут всё глуше и безлюднее…

Карташ покосился на соседа. Тот замолчал, глядел вперёд, насвистывал какой-то мотивчик.

Сама безобидность.

Дребезжа и покачиваясь, дрезина катила наезженным маршрутом. Зелёной каймой тянулся по сторонам лес, вдоль насыпи валялись старые, деревянные шпалы, чьё место на этом участке уже занял бетон.

Когда показалась группа в оранжевых жилетках, кидающая лопатами щебень, Карташ не смог сдержать выдох.

– Жрать привезли! – донеслось сквозь скрежет подтормаживающей дрезины.

– Поздновато, япона мать…

– Кончай вкалывать!

– Притомился, начальник? – подмигнул ему Сашка-Ухарь.

– Да есть маленько, – сознался Алексей.

Спрыгнув на насыпь, Карташ обнаружил, что у него взмокла спина…

Только один человек не принял участия в стаскивании бачков с дрезины и в предобеденных хлопотах. Бригадир как лежал на груде старых шпал, когда остальные вкалывали, так и сейчас продолжал лежать. Поднялся, причём с показательной неторопливостью, лишь когда Карташ подошёл к его «рабочему» креслу.

– Волыним? – Это была ритуальная фраза, с которой Алексей неизменно начинал общение с бригадиром.

– Так ведь не положено, начальник, – ответ бугра тоже не блистал новизной.

– Ну, как норма? – Алексей присел на шпалы, вытащил сигареты, закурил, протянул пачку бригадиру – А куда она денется, твоя норма, – бугор от офицерского табачка отказываться не стал. – Благодарствую за дачку.

– Чего не летишь за стол?

– Ниче, пайку оставят.

Алексей равнодушно пожал плечами. Он знал, что бугор никогда не обедает со всеми вместе.

Также он знал, что тот любит осушить «малька» за обедом. Известно и кто привозит ему водчонку – Сашка-Ухарь и привозит. Иначе говоря – хоть сейчас устраивай шмон и накрывай малину.

Но наводить законность и порядок старлей не собирался. Тупая уставщина, равно как и излишнее либеральничанье до добра не доводят. Скользить требуется по тонкой срединной грани.

– Вот смотри, Степанов, – Алексей с удовольствием курил, отгоняя дымом комаров. – Ты здоровущий бугай, косая сажень, да ты бы полбригады один заменил. А ты отнимаешь у меня трудовую человеко-единицу – харчи зазря на тебя переводим.

Карташ, в общем, показал, что сегодня настроен поговорить. И бугор Степанов по кличке Мамай охотно поддержал настрой начальника.

Видно, от безделья бригадир притомился и готов был хоть с чёртом побалакать, лишь бы скрасить скуку.

– Если хочешь такого бугра, который будет работать, так лишишься догляду за твоими мужиками. Потому как не в авторитете будет твой прораб. А когда за работягой догляду нет, то он норовит отлынить. Как говорится, хрен с ней, с подковой, завтра докую. А с завтра переносит на послезавтра. Так что это с виду я вроде ни при делах, а попробуй убери меня отсюда – и привет твоей норме, здравствуй всякое баловство. Да и чё тебе переживать, начальник! Ты ж знаешь, норму у меня всегда получишь. Ну а фуфырь поставишь или пару пачек чая выкатишь, так и перевыполним за милую душу…

– Не, перевыполнять не требуется. Не на комсомольской стройке. Ты мне качество работ давай… А вот скажи, Степанов. Ты вот тут сидишь-лежишь, мысли, небось, думаешь. И не обидно, что дни и месяцы проходят так бездарно? Впустую. На шпалах, воняющих креозотом.

Сегодня Карташ был заметно разговорчивее обычного. А чему удивляться – надо ж дать преследователю время одолеть расстояние до места работ. А он, преследователь – если вообще существует в природе, – пойдёт сюда, пойдёт. Потому что офицер Карташ, скорее всего, отсюда отправится не в посёлок, а на зону. И значит, пойдёт он один, сперва по рельсам, потом по тайге. А такой шанс упускать глупо…

– За правильную жизнь агитируешь, начальник? – Степанов-Мамай явно был доволен, что можно развлечься человеческим разговором. – Я тебе так скажу… Я свою жизнь веду, и мне она нравится. И, скажем, с тобой поменяться не захочу.

По тому, как он ворочается, устраиваясь поудобнее на бушлате, брошенном на шпалы, не трудно было догадаться, что бугор готовится к раздумьям миропорядкового размаха.

– Всё на этом свете разное, начальник. Даже кирзачи. Хотя вроде шьют по одной и той же кройке на одной и той же зоне. Да и вообще нет ничего одинакового. И людишки все разные, и преступление преступлению рознь. Всё орут «Преступники, преступники!»… Вот, к примеру, Леха Свищ – его, я так думаю, правильно закатали, – бугор махнул здоровенной ладонью в сторону костерка, который быстро соорудили зэки и, отгоняя дымом комаров, опустошали вокруг него миски с обедом. – Знаешь его историю? Свищ в коммуналке жил, а там среди соседей был хрен один примерно его возраста. Они типа приятельствовали. Выпить, там, закусить, праздники-получки. Ну, короче, пока зарабатывали поровну, всё было зашибись. Но потом тот хрен в гору пошёл, начал деньгу зашибать и купил отдельную квартиру. Свищ, которому светило куковать в коммуналке до второго пришествия, дико воззавидовал и начал строить планы. А потом вызвался помочь приятелю с переездом и, выждав момент, взял и просто-напросто спихнул кореша с балкона отдельной квартиры. Ну не кретин ли, скажи, начальник, а? Хорошо, тот не насмерть расшибся. Этаж был то ли пятый, то ли шестой, но хрен упал на кучу мусора, дом-то только сдали… А вон возьмём того, рядом со Свищом, компот хлещет. Жакан. Всего-то мужик хорошенько отметелил двух черножопых, которые пытались затащить какую-то девку в свою тачку. Впаяли человеку на полную катушку, потому как попал человек на кампанию по борьбе с экстремизмом. Вроде и тот, и другой преступники, обоих вроде народ должен проклинать и наказывать. Но любой человек скажет, что первого посадили по делу, а второго следовало отпустить. Или возьмём третий случай, мой…

– Я назад, начальник! – окликнул Карташа Сашка-Ухарь. – Едешь?

– Да нет, мне в другую сторону! – махнул рукой Алексей.

«Очень хорошо, – подумал Карташ и вновь почувствовал лёгонький азарт от предчувствия угрозы. Адреналинчик в кровушку так и захлестал… – Если преследователи увидят дрезину без старлея – поймут, что шанс сам плывёт в руки и поторопятся в засаду».

– Так вот возьмём меня, – продолжал бугор. Моя профессия – это тот же спорт, типа хоккея. Как идут люди в хоккей, зная, что могут получить травму вместо медальки и пропустить сезон-другой, у лепил пребываючи, – так и у меня. Ну не повезло мне на последних выступлениях, догнали и перегнали меня ваши спринтеры из команды «мусорские резервы»… Ладно, поглядим, что будет на следующих олимпийских играх…

– Это ты к тому клонишь, что, дескать, сейчас ты не небо коптишь, а ведёшь подготовку к новому старту? Занят «предсезонкой»? Сил набираешься для новых спортивных свершений?

– Правильно мысль поймал, начальник. А ещё добавлю, что «УКа» – он вроде твоего воинского устава. Вроде всё правильно в нём написано, но начни по нему жить – и дольше дня не продержишься. Поэтому не по уставам и не по «УКа» судить надо, а по совести. Вот ты с нашими понятиями знаком, они поумнее твоих законов будут. Это ж только в дурных кинохах стоит новичку войти в хату, так урки тут же

сползают с нар и давай измываться. Ты ж знаешь, что так не бывает… У нас сперва разберутся, что за человек, с каким нутром, за какие дела отвечает, прав по совести или не прав, всё про него вызнают, а уж потом место ему укажут. Так и в судах бы следовало. А не рубить всех людей с плеча, что дрова, одним и тем же топором…

Алексей поднялся со шпал.

– Хорошо, конечно, Степанов, сидеть тут и слушать твои гуслярские напевы о пользе жизни по понятиям. Однако мне трудиться надо. По работе никаких вопросов? Тогда ладно…

Карташ ещё немного походил по насыпи, вроде осматривая участок работ, потом неторопливо побрёл по шпалам, к лагерю. Предстояло пройти с километр по путям, потом за Лысым оврагом свернуть на короткую тропку, которая выведет на дорогу, связывающую зону и посёлок.

На месте преследователя Алексей выбрал бы для засады как раз мост через Лысый овраг.

Опять же удобно обставить убийство под несчастный случай. Упал человек в овраг, да башкой об камень. Как упал? Так вы о том у покойника спросите. Может, поскользнулся, может, выпимши был, а может, задумался о чём-то.

И именно из-за великого соблазна выдать смерть за несчастье, Карташ полагал, что убийца стрелять не станет и пику пускать в ход тоже застесняется. Потому как насильственная смерть какого-то охотника и офицера ВВ – сие есть две большие разницы, кореша-товарищи.

Потому как Топтунов такого дела не простит, землю носом взроет, но докопается, кто покусился на его подчинённого и в некотором роде подельника. Может, и не докопается, но шмон поднимет до небес, глядишь, и ментов из Шантарска нагонит. А убийце и его заказчикам это надо? На фиг им это не надо… Однако доводы и выводы одно, а спине отчего-то было весьма неуютно. Тянуло оглянуться – Карташу приходилось заставлять себя идти, глядя под ноги, идти беззаботным прогулочным шагом.

«Ещё не поздно вернуться к зекам, с которыми, вот смех-то, сейчас безопаснее, чем одному, – выплыла откуда-то трусливая мыслишка. – Дескать, забыл отдать важные руководящие ЦУ. И проторчать там под каким-нибудь предлогом до приезда автобусавахтовки…»

Окружающее воспринималось острее, чем всегда. Краски казались густыми и сочными, словно на свеженамалеванном полотне пейзажиста. Звуки не сливались, как обычно, в неразборчивый шум дубрав, а дробились на составляющие. Вот прочирикала пичуга, вот под порывом ветра зашумела листва, хрустнула сухая ветка, гортанно и зло крикнула ещё какая-то птица. Он пока не стал настоящим таёжным жителем, чтобы разбираться, кто и по какому поводу подаёт голос в лесу, таёжные деревья и то не все различает… А вот и Лысый овраг, здравия желаю…

Он уже почти дошёл до моста, изо всех сил стараясь не ускорить шаг, когда…

Когда сзади донёсся шорох щебёнки. Карташ сперва подумал, что послышалось. Но шорох повторился.

Нет сомнений, его догоняют. Судя по звуку, преследователь шагах в двадцати. Дав приблизиться к себе ещё шагов на десять, Алексей обернулся. И, откровенно говоря, сделать это как можно небрежнее стоило неслабых усилий. Не меньше усилий потребовалось и на то, чтобы сохранить полнейшую невозмутимость, ничем себя не выдать. Нельзя вспугнуть убийцу – он должен себя проявить. Пока не проявил – он не убийца, а всего лишь честный прохожий.

– Вижу, человек. Раз по пути, всё веселее вместе топать, – лыбясь, проговорил мужик.

Карташу показалось, что по лицу гражданина пробежала тень разочарования. Видимо, он

рассчитывал догнать офицера и успеть огреть его прежде, чем тот обернётся… А может, и в самом деле просто случайный попутчик?.. Правую он держит в кармане коричневого ватника – любимой одежды пармовчан вне зависимости от времени года – и вытаскивать её не торопится.

Да и Алексей почувствовал некоторое разочарование – надо же, всё-таки пустили по его следу одного киллера, одного-одинешеньку. Недооценивают ребяты Алёшу Карташа, ох недооценивают…

Алексей этого приземистого, широкоплечего, самого простецкого вида мужика знал лишь в лицо. Встречал в посёлке, видал в Салуне. Не урка, не охотник. Залётный кто-то, из бичей. Но как зовут, понятия не имел, чем занимается – не помнил. Вроде бы из промысловиков. Да, собственно, какая теперь разница…

Перед глазами встал образ мёртвого тела Дорофеева, а потом почему-то и тела более чем живого, обнажённого, страстного – Надюшкиного… и аж зубы свело, как захотелось выхватить «макарку» из кобуры, наставить на этого случайного попутчика и заставить вывернуть карманы.

Однако чтобы не лежало у того в кармане, ни хрена это не докажет. Мало ли с чем ходят в Парме. Вернее сказать – с чем только не ходят…

– Отлично, – сказал Карташ, еле идя, чтобы голосом не выдать волнения. – Вместе и вправду веселее и путь короче.

Впрочем, волнения уже не было. Оно ушло, когда призрачная, гипотетическая опасность обрела реальный, человеческий облик. Верна солдатская мудрость: хуже всего не бой, а ожидание боя.

– Погодка нынче выдалась на славу, – завёл дорожный разговор прохожий. – Эх, щас бы на Гнилое озеро смотаться, по окушкам пройтись. Рыбалочкой не увлекаетесь?

Они шли вровень по междупутью.

– Иногда, – поддержал беседу Алексей. – Люблю, знаете ли, со спиннингом по берегу побродить. А вот сиднем сидеть на одном месте, это не люблю, в сон начинает клонить.

«И ещё на живца очченно уважаю…» – мысленно добавил Карташ.

– А я, признаться, сеточкой балуюсь. Кайф, чтоб улов мерялся не на штуки, а на килограммы. У вас спичек не найдётся? Оставил свои в другом ватнике.

Последние остатки напряжения вымыло из нервной системы. Потому что Алексей увидел замысел противника весь, до донышка. Нехитрый замысел, признаться.

Алексей вытащил зажигалку. Мужик прикурил от неё. Обычная ситуация. Теперь давший прикурить и спрятавший зажигалку в карман поворачивается – а что ему, собственно, ещё делать – второй на шаг отстаёт, словно наслаждаясь первой тягой…

Карташ поступил так, как от него ждали. Повернулся, подставляя спину и затылок. Потом сделал быстрый шаг вперёд, потом шаг вбок и резко развернулся.

Отброшенная сигарета дымила возле рельса на щебне. Правая руке мужика отведена, а её пальцы вставлены в тёмный свинцовый кастет.

Вот он, момент истины, бля…

Любитель рыбачить сеточкой, лишившись элемента внезапности, не растерялся, сучонок, ни мгновения не потерял. Кулак со свинчаткой взмыл к подбородку Карташа.

Алексей выставил локоть, отклоняя удар. Кулак с кастетом лишь скользнул по плечу, вреда особого не причинив.

Противник же, вложивший в удар всю массу тела, невольно этим самым телом подался вперёд, Алексей получил долю секунды на ответ. И ответил – носком сапога под коленную чашечку.

Простенький, но действенный приёмчик он позаимствовал у своих подопечных в серых ватниках. Зеки часто им пользуются в своих сшибках, каковые Карташ не раз довелось наблюдать и пресекать.

«Рыболов» вскрикнул и словно бы осел на одну ногу. Развивая успех, Алексей подсечкой завалил противника на шпалы. И прыгнул сверху, метя локтем в голову.

Но пробить не получилось. «Рыболов» каким-то чудом отвернул голову в последний момент, локоть Карташа врезался в рельс, боль пронзила руку, в глазах на миг помутнело… и этого мига хватило «рыбачку», чтобы вернуть утраченную инициативу. Тот не стал нашаривать оброненный кастет, он просто вцепился железными пальцами Карташу в горло. А Карташ ответно вцепился в горло «рыболова».

«Со стороны это должно быть выглядит преглупо, – вдруг и некстати пришло на ум. – Взрослые сопящие мужики душат друг друга на путях, посреди тайги».

Завозившись, они перевалились через рельс и покатились вниз по насыпи. Руки пришлось разжать – и одному, и второму, иначе костей бы не собрали или голову размозжили о каменюги.

Наконец Алексей остановил падение в облаке пыли и песка, споро вскочил на полуприсед.

«Рыбачок» резким движением смахнул грязь с лица, прочищая глаза, замер на миг.

– Угандошу суку, – прошипел он.

– Как Егорку? – с невинным видом спросил Карташ.

Редкие зубы мужика ощерились в кривой ухмылке.

– Умный, бля…

Помимо кастета, ныне утерянного, у запасливого «рыболова» имелся и ножик – точнее, заточка, до сего момента прятавшаяся за голенищем и подозрительно напоминающая ту, на которую напоролся Дорофеев. Мгновенный выпад – и Карташ едва успел отклониться. По-жальи острое лезвие мелькнуло в каком-то сантиметре от его уха, явно целясь в глазное яблоко.

Дешёвый приёмчик, на лохов рассчитанный, нельзя так далеко руку вытягивать, чему тебя улица учила… Алексей перехватил кисть нападавшего, резко крутанул, послышался хруст кости, и мужичонка, взвыв, повалился на щебень, выронив заточку. Вот и всё, господа, кино закончилось. Алексей выдохнул облегчённо, неспешно поднялся на ноги, подобрал оружие, подкинул на ладони.

– Ну что, гадёныш, поговорим теперь как люди? – хрипло предложил он: пыль набилась в глотку.

В ответ, как следовало ожидать, мужичок послал его в пешее эротическое путешествие.

– Дурак ты, рыболов… – Карташ вновь опустился на корточки, на некотором расстоянии от елозящего по щебёнке, баюкающего сломанную кисть убивцы, оттёр пот со лба. Вновь вернулись звуки – орали птицы, трещали кузнечики, вдалеке недовольно трубили коровы, со стороны дороги слышалось давешнее тарахтенье мотора. Жизнь продолжалась, и природе было ровным счётом наплевать, что старший лейтенант А. А. Карташ едва не полёг туточки смертью храбрых.

– Думаешь, ты меня подловил? Это я тебя подловил. Очень уж мне интересно стало, кто моего товарища Егора Дорофеева к праотцам отправил. К дедам, проще выражаясь. Вот и захотелось посмотреть на твою рожу, да и задать пару-тройку вопросов. Так что быстро я тебя не убью. Места вокруг пустынные, сам, поди, знаешь, никто и не услышит, как ты визжать будешь, когда я на тебя на лоскутки резать стану. А если и услышат, так кому ж в голову-то придёт высовываться и любопытствовать? Народ нынче пошёл

дюже осторожный, особливо в этих краях… Ну?! – вдруг рявкнул он, выхватил «макарку» и сунул мужику под нос – с силой сунул, чтоб тот вкус собственной юшки во рту ощутил. – Говори, тварь! Кто тебя приказал меня завалить?!

– Да меня ж самого куски порвут, если я пасть открою… – захныкал «рыбачок», слабо выворачиваясь из-под ствола.

Что и требовалось доказать. Доморощенный убийца оказался парнем хлипковатым, стоило чуть нажать, и сломался. Да и не стали бы те из Шаманкиной мари, держать среди своих агентов в посёлке настоящих профессионалов – накладно и незачем… Тарахтенье мотора стало удаляться. К зэкам на «железке» кто-то торопится. Ну и бог-то с ним, сами разберёмся…

– Твои хозяева далеко, а я-то рядом, – логично возразил Карташ. – Так что колись, бичок, что у Егорки из сумки спёр и вообще что там у вас в Шаманкиной мари проис…

Совсем рядом вдруг фонтанчиком прыснула щебёнка, и спустя секунду донёсся приглушённый звук выстрела.

Разумом он ещё не осмыслил происходящего, а инстинкт уже сам собой бросил тело вперёд, под несерьёзное прикрытие валяющегося мужика. Далее выстрелы следовали один за другим, палили со стороны моста, почти против солнца, из «винтаря». Плохо, что не из «калаша» – у автоматика разброс дюже большой, труднее попасть, – и ещё хуже будет, если «винтарь» «рыбачьего» подельника оборудован оптикой, – тогда всё, тогда хана…

Значит, их двое, как минимум. Плохо, очень плохо.

Давешний владелец заточки и кастета рыпнулся было вскочить, но Алексей схватил его за ватник и силой уложил перед собой, как бруствер.

– Лежать, тварь, лежать…

Мужик заорал: «Сема, ты чё?!», – и замер только тогда, когда ему в спину упёрся ствол «Макарова».

Три, четыре, пять… Пауза. Значит, у того, второго, пятизарядка, сейчас он вгоняет новые патроны и вот-вот продолжит развлечения на свежем воздухе. И ведь долго развлекаться ему не придётся – под залитой солнцем насыпью, где ни бугорка, ни кустика, Алексею спрятаться решительно негде. Ой как хреново-то…

Он сплюнул кровь с губы, сдвинул «флажок» предохранителя и на секунду высунул голову из-за тела тихо стонущего «рыболова» – оценить дислокацию нового противника и расстояние до него. До моста метров двадцать, можно попробовать достать из пистолета… Ага, вот он, друг Сема, стоит на колене возле левой ограды моста и уже вскидывает винтовку к плечу. Бликнул на солнце оптический таки прицел – ну да, ну да, если плохое может случиться, то оно случается.

Алексей едва успел пригнуться, прижаться к мужику животом, стараясь целиком укрыться за ним, как вокруг снова защёлкали пули. Пристрелялся, гад! Он отчётливо, не на слух и даже не кожей почувствовал, как в горе-рыболова вошли две свинцовые смерти – одна в бедро, после чего «рыбачок» заверещал что-то бессвязное, визгливое, как свинья под ножом, и вторая в бок, после чего тот передёрнулся всем телом и неожиданно затих, обмяк.

А, чёрт…

Четыре, пять… Да что у него там, у Семы этого, целый патронташ с собой?!

Воспользовавшись очередной паузой, Алексей скатился ещё чуть дальше по насыпи, старясь поднимать как можно больше пыли – хиленькая, признаться, завеса, но уж какая есть, приподнялся и

поймал неугомонного Сему на прицел.

Однако не выстрелил.

Потому как ситуация на мосту неожиданно изменилась. На мосту теперь было двое – давешний Сема и ещё какой-то тип, на таком расстоянии не видать. И что-то такое они делали малопонятное… Алексей проморгался от пота, глянул пристальнее.

Блин…

Двое на мосту метелили друг друга почём зря!

Не пряча ствол, Карташ припустил в ту сторону. Руки и ноги мелькали в каком-то причудливом танце, ставя блоки, нанося удары и отражая атаки. Чуть ближе стало видно, что незнакомец явственно теснит стрелка, причём делает сие зело грамотно. Вот Сема уже прижат к ограде моста, вот он пропустил удар в голову, не успел прикрыться, заработал хлёсткую тычину кулаком в грудь…

– Стой! – заорал Алексей. – Живым!..

Но было поздно. Он увидел, как Сема после очередной серии атак (прямой в живот, хук слева, завершающий удар ребром стопы в горло) перевалился через хлипкие перила и вякнув что-то на прощанье упал в объятья Лысого оврага.

Алексей добежал до моста, задыхаясь от бега, перегнулся через ограду. Высоты тут было – метров семь, дно каменистое, да и неподвижная, хоть и живописная поза тела в тёмно-синей телогрейке сомнений не оставляла.

Карташ негромко выругался, повернулся к неожиданному спасителю… и, признаться, оторопел.

Это был личный шофёр начальника зоны полковника Топтунова – заключённый, но из расконвоированных, мотающий срок за соучастие в убийстве. Как бишь его, Пётр Гриневский, вот как. И вот, оказывается, как он умеет ногами-то махать, Джеки. Чан, япона мать…

– Гриня, ну чтоб тебя!.. – выдохнул Алексей. – Я ж орал – живым брать, суку…

Гриневский равнодушно пожал плечами – дескать, виноват, начальник, подвёл. Кажется, он даже не запыхался после махача. «Винтарь» Семы валялся между рельс, неподалёку валялась и монтировка – не иначе, оружие незваного помощника, то ли выбитое противником, то ли отброшенное дабы рукам не мешать… И Алексей обречённо махнул ладонью:

– Ладно, забудь…

В общем, живец остался жив, а крупная и не очень рыба с крючка сорвалась и была благополучно этим живцом сожрана вместе с костями.

Обидно.

А вот то обстоятельство, что зэку доверена машина, которой пользуется сам начальник лагеря, может удивить разве что человека, весьма далёкого от специфики таёжной жизни за колючей проволокой. А кому прикажете доверить, солдату-срочнику что ли? Как показывал опыт, срочники оказывались гораздо большими раздолбаями – в первую очередь, по причине своего незрелого возраста. Намного более надёжен зэк (понятное дело, из мужиков), тянущий невеликий срок. Ему нет никакой выгоды бежать, а есть прямая выгода выполнять порученную работу справно, потому что так он легко может выхлопотать себе условно-досрочное. Тем более, по каким-то неведомым законам природы, среди охраняемого контингента всегда оказывался шофёр экстракласса, у кого и старый уазик будет бегать, что твой «болид», и водить он любое ведро с гвоздями по рытвинам и колдобинам здешних дорог станет мастерски. А откуда, скажите на милость, большой шофёрский опыт у солдата-срочника?

Нынешний шофёр пахал на этом уазике уже год, нареканий не имел и под подозрением в провозахне числился. Хотя Карташ полагал, что он всё-таки провозил (в конце концов, как откажешься, когда душевно попросят люди, от которых зависит его благополучие на зоне?). Но есть обычный поток всякой мелочи, вроде пачечки чая, сигарет, писчей бумаги, что позволяет скрасить жизнь среди серого однообразия, сей поток перекрывать себе дороже, а есть посылки исключительно опасные, попадание коих на территорию чревато. Вот с последними водитель уазика, по оперативным данным, и не связывался… Короче говоря, условно-досрочное этому шофёру светило ясным солнышком. И где-то через полгода, отсидев меньше половины срока, скорее всего он уже будет полной грудью дышать вольным воздухом. Кликуха у него была Таксист (куда ж без этого, в этой системе каждой угодившей в неё человеческой единице присваивают новое имя, как в других системах кодовыми именами шифруют агентов). Разумеется, если тесно работаешь с контингентом, то следует знать и клички…

– А ты как тут оказался? – с подозрением спросил Карташ.

Гриневский опять пожал плечами, сказал равнодушно:

– Так ведь стреляли, начальник. Я пальбу услышал, из машины вылез посмотреть, а тут тебя мутузит какой-то хрен с бугра. А второй хрен на мост лезет с «винтарем». Вот и дай, думаю, разомнусь малость.

Алексей хмыкнул.

– И не западло было вертухаю помогать, а?

– А чё там, не от воров же помогал, от бичей каких-то беспонятийных.

– Тоже верно. Но если хоть кому расскажешь про то, что здесь случилось…

– Да что я, не понимаю, что ли, начальник.

– Несчастный случай, – сказал Карташ. – Просто два урода пересрались, отмудохали друг друга, один второго из последних своих гадских сил пристрелил да и сам в овраг пал собачьей смертью. Усёк?

– Да что я, не понимаю… Свалить бы нам отсюда подобру-поздорову, а?

– И побыстрее, – кивнул Карташ. – Ты на УАЗе?

– Ну.

– Где оставил?

Таксист махнул рукой в сторону дороги на лагерь.

– Разговорчивый ты тип, Гриня, как я погляжу. Подбросишь.

Это был, разумеется, не вопрос и не просьба.

Кто ж из вертухаев зэка просить о чём-то будет?

– А как же не подбросить, – наконец-то позволил себе улыбнуться Гриневский. – Я тебя, начальник, по всему посёлку ищу – «хозяин» за тобой послал. Задание какое-то есть. А ты на «железку» умотал…

Алексей потёр лоб. Так, тут ещё и начальник Топтунов на мою голову, блин… Этому-то чего надо? А у меня ещё и видок – будьте нате.

Он ещё разик глянул через перила, утёр кровь с губы, оправил изрядно загвазданную форму и постарался выбросить происшедшее из головы.

Всё равно тут уже ничем делу не поможешь.

Придётся искать другие подходы. Сказал ворчливо:

– Ну поехали, чего тогда встал… Сначала в медпункт, потом домой переодеваться, а там уж и к «хозяину» на аудиенцию.

Глава пятая.

Археология чёрная и белая

25 июля 200 года, 16.32.*

…Уж на что убоги вокзалы в заштатных городишках земли сибирской, но и они выглядят подлинными версалями по сравнению с сооружением, украшенным неказистой табличкой «Парма». Длинный дощатый сарай, одноэтажный и некрашеный, построенный ещё в лихие годы ежовщины, судя по почерневшим доскам, – вот вам и весь вокзал. Вокруг здания вокзала в беспорядке разбросаны халупы разной величины, разного предназначения и уж совсем зачуханного вида; между ними, да и вообще где придётся, чернеют угольные кучи.

Внутренняя планировка одного-единственного вокзального зала дизайнерских изысков лишена была напрочь: окошко кассы, лавки вдоль стен, овощные ящики в углу, в ящиках журналы за разные годы и из всевозможных мест – кстати говоря, из тех самых мест, откуда родные и близкие приезжали на свидания к своим не поладившим с законом сыновьям, братьям, мужьям и прочим родственникам-полюбовникам…

Пазики, отвозящий родственников к лагерю поселковый автотранспорт, съезжающийся к приходу поезда, автозаки (их, кстати, нынче не было, поскольку сегодняшний поезд изволил прибывать без арестантских вагонов) – все машины, в общем, выстраивались по кругу на пятачке, кой в иных благополучных землях зовётся «привокзальной площадью». Здесь же приткнулся и четыреста шестьдесят девятый УАЗ («козёл» по-народному, если кто не знает, хотя здесь этот вид автотранспорта никто так называть не осмеливался) грязно-болотного цвета, бывший известным всем местным жителям от мала до велика: практически личный транспорт начальника лагеря Топтунова – или «хозяина», как зовут его заключённые, а вслед за ними и все остальные.

Однако шофёр сегодня привёз на вокзал не «хозяина», а всего лишь старшего лейтенанта Карташа… Впрочем, привёз с миссией высокой и ответственной: встретить родное чадо начальника лагеря Топтунова, некую Машу.

Карташ опоздал. А впрочем, не он один.

Опоздали почти все встречающие… Хотя, по большому счёту, это ещё надо разобраться, кто прибыл вне графика: встречающие – или поезд, каковой пришёл на полчаса раньше, чем ему полагалось. Это в иных краях подобный абсурд недопустим: опоздать – ещё куда ни шло, понятно и привычно для нашего государства, но чтобы раньше срока!.. Однако здешние места – во всех отношениях особенные. К конечной станции Парма брошена ветка от узловой станции, одноколейка, без ответвлений, никакого встречного движения.

Дошёл поезд до Пармы, по пути притормозив у пары-тройки деревень, постоял – и назад. Всё.

Два, а иногда три дня ветка отдыхает до следующего поезда. Свернув с магистрали, машинисты гонят изо всех тепловозных сил. Чем быстрее машинист приедет, тем дольше он простоит в Парме. А некоторые – как машинисты, так и помощники – здесь обзавелись, словно моряки в портах захода, зазнобами из числа стрелочниц и диспетчерш…

Дьявол! В убогом зале вокзала на убогих лавках ничего похожего на дочь «хозяина» не сидело. Здесь вообще ничего не сидело, окромя уборщицы. Вот ещё хрен на пустом месте! Куда она могла подеваться? Неужели в пазик забралась, вместе с родственниками? Ей же отец должен был объяснить, на чём её

встретят! А пазик уже отъехал, теперь что ж, догонять его, устраивать «Формулу-1» по колдобинам?!

Карташ в сердцах сплюнул, решительно рванул пуговицы на свежеотжатой старушкой Кузьминичной и свежевыглаженной ею же форме и двинулся к выходу, и тут…

– Вы не меня случайно ищете?

Обернулся. Приоткрытая дверь рядом с окошком кассы. Прислонясь, как говорится, к дверному косяку, стоит девушка обозначенного в инструкциях «хозяина» возраста – то есть примерно тех самых восемнадцати лет – и пристально смотрит на него, загадочно улыбаясь.

– Вы – Маша? – выпалил Карташ… и прикусил язык. Бли-ин, в инструкциях ни слова не было сказано, что дочка начальника лагеря окажется такой…

– Так точно, благородный дон, – с игривым поклоном ответила дочь «хозяина». – К вашим услугам.

Карташ собрался. Карташ нашёлся. И в грязь рылом не бухнулся. Ответил грамотно, по-гусарски и с почтением – в общем, по-московски ответил. Даже каблуками едва слышно щёлкнул, одновременно протягивая букетик снулых хризантем (купленный – на собственные шиши, заметьте! – возле входа на вокзал у какой-то старухи, несмотря на июльское тепло закутанной в шубейку), а другой рукой застёгивая форму и, тем самым, возвращая себе облик Настоящего Российского Офицера.

– Это я к вашим услугам, сударыня. А также к вашим услугам таёжный лимузин, что стоит у фасадной стороны дворца и бьёт колёсами о землю. А также все богатства этого края – к вашим услугам. Разрешите представиться: старший лейтенант Алексей Карташ, откомандированный лично встретить ваше высочество и, так сказать, препроводить…

Она вскинула брови, демонстрируя удивление. Наигранное, надо полагать. А может, и вправду удивлена? Вряд ли она ожидала, что обитающие в этой глуши лапти при форме ВВ могут завернуть нечто более куртуазное, чем «ладная ты девка, Маша, как я погляжу». Она шагнула за порог, благосклонно приняла цветочки и протянула свободную руку. Не желая выпадать из образа благородного дона тире офицера, Карташ наклонился и дотронулся губами до её пальчиков, мимолётно вдохнув едва уловимый аромат терпких духов. Чёрт знает что, мельком подумал он, сцена, достойная великосветского салона, а не зачуханного вокзала посреди тайги. Подняв глаза, он пробежал взглядом по её лицу, вспомнив при этом, чья она дочь. Ну, в общем-то, пристально вглядевшись, можно обнаружить у этой стройной изящной барышни немало сходства с медвежеподобным «хозяином»: линия подбородка, скажем, рыжина в волосах, глаза, ещё что-то, неуловимое…

И вместе с тем, вместе с тем…

Чёрт возьми, дочурка на поверку оказалась восхитительнейшим хрупким созданием – в лёгком невесомом платьице до острых загорелых коленок, с короткими каштановыми волосами и такой бездонной озёрной синью глаз, что Карташу в голову принялась бесцеремонно стучаться простенькая, как местные нравы, мыслишка: на обратном пути отогнать уазик куда-нибудь в придорожные кустики, шофёра послать подальше на полчасика – и приступить к штурму крепости по всем правилам охмурежа… Нет, загнал он эту мысль на самое донышко сознания, Москву забыл, мудило? Повторить прошлый подвиг хочешь? Если глаз или что другое положишь на эту девку, то тут тебе будет не столица – «хозяин» живьём в землю закопает и скажет, что так и было, без приказа никто и разбираться не станет, куда это пропал старший лейтенант внутренних войск А. Карташ.

Нет, но, бли-ин, как же хороша…

«Хороша Маша, да не наша», – напомнил себе Алексей, силясь заглушить зов плоти. Не время сейчас, у нас другие задачи. За решение которых иные получают заточку в брюхо…

– Сравниваете с отцом? – догадалась она. – Удивлены?

– Удивляюсь, как столь очаровательная юная дама путешествует без почётного эскорта… и даже без багажа, – мигом нашёлся Алексей, прогоняя из головы образ убитого Дорофеева.

И тут, как по заказу, в диалог вмешался чей-то насмешливый голос:

Я встретил красавицу. Россыпь хрустела,
Брусника меж кедров цвела.
Она ничего от меня не хотела,
Но самой желанной была…

В дверном проёме нарисовался ещё один доселе незнакомый Карташу персонаж – высокий белобрысый тип, примерно ровесник Алексея, с холодными, цепкими глазами. Одет он был по-туристски: в джинсы и брезентовую куртку. За плечами рюкзак – надо думать, его собственный, а в каждой руке по объёмистой сумке – надо думать, набитой вечерними платьями дочурки.

– А вот и эскорт, и багаж. Познакомьтесь: Алексей. А это Геннадий, аспирант исторического факультета Шантарского универа. Гена – мой счастливый попутчик, уж не знаю, как бы я без него управилась со всеми этими тяжестями. И в дороге было веселее. Мы же подбросим его до посёлка, правда? – И прибавила, чертовка, с лёгкой примесью лукавства:

– Надеюсь, вы подружитесь.

Геннадий освободил правую руку от сумки, нисколько не покачнувшись от двойной тяжести в руке левой. Ладонь у историка оказалась железной. Силён, однако, кабинетный жук…

– Поражены крепости каменной моей десницы? – усмехнулся аспирант, как бы между прочим, но с явным интересом разглядывая посиневшую после вчерашней драчки губу Карташа и обильно смоченную свинцовой примочкой припухлость на скуле. – Я ж археолог, с лопатой дружу уж сколько лет… Который год полное лето в поле, а поскольку всего лишь аспирант, а не доцент, то копать приходится от утренней зорьки и до самой аж до вечерней…

Да и в городе не запускаю себя – за бумагомарательскими-то обязанностями… Кстати говоря, к вам тоже откомандирован на предмет проведения раскопок.

– Вы в одиночку копать будете, да? Али экспедиции уже не в моде? – невинно спросил Карташ.

И вдруг поймал себя на том, что этот турист-супермен его раздражает. И нет никакого желания подвозить его до посёлка, нехай сам добирается, вот взять бы и сказать: мол, не положено брать попутчиков на служебной машине… Но как тут откажешь, когда он дорогу помог скоротать самой дочери «хозяина»!

– Я всего лишь должен провести археологическую разведку, – аспирант расплылся в улыбке, продемонстрировав ровный строй прямо-таки американских зубов. – Где, что. Наметить место под разбивку лагеря. В первую очередь мне поручено определиться в целесообразности проведения раскопок.

– А у нас что-то закопано? – искренне, честное слово, заинтересовался Карташ. – Типа могил незаконно расстрелянных в годы культа личности?

– Возьми на дорожку, доча. – Из-за широкой спины аспиранта появилась кассирша Макаровна со свёртком из шуршащей бумаги. – Дай-ка я тебе в сумку положу. Пирожки с яблочками лучше меня в Парме никто не печёт. А в вашем-то Шантарске так просто забыли, что такое пироги из настоящей печи…

Ну-ну, девочка завоёвывает Парму, сказал себе Карташ, мысленно тряхнув головой. Выходит, папашина дочь, помимо землекопа, успела очаровать ещё и старушку, которая мало того что дозволила

дожидаться машины в служебном помещении, так ещё, конечно, и чаем поила, и пирожков в дорогу дала…

(Та ещё старушка, между прочим и к слову говоря. Этого, разумеется, он юной студенточке из Шантарска рассказывать не станет… хотя мог бы – чтобы получила представление об обманчивости видимости. Макаровна, которая сейчас в платочке с цветочками, в вязаной кофте и с очочками на носу, Макаровна, которая смотрится доброй бабушкой, просто-таки обязанной баловать внуков леденцами и баюкать сказками… Так вот именно Макаровна была в молодости более чем удачливой наводчицей, известной по всему Шантарскому краю. Симпатичная, с хорошо подвешенным языком, богато одетая, она ходила по дорогим столичным парикмахерским и домам мод, где убивали дневное время спутницы жизни своих обеспеченных мужей. Она знакомилась с ними – сиречь со спутницами – входила, как говорится, в доверие, под тем или иным предлогом попадала в богатые дома, узнавала распорядок жизни в оных домах, иной раз ей даже удавалось сделать слепки с ключей…

Ну а «работу» по избавлению жилищ от денег и ценностей доделывали её подельники.

Дальше всё просто, как мексиканский сериал.

Две судимости. Вторую отбывала в здешних краях. В лагере у неё случилась настоящая любовь с конвоиром-срочником. За пять месяцев до освобождения забеременела. Срочника перевели куда-то на Брянщину. А его возлюбленная вышла на свободу с чистой совестью – и на сносях. Приехала в Парму – чтобы собраться с мыслями, переждать… и в результате осталась навсегда. Сперва здесь родила, потом устроилась на дорогу, вышла замуж за путейца, родила ещё одного, состарилась. Всё как у людей. И Макаровна – далеко не самая легендарная из местных бабушек. Контингент тут такой, что кого ни возьми – есть свой заворот в биографии…) Прогуливался возле вверенного ему в попечение транспортного средства, обстукивал колёса носком кирзача заключённый Гриневский по кличке Таксист (шофёр уазика и по совместительству спаситель старших лейтенантов от убивцев на Лысом овраге).

Археолог играючи, как депутат словами, погрузил оба баула в брезентовое нутро уазика, а Маша вздохнула, забираясь в кабину:

– Трудно представить, что творится тут дождливым осенним сезоном и в весеннюю слякоть…

Карташ, рыпнувшийся было ей помочь – руку там подать, цветочки подержать или подсадить аккуратненько за талию, – с этим делом опоздал, проклял себя за то, что совсем одичал в этой глухомани, и увидел, как шофёр оглянулся – не к нему ли относится столь специальная реплика. Но реплика относилась не к нему, а вообще… к неразрешимой, как теорема Ферма, проблеме российских дорог, которая здесь, в Сибири-матушке обострена, словно хроническое заболевание в плохом климате.

– Зато классикам есть о чём писать, – по возможности весело сказал Карташ, заглаживая собственный промах. – Представьте, враз исчезли бы дураки и дороги – где темы брать?..

…Уазик мчался по плавным, как и вообще течение жизни в сибирской глуши, изгибам дороги посреди тайги. Дорога то сужалась так, что двум машинам уж точно не разъехаться, то раздавалась вширь, будто ей вдруг тесен становился лес и подавай сейчас и немедленно бескрайность степных просторов. То подворачивался крутой извилистый спуск, то пологий подъём, то под колёсами прогрохочет бревенчатый мостик через белый ручей, то приходится сбрасывать скорость до самой осторожной, потому как овраг подобрался уже к самой дороге и даже подмыл край. Археолог Гена занял место рядом с водителем, Карташ с вновь прибывшей дочуркой расположились сзади – что Алексея устраивало более чем: с его места открывался чудный вид на точёный профиль дочурки, на её коленки, едва прикрытые лёгкой тканью и на два небольших полушария, очаровательно подрагивающих на каждой неровности дороги… Девчушка смотрела в окно и взглядов старлея как будто бы не замечала, однако Алексей прекрасно знал все эти женские уловки.

Нет, ну чёрт подери, откуда в этой глухомани берутся такие чаровницы – да ещё в семье полковника от сохи?!

А археолог Гена уже вовсю, а точнее сказать – с самого начала пути через тайгу чесал языком.

Вещал, что твой лектор из Московского университета. Карташ подумал было, не заткнуть ли ему пасть и не перехватить бразды развлечения юной гостьи, но покамест решил промолчать.

Тем более что археолога послушать имело некоторый смысл – как выяснилось чуть позже…

– Вы напрасно думаете, что до исторического материализма из теплокровных созданий здесь обреталось одно зверьё, лишь дерева шумели да гады ползали.

Аспирант сидел, повернувшись вполоборота к Маше и Карташу, держался одной рукой за скобу над головой, другой – за дверную, ибо уазик нет-нет да и потряхивало на ухабе. И не только потряхивало, но и покачивало, что Алексею весьма нравилось: покачивающаяся в такт.

Маша то и дело касалась его ноги голой коленкой. Алексей слушал Гену вполуха, молчал, тащился и испытывал то, что называется томлением духа. А червь земляной знай себе разливался соловьём – видимо, исстрадался, болезный, без свежих слушателей:

– Давайте, как выражаются в наших научных кругах, двинемся ретроспективным путём. На первый взгляд, история этих мест действительно ведёт свой отсчёт с тридцать шестого года, когда накатил вал репрессий и внезапно стало не хватать прежних площадей. Потребовалось осваивать новые участки. Чей-то указующий перст ткнул в эту точку на карте, не исключено, что наугад, и голос, не привыкший к спорам и возражениям, рявкнул: «Здесь будет лагерь заложен». И па-ашла валиться тайга, а на её месте возникали бараки, вышки, колючка закурчавилась… Название посёлка тоже кое о чём может сказать. Парма – это слово из языка коми. Видимо, первого начальника лагеря перебросили сюда из комяцких болот, а кому давать название новым землям, как не главному среди первооткрывателей?.. Но? Неужели до того года здесь не ступала нога человека? Да нет же, ступала! В Гражданскую по этой землице носились колчаковцы, партизаны, потом бесноватый Гайдар…

«Ага, – машинально отметил Карташ, представляя, как медленно-медленно расстёгивает пуговички на её платье, – так вот откуда название – из Коми, ну надо же…» Одной загадкой здешних мест стало меньше. Зато других только прибавляется… И спохватился вдруг:

– Погодите, погодите! Уж не за адмиральским ли золотом вы охотитесь?!

– Ну что вы, куда нам, скромным охотникам за глиняными черепками, – продолжал белозубый археолог самым что ни на есть менторским тоном. Слепому было видно, что на любимую тему он готов распространяться до самой смерти от голода.

– Да и нет в природе никакого колчаковского клада, если хотите знать моё мнение! Во-первых, что было – растащили по эмиграциям недобитые каппелевцы и белочехи. Последние на него, как известно, основали «Легия-банк», ставший золотым запасом Чехословакии. Во-вторых, размеры адмиральского золота намеренно преувеличивали белоэмигрантские круги, которые на этом слухе делали немалые деньги. Дескать, сокровище чудовищной стоимости вот-вот попадёт в Европу, оно обеспечит материальную базу для нового витка белого движения, а пока, господа англичане, выделите нам под эту золотую гору займчик – на создание и отправку нескольких добровольческих полков в Россию. А пока, господа американцы, дайте нам, уполномоченным самого адмирала Колчака, в долг денежек на закупку танков и пулемётов системы мистера Льюиса… Эмигранты, по сути дела, и создали сей миф о «золотом обозе Колчака», как его тогда называли. Миф живучий, как и все прочие мифы о ничейном золотишке, о всяких там пиратских кладах Флинта, могилах могущественных повелителей и прочих эльдорадах, однако

же на практике сплошь и рядом оказывающийся не более чем пустышкой…

– А жаль, что вы не клад ищите, – мечтательно вставила своё слово Маша, погружая носик в блеклый букетик, и Алексей, пользуясь моментом, посмотрел на спутницу в открытую – дескать, слушаю вас превнимательнейше. – Я бы не отказалась побыть героиней «Острова сокровищ»…

– Там героинь не было, барышня, одни, герои, – с лёгким оттенком превосходства уточнил археолог Гена. – А может, оно и к лучшему? Вы же знаете, чем заканчивается женское участие в мужских играх – ничем хорошим. И история нас учит тому же. Взять хотя бы всем известную шотландскую королеву Марию Стюарт. Если б она сидела дома и вязала носки мужу, а не стремилась к власти над Англией, так и не лишили бы её престола вместе с головой злые мужчины, которые готовы терпеть любые женские капризы, но очень не любят, когда женщина начинает с ними конкурировать на их же поле. Тогда уж с нею не церемонятся… Как говорится, любовь любовью, а денежки и власть, увольте, врозь.

«Минутку! – вдруг встрепенулся Карташ – разумеется, внутренне. В голове тренькнул тревожный колокольчик. – Какие такие мужчины погубили гражданочку Марию Стюарт?! В то время Англией командовала королева. Даже погоняло её помню – Елизавета номер один… И как это понимать прикажете, господин историк в звании аспиранта? Простая оговорка?..»

– Между прочим, любопытно было б представить, как бы действовала дамочка, окажись она среди пиратов Стивенсона, – продолжал распинаться археолог. – Наверное, поочерёдно соблазняла бы одноногого Сильвера, доктора Ливси… и даже юного Хопкинса. В зависимости от меняющейся ситуации. А что тут поделать – женская стратегия…

У Карташа как пелена с глаз упала: какой это, на хрен, историк!

– Но иногда мифы о кладах оказываются правдой, да? – перебил легкомысленные речи историка Карташ, вмиг превратившийся каким-то толчком наития в западающего на тему золота тупоголового служаку. – Чего там далеко ходить! Возьмём золото Чингисхана, которое лет десять назад нашли в соседнем, в Байкальском округе. Помните? Как в тайгу хлынули армии кладоискателей – выбирать оставшиеся захоронки. Аж пять лет тут такое творилось, такая золотая лихорадка землицу трясла, что… Вот кстати, хорошо, вспомнил! – Он аж подскочил на месте, в душе искренне надеясь, что не переигрывает. – Чего хочу спросить. У нас тут один поляк хлестался, что это его земляки прикрыли Европу, остановив нашествие монголов на Леги… Легви… как его… короче, каком-то там поле. Чуть до драки не дошло, потому как наши-то уверены, что это мы, русские, не пустили хана дальше. А что нам историки по этому поводу скажут?

Карташ задавал вопрос с невинным видом провинциального недотёпы. Ну а кем он ещё может быть – при взгляде-то со стороны, а? Вэвэшник, что само по себе не здорово, да ещё тянущий лямку в распоследней глухомани, да ещё в звании старлея, когда по возрасту уже пора носить капитанские погоны… Разве что нахватался какой-никакой шелухи из листаемых от скуки газетёнок и журнальчиков, да из телека чего запомнил… Вот такого незатейливого офицера нехай и видит перед собой аспирант. И из этого образа Карташ выпадать пока не собирался, дабы не вспугнуть ненароком гражданина учёного, и даже благие намерения распустить во всей обворожительной красе гусарский хвост перед заглянувшей на огонёк шантарской красавицей дружно бросились в кусты. Не время сейчас, товарищ, после, ну а девушки потом…

Очень уж ему интересно вдруг стало, сколь глубоки познания историка в его же предмете.

– Ну, тут однозначного ответа нет, – обернувшись, пристально взглянув на собеседника и наткнувшись на незамутнённый размышлениями взгляд, с глубокомысленным видом произнёс археолог. – Скорее всего, все народы понемногу внесли свой вклад в ослабление орды, и поэтому надо жить дружно. А вот

ваш намёк на то, что над нами до сих пор витает призрак клада Чингисхана, позвольте отвергнуть.

Ушёл, ушёл от ответа, чёрт, и ловко, признаться! Тут же перевёл разговор на другую тему. Ох и не прост ты, брат-аспирант, господин квазиучёный и псевдоисторик, ох и не прост… И кой чёрт занёс тебя сюда, такого красивого, любопытно было бы узнать… Указатель подозрения, включившийся сам по себе, подскочил аж на несколько делений.

– Есть что в тайге поискать и помимо золота, – говорил меж тем археолог Гена. – Вот неподалёку отсюда – то есть, по сибирским меркам неподалёку – находились знаменитые Иванихинские золотые прииски. И, ежели опираться на слухи – а кроме слухов, увы, ничего более точного до наших дней не дошло, – где-то аккурат в этих местах размещалась личная тюрьма господина Иванихина, в которой миллионщик, сибирский крез и подлинный властитель сих земель, держал инородцев, как тогда называли исконных уроженцев Сибири… Кстати говоря, тех самых инородцев, кому Сибирь обязана своим названием. Исконные жители именовали эти неохватные просторы Шибир.

– Правда? А я и не знала! – подала голос Маша. И, судя по голосу, было ей невообразимо скучно. И Алексей почувствовал нечто сродни удовлетворению.

– Но и не Иванихинскую тюрьму мы намерены отыскать, дабы пополнить коллекцию краеведческого музея ржавыми цепями и примитивными орудиями пыток.

– Ну дык и что же вы хотите отыскать? Следы неизвестной цивилизации? – спросил Карташ, косясь на зэка-шофёра. Спина Таксиста была напряжённой, прямой. Будто водила аршин проглотил.

– Увы, – вздохнул аспирант, – всё гораздо скучнее. И курганы разрывать не станем, и искать следы торговых путей с Китаем, проходивших через эти края в средневековье… Мы, как это ни печально для вас, сеньорита, будем пытаться отыскать следы стоянок древнего человека, который золота не знал – ни к чему оно ему было… И в самом лучшем случае нароем мы костяных наконечников, камней, обработанных под орудия примитивного труда, палок-копалок… ну и, конечно, черепов и костей. Не правда ли, очень весело и романтично?

«Ага, – подумал Алексей, – знаю я одно местечко, где этих черепов и костей, что грязи…» – и спросил:

– Это ж какого древнего человека? Этого… неандертальца, что ль?

Он изо всех сил старался, чтобы вопрос прозвучал из уст человека, который вспомнил одно умное слово да и поспешил выговорить его – чтобы произвести впечатление на барышню: мол, мы тоже кой-чего могём в учёном разговоре. Выходить из образа чуть туповатого офицера, который нахватался того самого «кой-чего» по верхам, он не собирался. Даже несмотря на уколы ревности.

– Да кого ни откопаем, всё наш будет, – отшутился Гена.

Но Карташ отступать намерен не был:

– А вот ещё слышал про таких… щас, как их… палеоантропы. Это кто такие?

– Другая разновидность древних людей, – не моргнув глазом, сказал аспирант Гена.

Оп-паньки! Да это, как говорит подведомственный контингент, уже форменная туфта и полная лажа. Карташ оставался невозмутим, тогда как впору было бы криво ухмыльнуться.

Историк, твою мать, аспирантишка, узкий специалист по древним людям!

Не мог историк сморозить такую чушь, хоть режьте, ну не мог, и всё! Палеоантроп, для тех, кто не в курсе, есть собирательное название всех людей периода палеолита: неандертальцев, кроманьонцев, питекантропов и всяких там прочих. Стало быть, никакой он, к лешему, не историк!.. Хотя предельно ясно, почему Гена-генацвале выбрал себе отмазу про поиски древних людей – чего уж, вроде, кажется, может

быть проще, трудно поскользнутся даже при плохой подготовочке. Кажется, что ведь полный примитив: камни, палки, нечленораздельные вопли – вот вам весь древний человек, да и нет в Парме ни одного, кто бы слышал о палеоантропах и прочих палеолитах… Ни одного, кроме него: старшего лейтенанта Карташа. Так что хренушки, брат Генка, не повезло тебе, не с тем ты встретился в первый свой день…

Можно, конечно, вспугнуть липового гражданина аспиранта ещё и вопросами о тайджиутском или древнехягасском языках, но – ни к чему, ни к чему…

«Откуда тебе знать, милок, – думал Карташ, – что папаша мой, теперь приходится за это сказать ему спасибо, пичкал меня литературой, в особенности научно-познавательной и военно-исторической – так сказать, воспитывал на примерах прошлого, чтобы я подражал и соответствовал. Да, многое я порядком подзабыл, признаюсь, но кое-какие обрывки знаний за клеточки-то мозга зацепились. И не перепутаю неандертальца с кроманьонцем, а битву на Легницком поле с битвой Куликовской. Понятно, что подобной начитанности от вэвэшного старлея ты никак не ждёшь, откуда, спрашивается, ей взяться.

А вот что ты, дружок, этих вещей не знаешь, будучи аспирантом истфака, это не просто подозрительно. Это разоблачительно. Никакой ты не аспирант. Но кто ты, вот в чём вопрос? И какого дьявола припёрся в наши исправительно-трудовые пенаты? Выводить тебя прилюдно на чистую воду мне нет никакого резону, опять же ежели вспомнить опыт древних: «предупреждён – значит вооружён».

Вот я и вооружён, а к чему мне тебя-то вооружать?»

Могло, конечно, статься так, что сей «учёный» есть просто-напросто обыкновенный бичара, нанятый настоящими археологами в самом деле для разведки местности и решивший нагнать понта, чтобы чаровать здешних красавиц, однако, однако… Ну очень не понравилось Карташу, что этот любитель древностей объявился сразу же после случая с Егором Дорофеевым. Уж от чего он давно отучился, так это верить в совпадения…

Глава шестая.

«Хозяин» во всей красе

25 июня 200 года, 17.56.*

– Товарищ полковник, старший лейтенант Карташ по вашему приказанию…

– Ах, да бросьте вы, Штирлиц, и так голова болит… – совсем как папаша Мюллер-Броневой, махнул ручищей полковник Топтунов и снова уткнулся в бумаги. Добавил:

– Заходи, Карташ, садись, я сейчас…

Алексей вошёл, сел, как было ведено, на колченогий стул напротив начальникового стола…

И мигом напрягся. Что-то такое витало в воздухе – не угроза, нет, но разговор, судя про всему, предстоял нелёгкий. Не будет «хозяин» швыряться цитатами и шутками перед обычным разносом или трёпом ни о чём, уж изучили его за это время, знаем…

Топтунов, бурча что-то матерное себе под нос и ворочая толстым загривком, подписал ещё несколько насквозь казённого вида бумажек. «Акт списания полотенец вафельных», – ухватил Алексей краем глаза заголовок на верхнем листке и мысленно ухмыльнулся.

Но начальник исправительного учреждения почувствовал его усмешку, раздражённо отодвинул писанину в сторону, бросил сверху ручку.

Китель его висел на спинке стула, рукава форменной рубашки были закатаны до локтей, под мышками расплывались тёмные пятна: денёк выдался жаркий.

– Видишь, какой хернёй приходится заниматься, лейтенант, – пожаловался он, глядя куда-то мимо Алексея. И почти без перехода спросил:

– Доставил?

– В целости и сохранности, – позволил себе намёк на шутку Карташ: захотел посмотреть, как отреагирует «хозяин». – До самых дверей.

А начальник шутку насчёт целости и сохранности скушал, сказал только:

– Знаю, уже доложили. Молодец.

«А зачем тогда спрашиваешь…» – мельком удивился старлей.

– А что за хмырь с вами ехал? – продолжал «хозяин» с виду вроде как равнодушно.

Алексей пожал плечами:

– Попутчик какой-то, вместе с Марией Александровной ехал. Да ей лучше знать, вы у неё спросите…

Это был ещё один тонкий тактический ход с целью выяснить, какого ляда товарищ начальник мнётся перед старлеем как девка на танцульках – если шутка насчёт «целости и сохранности» прокатила, то уж фамильярность пройти ну никак не должна, ну не тот человек Топтунов, чтобы болтать с подчинённым на равных…

Однако ж прошла и фамильярность. Что было и вовсе удивительно. Какого ж чёрта задумал старый лис? Неужели, мелькнула шальная мыслишка, из Москвы амнистия пришла и его отзывают? Да нет, утопия, быть того не может…

В высшей степени подозрительного археолога он высадил возле «Огонька» – там днём и ночью тусуется люд, там ему и подскажут, где можно снять комнатёнку.

И тут же обалдел ещё больше, аж дыхание перехватило.

Кряхтя, Топтунов наклонился к серому обколупанному сейфу времён покорения Северного полюса, выудил из его недр на свет божий опустошённую на половину бутылочку «Огней Шантарска» калибра ноль семь, две гранёные стопки цилиндрической формы – раритет, сейчас таких уже не делают – и пакетик фисташек. Потом, сказавши: «Сиди», – тяжело поднялся из-за стола, вознесясь своим нехилым ростом почти под потолок тесного кабинетика и чуть ли не заполнив брюхом всё его рабочее пространство. Неторопливо обогнул стол, умудряясь сжимать выпивку-закуску одной лапищей, водрузил стопки на давешние документы про списанные полотенца и мрачно, с видом прокурора, зачитывающего смертный приговор, плеснул по половинке.

Карташ изо всех сил старался оставаться невозмутимым, хотя происходящее было не просто из ряда вон, это было невероятно – чтобы начальник зоны самолично поил водкой какого-то простого вэвэшника в собственном кабинете, ни свата ни брата! Сохраняя каменное лицо, Алексей стремительно прокручивал в голове варианты. А не последует ли за водочкой разнос со срыванием погон? Скажем, узнал о золотишке, настучали о Дорофееве, о драке над Лысом овраге, или дочка что-нибудь такое наплела… Да нет, бред, бред…

Но поблагодарил, водку выпил интеллигентно, скромно закусил фисташкой. Водка разбитую губу, конечно, обожгла, но, к счастью, со стороны сие повреждение организма заметно уже не было – равно как и фингал на скуле. Начальник же, не садясь, нависая утёсом над старлеем, кинул содержимое своей стопки в рот, тут же кинул следом орешек, хрумкнул – и всё это вместе, казалось, провалилось немедленно в желудок, минуя стадию глотательных движений и скольжения по пищеводу.

– Ну, за то, что Машка приехала, – запоздало сказал он.

На это Карташ почёл за лучшее промолчать.

Нет, товарищи офицеры, разносом тут не пахнет. Тут что-то другое…

Зона, где царствовал Топтунов, в отличие от подавляющего большинства прочих, была ни «красной» и ни «чёрной» – так, нечто среднее.

Относительно спокойная, с низеньким числом побегов, драк и прочих убийств, инспекции и всякиразны проверочные комиссии уезжали отсюда сытые, пьяненькие и довольные… Короче, на удивление тихая это была зона по меркам не только сибирских просторов, но и вообще России-матушки. Каким манером Топтунов, сменив на посту ушедшего на покой небезызвестного Климыча, добился порядка, Алексей не знал, поговаривали, что между ним и тогдашними паханами было заключено своего рода соглашение, по коему вертухаи без нужды не свирепствуют, а заключённые ведут себя тихо и мирно, как и полагается оступившимся, но встающим на путь исправления гражданам… А чего бузить-то, спрашивается, чего, спрашивается, ради? До нормальной цивилизации сотни километров, а вокруг тайга, да сплошь и рядом такая, что десяток километров можно идти сутками, о чём напрочь забывают авторы многих «таёжных» романов и пускают героев через лес на скорости опаздывающего пешехода где-нибудь на Кутеванова… В общем, правду ли говорили про соглашение или брехали, Карташу было неизвестно, да он и не очень-то допытывался, потому как было напрочь неинтересно. Неплохой мужик, явно из потомственных сибирских крестьян – смекалистых, хозяйственных, рассудительных и упрямых, которые и избу срубить, и на медведя с рогатиной, и самогончику литра полтора за вечер приговорить всегда были очень не дураки. Тем более, супруга его померла лет десять тому назад, замену благоверной так не нашёл – вот и погрузился с головой в «хозяйство»… «Хозяин», одним словом, бляха-муха.

– Давно я за тобой наблюдаю, старлей, – наконец сказал «хозяин». – Присматриваюсь… Службу знаешь, работаешь справно, вроде бы честно, без подлянки. Мне такой и нужен. В общем, что я думаю… – Видимо, он пришёл к какому-то решению и стукнул дном стопки о стол. – Ты это, старлей, ты за Машкой пригляди тут, в общем. Девка она молодая, красивая, а вокруг сам знаешь сколько по посёлку всякого сброда шатается… Короче, приставляю тебя к ней телохранителем и гидом. Ты, главное, запомни, – с неожиданным напором добавил он, собрав у переносицы кустистые брови, – телохранителем и гидом, и никем больше, уяснил, старлей? На куски ж порву.

Карташ медленно кивнул – в том смысле, что не дурак, понимаю и пальцем дочурку не трону, а про себя подумал: «Какого ж лешего ты её сюда притащил, если тут одни шакалы обитают?» А Топтунов засопел вдруг и, будто услышав его мысли, спросил просто, запанибратски, как спрашивают: «Ты меня уважаешь?»:

– У тебя дети есть, старлей?

– Никак нет…

– Ну, тогда не поймёшь. У чертовки каникулы сейчас в университете, а это, сам понимаешь, вечеринки, гулянки, танцы, водочка, хлыщи какие-нибудь шибко умные и до юного тела охочие… А тут на глазах всё ж таки будет. В общем, даю тебе отпуск на две недели… Хотя какой, на хрен, отпуск – это приказ, из тех, которые, как известно, не обсуждаются. Ты парень столичный, с образованием, манерам, опять же, обученный, не дашь девушке скучать. Тачку тебе выделю, все дела. Места вокруг какие – красотища, природа… ну да сам знаешь, что отроковице показать…

Алексей сидел прямо, будто оглоблю проглотил и контролировал на лице каждый мускул.

Зато уж шарики в его голове крутились за десятерых, даром что дым из ушей не валил. Нет, хоть режьте, но не было, ну вот ни на столько не было искренности в словах Топтунова. И, похоже, сам Топтунов это прекрасно понимал, потому что неожиданно опустил глаза, сграбастал бутылку и вновь налил по стопкам. Буркнул:

– Давай-ка.

Выпили. Водка встала поперёк горла, и Карташ могучим усилием протолкнул её в горло.

Сказать, что чувствовал он себя, как пойманный за задницу разведчик на допросе в гестапо, значит не сказать ничего. Чего ж ему надо-то? – белкой вертелось в мозгу. – Что удумал? Явно ведь провоцирует. Тачка, природа, красота, трата-та, – а будто сам не понимает, что старлею, изголодавшемуся по женской компании – имеется в виду, разумеется, настоящей женской компании, а не по посиделкам с местными бабами, – так вот этому старлею в какой-то момент совершенно станет начхать и на угрозы, и на то, что это дочка не кого-нибудь, а самого «хозяина»… Тем более что о московских похождениях Карташа Топтунову наверняка известно распрекрасно… Специально, значит, дочку под меня подкладывает?! А зачем, спрашивается? Чтоб был повод на куски порвать? Так ведь повод можно найти и попроще, без этого… как бы это поприличнее-то… сводничества, во как. Приказать, к примеру, какому-нибудь урке посадить на пику в тёмном закутке, в карман трупу «травки» чуток насыпать – и кранты, никто ж и докапываться особо не станет, кто, за что и на хрена. Ясно как день: цирик приторговывал дурью, в цене с покупателем не сошёлся, вот и двинул коней…

«Всё страньше и страньше», – как говорила одна маленькая девочка…

Вдруг обожгло: Топнунов знает об объекте. Знает, что Карташ с похвальным для столичного жителя усердием ищет к нему подходы. И поэтому…

И что, собственно, поэтому? Машка-то здесь причём?!

«Хозяин» тем временем выудил из кармана «Приму», щёлкнул по днищу, протянул пачку Алексею. Тот охотно взял: на, так сказать, гражданке курил он исключительно «Мальборо», но здесь ведь, товарищи офицеры, вам не гражданка. И даже не гражданин прокурор. И то, и другое мама моя как далеко…

Закурили.

– В отпуск пойдёшь с послезавтра, я подпишу, – продолжал начальник, глядя в угол. – Днём Машку будешь развлекать, а вечером отмечаться ко мне. И так каждый день, усёк? Все две недели, пока она на практику не укатит. Отдохнёшь, короче; А вот завтрашнюю ночь придётся потрудиться…

Топтунов резко встал, отвернулся к окну.

Видок за окном открывался, надо сказать, пасторальнейший. Колония стояла на вершине холма, и видно было на сто вёрст окрест. Тайга подступала совсем близко к корпусам лесопилки – периметр вокруг колонии вырубали два раза в год, во избежание, но лес сдаваться не собирался и постоянно пытался сузить кольцо, деревья плотной стеной синели в жарком мареве, скрывая под своей сенью прохладу, дальше к горизонту тайга делалась серой, словно размытой, акварельной, окутывалась загадочной дымкой, из которой смутно вырастали бугры сопок…

Зато на переднем плане отлично, прямо-таки великолепно, во всех деталях, как на полотнах гиперреалистов, были видны два ряда колючей проволоки вдоль поросших мхом столбов – так называемая «простреливаемая полоса», она же «тропа наряда», и вышка с вышкарем, и отряд зэчар голов в двадцать, нестройно шагающих куда-то под конвоем, и прапоры, досматривающие готовящийся к въезду на территорию колонии зилок… Лепота.

– Что в народе говорят? – негромко спросил Топтунов.

Только сейчас Карташ понял, что чуточку захмелел. И упустил нить крайне невесёлых рассуждений относительно намерений «хозяина».

– Простите, товарищ полковник? – пожалуй, малость глуповато спросил он.

– Об этом, о Пугаче, – сказал «хозяин», не поворачиваясь. – Доходят, видишь ли, до меня некие слухи, что будто бы на смену Баркасу его прислали, а Баркас власть на зоне отдавать не намерен. Баркас-то ведь из деловых, сам себя, говорят, «короновал» где-то под Воркутой, на всех положив с прибором… И плевал он на решение сходняка. Говорят, что его банду Пугач к ногтю прижать намерен, прежние воровские законы вернуть, а Баркасу с его шестёрками это, сам понимаешь, не надо…

«Стукачка из меня сделать хочет?» – подумалось Карташу.

– Не будет никакого кипежа! – Топтунов резко развернулся и треснул кулаком по столу, а у Алексея появилось стойкое ощущение, что «хозяин» аккурат до прихода старлея «Огней Шантарска» – то и ополовинил и теперь обращается не столько к гостю, сколько пытается убедить самого себя. – Пока я здесь – не будет. Ничего. С завтрашнего дня усиленные дежурства. Из Шантарска подкрепление вызову. Нынче же ночью шмон по всем баракам, так что чтоб не пил – ни сегодня, ни вообще две недели, пока Машка в посёлке. Уяснил? Я спрашиваю, уяснил, старлей?!

Карташ браво вскочил, вытянулся во фрунт:

– Так точно, товарищ полковник… Разрешите идти?

– Вали.

Очень хотелось Алексею спросить, прям до щекотки под языком: так какого рожна ты сюда дочку приволок, если заварушки на зоне боишься?..

** * **

Возле офицерской столовой его окликнули – весело, беззаботно. Он обернулся.

Нина подошла, неспешно и томно покачивая круглыми бёдрами, отвела за спину толстенную, горящую платиной на солнце косу, не уместившуюся под белой шапочкой, на глазах у всех охранничков закинула ему руки на шею и без лишних разговоров поцеловала – да так, что у Алексея из головы выскочили все прочие мысли… Ну, если откровенно, то кроме одной – о которой говорить излишне. Нинке, заразе, даже на цыпочки вставать не пришлось, они были примерно одного роста. Руки Карташа автоматически обхватили её за талию, и, чувствуя, как ему в грудь упёрлись два упругих, скрытых белым накрахмаленным халатом два самых восхитительных предмета, какие только могла создать матушка-Природа, он невольно ответил на поцелуй.

Со стороны столовой послышались аплодисменты и подбадривающие крики – коллеги-офицеры не могли пропустить бесплатное представление и всем скопом высыпали на крыльцо.

– Нинка, ёлки-палки, люди ж кругом… – сумел выдохнуть он, наконец возвращаясь на грешную землю.

– А мне всё равно, – шепнула она. – Просто мне хочется. Причём прямо сейчас…

– Что-нибудь срочное? – озабоченно нахмурился он. – Прямо сейчас я не могу, я на службе…

Нина легонько ударила его кулаком по груди.

– Скотина! Честная девушка сохнет от неугасимого пламени любви, а господин офицер, видите ли, не может! Тебя служба удовлетворяет, да?

– Наша служба и опасна, и трудна, – рассудительно сказал он.

– И, на первый взгляд, как будто невидна? Ну так и пошли её. А вот у меня всё видно… – Тут в её глазах заблестел лукавый огонёк:

– Да и у тебя, чувствуется, что-то такое забрезжило… – И чертовка проворно ухватила его за место, кое в раньшие времена скромно именовалось «гульфик». – Ого, паашел процесс!

– Нинка! – Алексей высвободился. – Не позорь честь моего мундира.

– Ну и пожалуйста. – Она отстранилась. А ты что, опять дрался, что ли?

– С чего взяла?

– Под губой синяк, и скула вон распухла…

– Глазастая… Нет, по пьяни в дверь не попал.

– Ага, знаю я эти двери. Лёш, ты бы поаккуратнее всё же, ты мне целый и здоровый нужен. Слышал, охотника недавно зарезали? Ты ж с ним, вроде, знаком был.

– Слышал, – по возможности бесстрастно ответил Карташ. – Кто – нашли?

Нинка пожала плечами.

– Говорят, пьяный пырнул. Да кто ж искать-то будет? Завтра хоронят… К ночи придёшь?

– Что?.. А… Нет, к ночи нет, ночью буду занят… Да тихо ты, бешеная, говорю же – служба! – О готовящемся шмоне знать Нинке, ясное дело, не полагалось. Во избежание. – Часикам к шести подойду. Успеем?

– От вас будет зависеть, господин офицер.

Послав ему воздушный поцелуй, Нина, демонстративной походкой фотомодели – по крайней мере, так, как она эту походку представляла, – направилась обратно на кухню. А Алексей проводил её взглядом, поклонился зрителям (за что заслужил ещё одну порцию аплодисментов) и двинулся к КПП.

Знакомый зуд не исчезал – спасибо взращённой родителями деятельной натуре. А дел предстоит много, он это подкоркой чувствовал…

Глава седьмая.

Бродят слухи тут и там…

25 июля 200 года, 19.37.*

Возможно, сравнение и банальное, но, едва прибыв в Парму (кажется, сто лет назад), он ощутил себя английским джентльменом, каким-нибудь там полковником Мортоном, вынужденным находиться в нецивилизованной Туземии, в какой-нибудь Индии или Пакистане. Можно было уподобиться туземцам: начать шататься по опиумокурильням и прочим притонам, начать обрастать грязью и экзотическими болезнями… А можно найти занятие, которое не даст тебе превратиться в ту самую субстанцию, что обычно в воде не тонет и в проруби болтается.

Первое, что само просилось в руки, – перепродажа левого золотишка, намытого дикими старателями, и шкур, добытых местными браконьерами. В общем-то, этим промышляли многие. Правда, Карташ придал занятию некоторый размах, задействовав московские связи и пересылая товар прямиком в столицу, и там, где все прочие получали прибыли на руль, он выжимал руль с полтиною.

Но это всё были семечки, времени много сие занятие не занимало, и чувства, что занимаешься делом, не вызывало. Стало всё чаще и чаще накатывать ощущение тоски, начали посещать мысли задвинуть службу, уйти в отставку, вернуться в Москву и складывать там гражданскую карьеру.

Связь с Нинкой, ладной работницей пищеблока, естественно, тоже не стала тем наполнением жизни, что сполна заменяет всё остальное.

Это женщина может жить только любовью, сделать любовь главным смыслом существования.

В общем, верно бабоньки сами про себя поют:

«Был бы милый рядом, ну а больше ничего не надо». Мужчине же – надо. Вот многие мужички и маются дурью, не зная куда себя деть (если только работа не выжимает их досуха), а полноту жизни добирают стаканами. Но Карташ, хоть работа досуха его и не выжимала, уже раз и навсегда решил, что винно-водочный путь не для него. Ему требовалось действовать, ему необходимо было движение, ему нужно было как-то развернуться. Натура, понимаешь ли, требовала. Натура, взращённая на отцовских наказах «стремиться в лидеры» и на книгах о завоевателях и полководцах.

Некоторое оживление пармской ссылке ему всё-таки удалось придать. Помогла – что б вы думали – начитанность. Собственно говоря: зачем выдумывать велосипед, если его уже за тебя выдумали? И Карташ нагло стянул идейку у Стивена Кинга, а точнее – из его повести про тюрьму Шоушанк, перенёс её, идею, на сибирскую почву.

Приспособить книжную американскую затею оказалось делом нелёгким. Хотя бы потому нелёгким, что в отличие от штатовских зэков, охреневающих за решёткой от безделья, наши сидельцы и так вкалывают в обязательном порядке от завтрака до забора и от забора до ужина. В Парме, например, они ишачат на традиционном зэковском промысле – на лесоповале. И вроде бы зачем ещё, спрашивается, какие-то лишние работы как самим заключённым, так и надзирающему за ними начальству? Начальству-то хватает головной боли – управиться бы с планом по лесозаготовкам, не угодить бы в число худших по области… Да и режимных проблем выше Гималаев, зачем лишнее на шею вешать!

Труднее всего, пожалуй, было убедить начальника лагеря, полковника Топтунова. «Хозяин», как и всякий служивый человек, пребывающий на значительном посту, которого лишиться по доброй воле не

хочет, не стремился к переменам. Любое отступление от привычного уклада он воспринимал если не как ЧП, то уж как скрытую угрозу своим владениям точно.

Но Карташ подобрал к этому замку отмычку.

Он явился пред грозны очи начальника и начал речь не с главного пункта, а с окольных рассуждений о делах хозяйственных.

Подсобное хозяйство было пунктиком «хозяина». Он давно уже мечтал о его расширении: к свинарнику добавить бы курятничек, к огороду – пару теплиц, а уж коровником своим обзавестись – так просто на седьмое небо, кажется, вознёсся бы от счастья. Но куда там коровник на седьмом небе, когда и с простым текущим ремонтом не совладать – только в одном месте поправишь забор, вышку или крышу, как в другом месте трещит и валится – короче, тот самый «тришкин кафтан», в котором ходила и ещё долго ходить будет матушка-Россия.

И вот тут приходит некий старший лейтенант Карташ и предлагает способ, как изыскать денежку не себе в карман, не на глупости какие-нибудь, а на любезные сердцу «хозяина» свинарники с коровниками. Как тут не выслушаешь, как тут не прислушаешься! А старлей-то говорить горазд, даром что столичная штучка. И убеждать могёт, собака, тем более явился не с одной пустой, хоть и красивой болтовнёй, а с конкретными подсчётами, с цифирками на бумажке. А тут ещё старлей грозится взвалить ответственность на себя.

Хм, что ж, можно и всерьёз призадуматься над его словами…

Не с первого захода, конечно, но Карташ пробил-таки толстую шкуру косности, которой оброс к своему возрасту и к своей должности «хозяин», заразил-таки старлей полковника своей идеей. И на какой-то период внеслужебное время Карташа оказалось забито до отказа разными делами: договориться с гражданскими властями, смотаться в командировку в Шантарск, обговорить, заключить договоры, с начальником оперчасти тщательно проверить кандидатов…

И вот наконец Карташовско-кинговской схеме был дан старт. Началось с мелочей: с рыбозаготовок, на которой во время путины неплохо заработала отряженная в распоряжение рыбхозяйства небольшая партия заключённых, с мелких дорожных работ вроде укрепления оврагов… Потом, когда у ИТУ стали появляться дополнительные деньги, которые хошь на курятник пусти, хошь на медикаменты для санчасти, вошёл во вкус и «хозяин». И с тех пор насквозь привычной картиной стали группы в робах и телогрейках, вкапывающие столбы линии электропередачи или роющих котлован, а рядом на пригреве – скучающие автоматчики с красными погонами на хэбэшках и шинелях.

Ясно, на работы назначались зэки из «мужиков», а не из уголовников, те, которым по причине малых сроков уходить в побег было бы глупее глупого. И вламывали они за обещанное условно-досрочное освобождение, что твои комсомольцы в годы первых пятилеток. Не менее же ясно, что Карташ выстроил схему так, чтоб и ему лично капал процентик с каждого из заказов…

Уточним: отнюдь не ради копеечной прибыли он всё это затеял. И не ради попадания в любимчики начальника – хотя, чего уж там греха таить, попал. Довольный «хозяин» уже дважды направлял по инстанции рапорты на представление Карташа к очередному званию капитана, да вот, правда, пока безуспешно. Нет, Карташу было плевать и на прибыль, и на звания, и на любовь начальства – ему необходима была деятельность.

На сегодняшний день начинание с допработами для заключённых вошло в колею в прямейшем смысле слова: в железнодорожную колею.

Все зэки, каких можно было освободить от лесоповала, трудились на рельсовых путях, меняя гнилые

деревянные шпалы на железобетонные.

Дорога платила исправно, платила неплохо, гнилых шпал ещё хватит не меньше чем на год, и искать другие работы отныне нужды не было.

Зато Карташ опять почувствовал пустоту и скуку, вновь стала одолевать хандра.

И тогда он вспомнил о Шаманкиной мари.

** * **

Историй, так или иначе связанных с этим местом, действительно хватало. Конечно, возглавляли парад популярности байки про лешаков, болотников и прочую нечисть, свившую там себе чёртово гнездо и превратившую болотный край в последний оплот теснимой по всем фронтам нечистой силы. А колючка – это-де всего лишь наваждение, насылаемое чертяками. Вариантами дьяволиады служили рассказы про древнее капище уйгуров, охраняемое шаманами, про ведьмину могилу, которую ведьма сама и защищает от людей, про колдовское дерево Ожан, которое, мол, произрастает только в Шаманкиной мари и более нигде в Сибири, да и вообще нигде более на белом свете, и злые силы берегут его изо всей мочи, потому как плоды с дерева Ожан поддерживают их бессмертие…

Не обошлось, понятно, и без вездесущих инопланетян. Зря, что ли, десять перестроечных лет в посёлок завозили всякую разную макулатуру, и среди прочего – уфологические газетёнки, пестрящие заголовками вроде «Меня похитили зелёные человечки», «Десять дней на чужой луне», «Я родила от инопланетянина» и так далее. Как тут, начитавшись, не заподозрить происки внеземного разума? Тем более, неподалёку отсюда (по сибирским меркам, разумеется, неподалёку) шлёпнулся знаменитый тунгусский метеорит. Так что же, спрашивается, мешало от тунгусского метеорита в полёте отломиться куску и залететь в здешние болота? Ну а если не метеорит то был, а космический корабль, то и кусок являлся спасательной шлюпкой астронавтов, которые с тех пор сидят в Шаманкиной мари и ждут-поджидают, когда же за ними прилетят соплеменники, поелику сто лет инопланетянину не срок…

А вот снежному человеку повезло меньше. Не отрицая его существования (да и кто в Сибири сомневался бы в его реальности), всё же мало кто верил, что «сосед», как его называют исконные жители этих мест, поселился бы столь близко от человеческого жилья…

Ещё говорили, что именно там, в Шаманкиной мари, находится знаменитая Золотая Баба, её и охраняют со всем тщанием надлежащие органы как предмет, причисленный к золотому запасу страны, берегут на чёрный день, а когда, мол, деньги у государства будут на исходе, Бабу ту продадут и дела вмиг поправят…

Некоторые пугали других и себя баснями про некую генетическую лабораторию, основанную чуть ли не по приказу самого Сталина. Дескать, выведенные там мутанты, которых держат под землёй, иногда перегрызают металлические прутья толщиной с руку и убегают. Вот оттого-то, мол, пропадает скот и исчезают люди. Вариантом генетической страшилки служило более реалистичное предположение, что в Шаманкиной мари находится хранилище биологического оружия…

Разумеется, раз большинство сходилось на том, что в Шаманкиной мари нашёл пристанище военный объект, не обошлось и без разговоров о радиации. Однажды какой-то беспокойный хлопчик привёз с Большой земли счётчик Гейгера, долго наматывал с ним круги по посёлку и по тайге. Счётчик молчал, как партизан, повышенного уровня радиации нигде не показал, и радиофобия в посёлке унялась.

Последнее желание разведывать Шаманкину марь отбила история с неким Прохором, вольным охотником (сиречь браконьером), мужиком не пугливого десятка, с богатым прошлым и настоящим, щедро

смачиваемым алкоголем.

Однажды – это было ещё до появления Карташа в Парме – Прохор тот разошёлся в Салуне: мол, я ничего не боюсь, меня не стопорнешь, да чтобы я танком не пропер через все заграды, чтобы я не расчухал, что там к чему, падла буду, если не разворочу эту Шаманкину марь…

Может быть, наутро он и пожалел о своей хмельной горячности, да делать было уже нечего, слово сказано. Он взял ружьишко и отправился в тайгу.

И, естественно, не вернулся. Сгинул. Никто не сомневался, что Прохор, при его упрямстве и своеобразном понимании чести, двинул не куда-нибудь, а, как и обещал, к Шаманкиной мари.

Конечно, случаев, когда люди не возвращались из тайги, хватало, однако неизвестно где они пропадали, в данном же случае адрес был точный – Шаманкина марь. Ну и на хрена туда шляться, в эту погибель? Тайги, что ли, мало? Так решили для себя все.

Про вертолёты, которые должны поддерживать сообщение Большой земли с объектом, слухи ходили весьма смутные. Над тайгой нередко проносятся «вертушки», и среди них, бывает, попадаются военные борта, но чтобы эти борта кружили над Шаманкиной марью – такого никому наблюдать не доводилось. Кто-то из охотников, правда, говорил, что как будто бы некий его приятель видал гражданский вертолёт, подлетавший к Шаманкиной мари, однако ценность этого свидетельства была невелика.

И ещё: в посёлке ни разу не показывались люди с секретного объекта.

Вот это обстоятельство насторожило Карташа в первую очередь. Хотя, вроде, чего настораживаться? Вроде, восемьдесят вёрст тайги – причина веская. И дороги нет, и всё, что нужно для жизни, доставляют воздухом, и приказ небось имеется, чтоб за территорию ни ногой под страхом дисбата… Но когда это, скажите на милость, отсутствие дорог и километраж останавливали русского мужика, одержимого желанием выпить? Ну, ладно-ладно, допустим, и выпивку, и лялек для здоровья им привозят, допустим, солдаты там дисциплинированные, как биороботы, – всё ж таки секретный объект.

Однако к первым туманным сомнениям Карташа стали добавляться новые.

Например, его удивляло разнообразие историй. Вернее, даже не столько само разнообразие, сколько то, что оно не идёт на убыль. Конечно, когда обнаружилось соседство Пармы с территорией, опутанной колючкой, буйная фантазия народа обязана была завалить умы предположениями одно бредовее другого. Но время шло, и минуло его уже немало, люди должны были привыкнуть к соседству, как привыкают ко всему на свете, а уж секретной военной точкой Сибирь не удивишь. Да, есть объект, да, он секретный, лучше туда не соваться, целее будешь… ну и чего дальше муслявить эту тему – тем более что никаких событий, так или иначе с объектом связанных, не происходит напрочь? Казалось бы, и нечего толочь воду в ступе, придумывать новые объяснялки… Так ведь нет.

А вот если предположить, что кто-то целенаправленно распускает слухи, дует, так сказать, на угли, не давая им погаснуть… Интересно, стали бы военные, даже самые наисекретнейшие, заниматься такой мурой?..

Карташ поначалу сам себя урезонивал: «Это во мне говорит городской, более того – столичный менталитет, взращённый бешеным ритмом городской жизни. А тутошний, глухоманский менталитетушка ходит по одному и тому же кругу, тем и доволен, и не надо ему никакого свежачка в темах, событиях, идеях – старым проживём». Возможно, так Карташ и отмахнулся бы от одолевающих сомнений… но жизнь подбрасывала всё новые фактики.

Например, Алексея очень заинтересовала история, поведанная Ромкой-Гвоздём под большим секретом своему корешу и мигом облетевшая завсегдатаев Салуна. Дескать, он, Гвоздь, наткнулся у

Красного ручья на натурального мертвеца. Причём покойник был свежий, пролежал у ручья от силы дня два. И ничего бы в той истории не поражало, эка невидаль, покойник в тайге, – если б не одна деталь. Вернее, отсутствие деталей. Деталей одежды – вместе со всей одеждой. Мертвец, по уверениям Ромки-Гвоздя, был совершенно гол, лишь одни плавки прикрывали наготу, да на ногах имелось некое подобие лаптей. При нём не наблюдалось ни вещмешка, ни ружья. Ни иных вещей. Человек скончался, скорее всего, от потери крови – у него был распорот бок.

Гвоздю не поверили не потому, что история показалась невероятной, а потому, что за ним давно уже закрепилась репутация этакого местного Мюнхгаузена. И чем больше клялся и божился Ромка, тем больше над ним смеялись в Салуне. А когда через неделю у Красного ручья побывал уже другой охотник и не нашёл там ни костей, ни лаптей, то Гвоздю какое-то время просто проходу не давали, изводя подначками – вроде такой: «Эй, Ромка, сегодня на лесопилке встретил голого мужика в лаптях, а он меня спрашивает, где тут мой друг Гвоздь живёт, хочу, мол, с ним на брудершафт дёрнуть…»

Но если на секунду допустить, что Гвоздь не соврал, то сразу же выскакивает множество любопытных вопросов. И первый из них: откуда взялся в тайге голый покойник? Поселковый? Гвоздь его не признал, сказал, что мужик совершенно незнакомый. Турист, сошедший с поезда? Как же его занесло в такую даль, как он умудрился протопать столько вёрст, считай, босиком? Предположим, обобрали уже в тайге лихие людишки. Но тогда это новое слово в лесном грабеже – раздеть в прямом смысле до трусов. И почему никто не хватился туриста? Да и туристы-то в здешних краях феномен редчайший, появляются раз в год… Беглый с их зоны? Последний побег случился задолго до Карташа, кажется, в девяносто седьмом, с тех пор, тьфу-тьфу, всё спокойно. Беглый с другой зоны? До другого мужского лагеря аж целых четыре сотни километров, да к тому же из исправительно-трудовых учреждений Шантлага в указанное время никто не срывался, уж кому как не Карташу об этом знать. Да и какой идиот, скажите, пожалуйста, убежит с зоны голышом?

Да, Карташ всерьёз раздумывал над рассказом местного Мюнхгаузена. Не то чтобы он верил Гвоздю, но у каждого фантазёра есть свой потолок в выдумках. Так вот потолком воображения Гвоздя был какой-нибудь медведь величиной с «КамАЗ». А голый покойник – сюжет далеко не из его репертуара.

Между прочим, если поверить Ромке, то всплывает ещё один безответный вопрос: куда делся труп у Красного ручья? И как тут не вспомнить, что от Красного ручья до Шаманкиной мари всего-то километров тридцать, если напролом…

А ещё есть такой промысловик, добытчик левого золотишка Юрка Бородин, который уверяет, что однажды слышал пальбу, доносившуюся, по его уверениям, с околюченной территории Шаманкиной мари. И стреляли, по его утверждению, не из «калашей» и не из охотничьего оружия, а из импортных карабинов.

И что же в результате?

А в результате получалось, что в Шаманкиной мари находится нечто – это единственный неоспоримый факт. Вокруг предположительно секретного военного объекта, в общем-то, рядового для Сибири, не происходит никаких военных событий, зато вместо этого крутится слишком много сплетён и разговоров. А кроме того, из всех происшествий, так или иначе связанных с Шаманкиной марью, ни одно не имеет отношения к армии.

Что бы это значило, Карташ сказать не мог.

Но докопаться до сути ему загорелось. Для начала требовалось за что-то зацепиться, и потом за ухваченный кончик попробовать размотать клубок – вдруг чего и удастся вытянуть… а то и сплести самому какую-нибудь сеть. Вот так он и надумал провести, что называется, разведку боем. Тогда и обратился к

Егору Дорофееву. И вот чем всё закончилось…

Глава восьмая.

Любовь по-пармски

25 июля 200 года, 21.40.*

Они встречались попеременно то у него, то у неё. Видимо, чтобы вносить разнообразие в интимные отношения. Сегодня Карташ пришёл в гости к Нине. К Нине, поварихе из казарменной столовой, девке видной, с роскошной золотистой косой. Сожительствовали они уже год, и Карташу, как это ни странно, пока не надоело – потому как с ней можно было не только перепихнуться, когда плоть позовёт, но и поговорить душа в душу. Не по-бабьи умная она была, Нинка их столовки, вот в чём дело, вот что привлекало опального москвича…

По всему чувствовалось, что дом обходится без хозяина – этакая неуловимая, растворённая в житейских мелочах аура жилища одинокой женщины. Даже электробритва на подоконнике никак не влияла на общее впечатление. Да и женские запахи триумфально побеждали изредко забегающий мужской запах, выдавливали его из всех щелей, изгоняли отовсюду, куда он успевал забиться за ночь.

Их секс уже вполне можно было назвать супружеским. За год, что длится их связь, ушли водой в песок страсть, пылкие объятия и нежный шёпот. Уже не повторялись бурные, скопированные из «9,5 недель» сцены на пороге избы, они уже не терзали друг друга любовью до утра, уже не стремились каждую ночь превратить в незабываемый праздник. Они оба не относились к молодым романтичным и пылким особам, поэтому не воспринимали естественный ход вещей как трагедию, не закатывали по этому поводу сцен и не разрывали отношения. Они продолжали встречаться и ценили то, что есть.

Электрический будильник, тикающий на специальной короткой полочке над кроватью, показывал без пятнадцати десять вечера. По пармским представлениям насчёт что такое поздно, что такое рано – очень поздний вечер.

После десяти по посёлку шатались только пьяные и влюблённые, да вокруг «Огонька» вилась какая-никакая жизнь.

Карташ потянулся к прикроватной тумбочке, взял сигарету, прикурил, отдал Нине. Потом закурил сам. Пепельницу поместил на простыню между девушкой и собой. Как кинжал в рыцарских романах.

Какое-то время молча дымили, отдыхая после любовных игр, ожидая, пока сердца с ускоренного ритма вернутся к обычному.

Нинка затушила в пепельнице окурок, по-кошачьи потянулась крепким телом тридцатилетней женщины. Лукаво скосила глаза на соседа по кровати.

– Ну что, понравилась лялька? Запал, небось?

– Ты о чём? – спросил Карташ. Хотя уже сообразил что, вернее кого, имеет в виду Нинка.

– О биксе, которую ты встречал на вокзале.

– Дяревня, – усмехнулся старший лейтенант. – Пернуть нельзя, чтобы об этом не зашушукались в каждой избе.

– Пора бы уж отвыкнуть от Москвы. Кстати, перед девочкой-то козырнул своей столицей? Она хоть и шантарская, а Москва и для неё – мечта про счастье, желанный кусок.

Карташ подумал маленько и аккуратно полюбопытствовал:

– Ну, если ты такая осведомлённая, значит, слышала и про археолога, молодого и красивого? Тоже, небось, заинтересовалась не на шутку?

– Не только слышала, но и видала, – усмехнулась Нина. – Ничего мужчинка этот твой учёный, видный… Только мне не понравился. Темнила он.

– Почему «темнила»? – как можно небрежнее спросил Карташ.

– Н-ну, точно не скажу… Бабье чутьё, знаешь, что такое? Он словно эти демократы из телевизора. Что-то говорит, кем-то представляется, а на самом деле другой и… скорее всего, врёт, как прокурор. Хотя за руку его и не схватишь.

«Ну, это мы ещё посмотрим», – подумал Карташ.

– Ты от вопроса про ляльку-то не уходи, не уходи. Обнюхал её, помахал перед ней хвостом?

– Брось. – Карташ затушил свою сигарету, вернул пепельницу на тумбочку. – Я человек подневольный. Мне приказали – я встретил. А тебе, я так понимаю, меня ревновать больше не к кому, да?

– Да, – легко согласилась Нина, – ревновать тебя в нашем медвежьем углу особо не к кому. Но касаемо этой девочки… Тут даже не в тебе дело. В «хозяине» дело…

– В Топтунове? – с искренним удивлением спросил Алексей.

– Ага, в нём, – Нина завела руки за голову, призывно колыхнулась крепкая грудь. – Ох, Карташ, зелёный ты ещё. Зелёный, да борзый. Думаешь, он просто так отрядил к доченьке именно тебя? Думаешь, на твои затеи с левыми работами он согласился из большой нужды в лишней денежке? Ан нет, не тот человек Топтунов, чтобы рисковать зазря. А раз уж он ввязался во что-то – стало быть, не абы как, а имея в башке серьёзную цель.

– И что же за это цель, по-твоему? – Алексей откинул соломенного цвета волосы с её лба, приблизил лицо к её лицу.

– Москва, – очень серьёзно сказала Нина, глядя сверху вниз. – Москва, Карташ.

Она провела ладонью по его подбородку.

– Слушай, недавно вроде брился, а уже колешься… Так вот, Топтунов – он же крестьянин. Кулаком мог стать в иные времена. Он только с виду прост, а ведь хитёр, как старый лис…

– Да уж знаю…

– Знаешь, а всерьёз не относишься. А он тем временем опутывает тебя по рукам и ногам. – Она игриво щёлкнула его по носу. – У него ж пенсия не за горами. Думаешь, не надоело ему зэками командовать – за столько-то лет? Думаешь, он жить не может без сопок да кедрача? Да он, только свистни, вприпрыжку поскачет менять бескрайние просторы на тесные квадраты хазы в Москве. А должность начальника лагеря – на работу охранника в какой-нибудь задрипанной московской фирме. Или где там у вас отставники пристраиваются? Потом, мой дорогой, он отец. У него на плечах дочь великовозрастная, её тоже, пристраивать надо. А доченька обретается хоть и в Шантарске, не в глухомани, но вдали от отцовского глаза, и поди угадай, с кем она там путается… Ну скажи, какой провинциальный папаша не хочет, чтобы его дочь училась в московском вузе, получила московскую прописку и в придачу к ней – зятя кадрового офицера? Перспективки – ё-моё! И если не с твоей помощью, то как иначе Топтунов может с Москвой породниться? Намерен он упустить такой подарочек судьбы, как ты? Молчишь, вот то-то. Не сомневайся, Топтунов собрал о тебе все сведенья, какие можно собрать официально и неофициально. Какие-то его связи, может, даже и до Москвы дотягиваются – с кем-то учился, с кем-то службу начинал… Так что ему известен весь перечень твоих похождений. И он знает, что ты в нашей дыре гость недолгий,

самое позднее, через годик упорхнёшь ты отсюда белым лебедем. Так почему бы не отправить вместе с тобой и лебёдушку? Понимаешь меня?

– Хитрая ты баба, я погляжу… – Карташ недоверчиво покачал головой. С этой стороны он о «хозяине» как-то не думал.

– А то, – довольно усмехнулась Нинка. – При нашей жизни иначе никак нельзя.

– Считаешь, «хозяин» подкладывает под меня дочку? И Машка, по-твоему, в сговоре с ним?

– Насчёт сговора сильно сомневаюсь. Зачем? Достаточно описать ей, какой ты умный и предприимчивый, а также несчастный, вроде Пушкина в ссылке, – романтичную малолетку не может не пронять. Можно, кстати, и упомянуть невзначай, какие у тебя в Москве оставлены большие родители и большая квартира. Ну а после дать вам вволю побродить вдвоём по укромным уголкам. Вы сами всё сладите наилучшим образом. Что Топтунов и проделывает вовсю, разве не так? Я про твой внеплановый отпуск по уходу за ляльками.

– Ты и об этом знаешь?

– Я же сказала: забудь о Москве, где ты мог трахать всех тёлок на лестничной площадке, и каждая искренне верила, что она у тебя единственная…

Алексей со смехом заглянул в её запрокинутое лицо.

– Да что я, монстр, что ли, какой сексуальный… А насчёт охмурёжа – то это мы ещё посмотрим, кто кого охмурит.

– Знаю я вас, мужиков. Повидала… И тебя знаю. Ты мужик, конечно, видный, со стержнем, но есть в тебе этакая… м-м… сволочь ты, Карташ, одним словом. Да как и все мужики… Но ты меня не сбивай. Я тебе говорю всё это, потому как хочу, чтобы ты был готов…

– …что в самый пиковый момент ворвётся папаша, размахивая револьвером: «Женись, сучий потрох, или душу выну!»

– Думаю, он сыграет тоньше. Хотя, когда стукнет тот самый пиковый момент, он это ущучит, почует. Нюх у него, как у матёрого волчары. К тому же ты не думал, что он может пустить за вами соглядатая?

– Ты уж прямо не Топтунова описываешь, а какого-то жандармского полковника!

– А он у нас здесь заместо жандармского полковника и есть. И думаю, как раз в жандармском стиле, он подкопил на тебя компромат. Это ты свято уверен, что ваши делишки с левыми работами оформлены самым законным образом, комар носу не подточит. А Топтунов, может, ведёт свою бухгалтерию, по которой некий Карташ оказывается кругом проворовавшимся и замазанным. А, не думал никогда о такой возможности? Потом, компромат не обязательно должен быть реальным, он запросто может быть и фиктивным, но бьющим не менее тяжело. Есть у вас провозы, проносы и иные нарушения режима? Верно, где их нет. Так вот: я не удивлюсь, если в топтуновском сейфе лежит папочка, а в ней аккуратно подшиты листочки, на которых уголовники из числа сотрудничающих с администрацией чистосердечно признаются, что марафет получили от старшего лейтенанта Карташа, что старший лейтенант Карташ скрыл от начальства то-то и то-то противозаконие. И ещё много-много старшего лейтенанта Карташа в этой папочке. Вот тебе её и предъявят, когда дело дойдёт до решительного разговора. Кстати говоря, вполне допускаю, что для себя лично Топтунову ничего не надо. Его вполне устроит счастливое московское будущее дочурки. Но ради этого её будущего он готов переть, как кабан сквозь камыши.

– Не Топтунов у тебя получается, а Мюллер какой-то, – Карташ запнулся, вспомнив, что недавно сам сравнивал «хозяина» с героем известного сериала.

А Нина истолковала его заминку по-своему:

– Ты, наверное, вспоминаешь сейчас, не наговорил ли мне лишнего? Брось. Даже если и наговорил, то беспокоиться тебе не о чем. Дальше меня ничего не уйдёт. Я, может быть, единственная здесь, на кого ты можешь полностью положиться. Потому что мне не нужна твоя Москва, мне нужен ты…

Карташ понял, что Нина имела в виду под лишним. Однажды он разоткровенничался перед ней настолько, что рассказал, как в пору службы в инспекции исправучреждений, таскаясь за полковниками по зонам, от скуки придумал некую схему.

А придумал он, как разрозненные поставки спиртного в зоны свести в единую сеть, наладить чётко работающий механизм, не зависящий от случайностей. И естественно самому стать во главе новоиспечённого картеля. Не такая уж авантюрная и неисполнимая затея была, между прочим. Он изнутри наблюдал за работой исправучреждений, находил её слабые места, коих хватало с избытком, приглядывался к людям, от которых зависело исполнение режима, взвешивал, прокручивал задуманное в уме и так, и сяк. И выходило – если правильно взяться, дело вполне может выгореть. Но Карташ не только обдумывал, не только прокручивал в уме, но и принялся осуществлять подготовочку воплощения своей схемы в жизнь, а именно – начал вести окольные разговоры с людьми, которым суждено будет стать ключевыми звеньями. К счастью… да, наверное, к счастью, он так и не успел продвинуться дальше туманных бесед. Вмешались личные обстоятельства, которые и привели его в конечном счёте в этот глухой таёжный угол.

В общем-то, ничего особенного, ошибки молодости. Ему хотелось действовать, хотелось руководить и лидировать, хотелось, в конце концов, больших, быстрых денег. Но ведь, товарищи офицеры, замысел и умысел преступлением не считаются, не правда ли? Мало ли мы в уме совершаем преступлений! Каждый из нас в мыслях сотни раз убивал, насиловал, угонял машины, грабил банки… Однако не обязательно об этом рассказывать женщине, с которой делишь постель.

Всегда неприятно осознавать и заново переживать свои промахи. Этими ощущениями, видимо, и был вызван вопрос, вырвавшийся у Карташа:

– А ты про Москву никогда не думала? Или сама влюблена в сопки и кедрач?

– Ты же всё знаешь, – её взгляд затуманился, губы дрогнули. – Не могу я отсюда уехать. Даже думать не думаю…

Ну да, ну да… Слышал он её историю. От неё же и слышал.

Глава девятая.

Шмон по-пармски

25 июля 200 года, 22.47.*

Нинка родилась в Парме, в традиционной для посёлка семье: мать – из путевых обходчиц, отец – бывший заключённый здешнего лагеря.

Мать умерла четыре года назад. Отец четырнадцать лет назад отправился на очередную отсидку, и, освободившись, в Парму почему-то не вернулся, подался неизвестно куда и вестей от него не приходило.

Два раза Нина покидала посёлок, и оба раза это плохо для неё заканчивалось. Чем именно заканчивалось, она не уточняла, ускользала от прямых вопросов, но из её обмолвок следовало, что оба раза она только чудом жива осталась.

Во время второго её возвращения где-то на глухой, заплёванной железнодорожной станции Нине повстречалась некая старуха-азиатка, которая сама подошла, взяла за руку, заговорила…

Долго говорила, о многом спрашивала та старуха, а Нине запомнилось лишь одно. «Третий раз, девка, из дому не ходи, – сказала та гадалка, – совсем худо станется. Не люба ты чужой земле».

И это пророчество напугало Нину нешуточно. Она, женщина, рождённая и выросшая посреди тайги, не могла несерьёзно относиться к словам избранных людей.

– Ну если у нас пошёл столь откровенный разговор… Тогда ответь, зачем ты про это всё заговорила? Про Топтунова, про его дочь?

– Ты ещё не понял? Я ж тебе только добра желаю. У тебя здесь нет больше никого, кому ты мог бы верить, как мне. Мне от тебя нужен только ты, понимаешь? Я хочу, чтобы между нами не было неясностей. Я хочу, чтобы ты не врал мне. И главное, чего я хочу, чтобы ты не стал бы меня избегать из-за этой молоденькой… девочки. Да трахни ты эту овцу, пожалуйста. Не жалко. Только возвращайся. Нам ведь хорошо вместе… Ведь тебе со мной хорошо?

– Хорошо, – сказал Карташ и в общем-то не соврал.

– А если хорошо, то чего ты ждёшь?

Она откинула одеяло.

– Иди ко мне.

Желание проснулось без труда, стоило ему провести взглядом по упругой груди с напрягшимися сосками, по плоскому животу, по чёрному курчавому треугольнику, по стройным ногам. Он пододвинулся к ней. Принялся целовать шею, плечи, грудь. Нина застонала, вцепилась ему ногтями в плечи, зашептала что-то бессвязное.

Почувствовав, что она готова принять его, он вторгся во влажную теплоту. Она тесно прильнула к нему, подхватила заданный ритм. Её стоны чередовались с громкими вздохами, со вскриками, с возгласами, иногда невнятными, иногда и непристойными, что заводило Карташа ещё больше. Их дыхания замысловато переплетались, как и их обнажённые тела…

…Автомобильный гудок выдернул его из сладкой полудрёмы. По потолку шарахнул спаренный луч фар, за окном зарычал мотор. «Вахтовка», – по звуку определил Алексей. Глянул на часы: ноль

шестнадцать. И пулей вылетел из тёплой постельки: он ждал сигнала. Нина сонно потянулась к нему, Карташ чмокнул её в тёплые губы. Сказал:

– Извини, малыш. Я предупреждал: служба…

– Ненавижу твою службу, – пробормотала она. – Сегодня не возвращайся.

Карташ даже на секунду замешкался, надевая рубашку.

– Это почему ещё?

– А не хочу тебя неволить. Потом приходи. Когда сможешь…

– Приду «Вахтовка» – дряхлый пазик, который завозил-увозил обитающих в Парме офицеров на зону – с зоны, нетерпеливо фырчал у крыльца.

– Долго спишь, едреныть! – крикнул из открытых дверец краснощёкий капитан Фурцев.

– Опаздываем из-за тебя! Внеплановый осмотр места содержания, быстро в машину!

– Без тебя знаю, – буркнул под нос Карташ, набегу надевая кобуру.

Влетел в полупустую «вахтовку», плюхнулся на свободное место. Пазик тут же взял с места в карьер, прорезал темноту светом фар, вылетел на тракт. Фурцев продолжал истово драть глотку, как перед генералом, как будто никто и без него этого не знал:

– Распределиться по баракам! Особое внимание уделять тумбочкам и местам общественного пользования! Искать тайники и захоронки! Все подозрительные и запрещённые предметы подлежат изъятию!..

Карташ заспанно огляделся – семь офицеров, ну да, по штуке на барак как раз и получается.

Солдатиков в казарме наверняка уже распинывают, выгоняют на плац. Минут через двадцать, не больше, начнётся…

***

– Па-адъём!!!

Распахнув дверь, в барак шагнул прапорщик Богомазов. Из-за его спины в помещение, бренча автоматными пряжками, ворвались срочники. Чья-то рука хлопнула по выключателю, и вспыхнули лампы под потолком.

– Встать возле коек! – надрывался Богомазов. – Каждый у своей!

Жмурясь с просыпу, бурча под нос матерные проклятия, заключённые сползали с коек, шлёпали босыми пятками об пол, выбирались в проход между рядами двухъярусных нар. Стоя напяливали на себя робы. Рты раздирала зевота, глаза слипались, и некоторые совали руки в рукава и ноги в штанины вслепую, наощупь.

– Всем оставаться на местах, кому сказал, падлы! Кто шевельнётся – карцер! Шевелиться будете по моему приказу!

Старший лейтенант Алексей остался возле дверей барака. Прислонившись к косяку, издали наблюдал за мероприятием под названием обыск.

– Эй, начальник, что за кипеж? – донёсся из дальнего угла чей-то хриплый басок.

– Кто тут вякает?! – от переполняющей его злобы Богомазов дал петуха, и собственный ляпсус довёл прапорщика до белого каленья. Молчать, суки!!! Сгною в ШИЗО! Встать смирно! Руки по швам! Кто

дёрнется – попытка нападения, открываю огонь!

Прапору срочно требовалось выместить на ком-то или на чём-то злость за недосып, и он, схватив первую подвернувшуюся тумбочку, выволок её в проход, где перевернул дверцей вниз.

Из тумбочки на пол посыпались предметы нехитрого зэковского обихода: мыло, металлическая кружка, одноразовые станки, конфеты-«подушечки», носки, какое-то вязаное изделие в полиэтиленом пакете, растрёпанные книги. Пёстрой бабочкой на крашеные «грунтовкой» доски спланировал журнал и лёг кверху названием «Фор Мен Онли», под которым изображающая бурный оргазм блондинка сжимала ладонями увесистые груди. На печатное изделие коршуном набросился Богомазов. Он поднял журнал и затряс им, словно жандарм из советских фильмов про революционеров, откопавший в доме подпольщика большевистскую газету «Искра». Только вместо лозунгов к свержению самодержавия в руках российского прапорщика внутренних войск трепыхались женские задницы и груди.

– Порнографию держим, да! Запрещённую законами! Бордели устраиваем! – И он рявкнул, пнув пустую тумбочку ногой. – Чья?!

– Моя, начальник, – произнёс, переминавшийся с ноги на ногу, невысокий плотный мужик лет сорока.

– Чья?! – взревел прапор.

– Орлов Дмитрий Владимирович, статья сто седьмая, прим, один, – покорно забубнил заключённый.

Богомазов, как чеку из гранаты, выдернул из нагрудного кармана блокнот, пластмассовой ручкой с изгрызенным колпачком быстро занёс в него данные нарушителя.

– Будет тебе изолятор, приятель. Марш на выход. Ждать на построении.

Заключённый Орлов потопал к выходу из барака. Богомазов блокнот в карман не убрал, сжав его в кулаке, двинулся по проходу сквозь строй ненавидящих взглядов.

– А ну сдать всё неположенное! Кто сдаст добровольно – получает амнуху от наказаний. Считаю до пяти, сволочи. Кто не сдаст – виноват сам. Останется без свиданок. Лишение передач. За особо злостные нарушения – ШИЗО. Всё. Пять прошло.

Богомазов обернулся к хвостом следующему за ним сержанту.

– Чего ждёшь, Минаков?

Сержант из оперов, деревенского вида паренёк, веснушчатый, с оттопыренными ушами, в ответ пожал плечами.

– Вперёд! – толчком в плечо вывел его из нерешительности Богомазов. – Всё осмотреть. Каждый сантиметр. Каждую заначку вынуть. Простучать полы. Прощупать постели.

Сержант, которому, похоже, как лошади, чтобы сдвинуться с места, требовалось получить плетью по боку, рванулся тормошить подчинённых, распределять их по бараку, ставить задачи. И начался тотальный, старательный шмон. Солдаты сваливали на пол постели, матрасы и подушки, переворачивали тумбочки, простукивали пол на предмет тайничков… в общем, занимались своим делом. Карташ стоял в дверях и с ленцой наблюдал за приевшейся за годы суетой. Суета, судя по всему, приелась и заключённым, вот только виду они не подавали. Богомазов, постукивая блокнотом по ладони, расхаживал по проходу, в который солдаты вываливали содержимое тумбочек. Двое срочников расстелили простыню, на которую бросали вещи, признаваемые Богомазовым как неположенные.

– Кипятильник, вашу мать! Спалить нас задумали, чифирщики долбаные! А эт-то что такое? Никак вилки! Ресторан открываем? Чтоб было чем пырять? Не положено! Положено ложки. А это что? Подтяжки. Вешаться на них удумали? Не положено. Ишь, франты нашлись!

Карташ, разминая пальцами сигарету, наблюдал за действиями подчинённых. Мимо него к выходу из барака топали заключённые, чьи постели и тумбочки уже прошли досмотр, топали в одной колонне, и деловые, и мужики, и блатные. Аки волки с агнцами на водопой… Протопал и Таксист Гриневский, глядючи исключительно в пол. На выходе их обыскивали двое солдат, после чего выпускали из барака, чтобы те на освещённом прожекторами плацу дожидались, сколько потребуется, когда выйдет к ним начальство и объявит результаты проведённого обыска. То есть выйдет к ним начальство и расскажет, кому выпал карцер, кому – месяц без свиданок и так далее.

До Карташа доносились глухие зэковские бормотания под нос на тему: «ну, суки, дождётесь», «беспредел полный», «вертухаи оборзели в корягу, попомните ещё».

Так, стоп! Что-то такое мелькнуло в воздухе и, Богомазовым незамеченное, опустилось в кучу сваленного барахла. Сам не зная почему, Алексей дёрнулся было вперёд, но одумался и притормозил. Потом разберёмся. Но издали похоже на роспись для «пульки»…

– Бутылка из-под портвейна! Под чьей койкой? – тем временем свирепствовал в проходе Богомазов, похоже, получавший от своей роли истинное удовольствие. – Ага, Звягин! Ну, Звягин, ты у меня насидишься в карцере! Карты, оч-чень интересно. Кто не в курсе, что азартные игры запрещены?! Можно играть в домино, в крестики-нолики в специально отведённых для того уголках. Можно играть в города! Звягин, ну-ка назови мне город на букву «хе»?

Барак всё более напоминал дом врага народа после обыска, учинённого органами НКВД.

Проход был завален тряпьём, бумагами, какими-то объедками, посудой…

– Здесь закончили, – подошёл к Карташу разгорячённый, красный, как после бани. Богомазов. – Строить заключённых?

Карташ кивнул:

– Идите. Я вас догоню.

Богомазов не удивился, не до того ему было сейчас, он стремился к продолжению банкета, в котором был главным действующим лицом.

Его ещё и устраивало, что какое-то время над ним не будет командира – не надо опасаться внезапной команды «отставить».

Оставшись один в разворошённом бараке, Карташ двинулся по проходу, невольно наступая на разбросанные вещи. Под подошвами шуршала бумага, перекатывались пуговицы, что-то громко хрустнуло. Наклонился над замеченной «росписью для пульки», поднял, развернул.

Никакая это была не «роспись».

Это явно был план.

Вот только…

Вот только с подобными планами Алексею Карташу сталкиваться ещё не приходилось – даже если учесть, что этот был нарисован вручную, химическим карандашом, на серой обёрточной бумаге. Весьма тщательно. Впрочем, последнее ещё ни о чём не говорило – по большому счёту, зэки ко всем своим поделкам подходят вдумчиво, изобретательно, не терпя суеты и с прилежанием, достойным лучшего применения, – начиная от игральных карт и «сувениров» на продажу, вроде блокнотиков и статуэток, и заканчивая наборными рукоятями для ножей… И всё же, всё же, всё же…

Закусив губу, Алексей огляделся. Впустую. Не понять, откуда сей план вывалился, из чьей тумбочки или кровати. Скотина Богомазов, тщательнее надо, тщательнее…

Изображение было удручающе простым, как метеокарта, но насквозь непонятным. Несколько заштрихованных пятен и вкривь и вкось вписанных друг в друга эллипсов с таинственными пометками от руки – типа «абс. отм-ка 49.05», «распк – 10.26», «ВП», «контр. т.» и всё такое прочее, кривая жирная линия, берущая начало возле безымянного крестика в кружочке, скрупулёзно пересекающая всю карту по диагонали от одной отметки до другой и оканчивающаяся аккуратненькой стрелкой на точке «пер, п-т».

Сии криптограммы, все в общем и последнюю в частности, расшифровывать можно было как угодно – от «перманентный простатит» до, пардон, «пердящий педераст»… А на самом деле это, конечно, означало что-то другое.

Так и не поняв – что, он пожал плечами и двинулся на выход, где, подгоняемые воплями «сундуков», строились мрачные зэки: нужно ещё было принять рапорты и составить рапорт самому.

Так что утром Карташ до дома так и не добрался. Рассмотреть находку поподробнее, покумекать над ней как следует, в тишине и покое, хотелось смертельно, но он оттягивал удовольствие – как опытный любовник не спешит наброситься на объект вожделения, а приступает к делу обстоятельно, неторопливо, наслаждаясь каждым прикосновением, каждым миллиметром постепенно обнажаемого тела, сдерживаясь, останавливая себя, притормаживая – чтобы потом в полной мере ощутить хлынувший через край восторг плоти. Так и Алексей. Бережно сложив непонятную карту вчетверо, он спрятал её в самолично нашитый кармашек на внутренней стороне формы, застегнул на пуговичку и после подписания всех дурацких бумажек скучающей походкой отправился в дежурку при хоззоне. Где с чувством выполненного перед Родиной долга возлёг на кушетку, решительно выгнал поганой метлой из головы все, абсолютно все мысли и постарался вздремнуть. Чувствовал, что голова ему понадобится свежая, отдохнувшая от трудов праведных.

Вздремнуть, как ни удивительно, получилось.

Сквозь сон он слышал, как по дежурке бродили какие-то люди, звякали какой-посудой, о чём-то переговаривались шёпотом, дабы не тревожить сон товарища. Карта приятно грела ему грудь сквозь рубаху. Что делать дальше, он примерно себе представлял. Не подозревая, что человек предполагает, а вот Бог…

** * **

Практически у каждого офицера на зоне имеются свои люди из контингента – агенты и сексоты, а проще говоря, стукачи. На оперчасть надежда есть не всегда, да и не любят опера делиться своими секретами с простыми надзирателями, а уж про заключённых-активистов из службы внутреннего порядка и речи нет: они сами ни фига не знают. Вот и приходится крутиться, вербовать, шантажировать и подкупать – должен же боец знать, что происходит на вверенном ему участке невидимого фронта – когда с воли придёт новая партийка наркоты и с кем, за что в четвёртом бараке опустили тишайшего домушника Шварчика и о чём после отбоя шептался зэка Пупок с конвоиром Пупкиным.

Лупня Карташ агентнул с полгодика тому – узнал случайно, что тот срочную сам служил в ВВ, и пригрозил донести сию информацию до угловых. Почему тюремное радио, не хуже совинформбюро сообщающее по этапу обо всех заключённых, на этот раз не сработало, Карташ не ведал. Хотя вполне могло статься, что угловые прекрасно знали о тёмном прошлом Лупня, но решили парня пощадить – в самом деле, не будешь же наказывать всякого, кого по молодости лет посылали исполнять священный долг перед родиной во внутренние войска, этак население страны может резко подсократиться… Как бы то ни было, Лупень согласился с неопровержимыми Карташовскими доводами и стал трудолюбиво стучать, благо имел уже четвёртую ходку, и все по нехилым статьям, а посему имел и доступ к, так сказать,

закрытой информации, при всём при том оставаясь полосатиком – то бишь рецидивистом-одиночкой, воровской закон свято не блюдущим, но и супротив блатных не лезущим. И у Алексея было стойкое подозрение, что зэчок застучал бы, что твой «зингер», и без нажима со стороны старлея. Просто так. По складу натуры.

Лупня Карташ отыскал в зоновском пищеблоке – облачённый в некогда белый, а нынче серо-коричневый халат, тот деловито хлеборезствовал, беззаботно напевая под нос что-то попсовое, то ли из «Стрелок», то ли из «Белок».

Будто и не было ночью никакого шмона. Хотя к подобным акциям уголовнички уже привыкли, как к неизбежным неприятностям – типа зимних холодов или летнего зноя. Ну, пошмонали, ну наказали, жизнь-то продолжается… Алексей огляделся, удостоверился, что они одни-одинёшеньки, сел на краешек стола, отодвинув кастрюлю с картофельными очистками.

– Здоров, начальник, – не поднимая головы буркнул Лупень.

– И тебе не хворать. Какие новости?

На вид ему было лет шестьдесят – высохший, с сильно впалыми щеками, седой как лунь… хотя по документам шёл ему всего то тридцать осьмой годочек.

– Тишина в окопах, – сказал Лупень. – Как затихарились все…

– После шмона или вообще?

– Вообще.

– Готовят что-нибудь? – насторожился Алексей, живо вспомнив слухи о готовящейся войне авторитетов.

– Как не готовить, – беззаботно сказал Лупень. – Третьего дня на зону бухло привезли, двенадцать ящиков, етить его в дрын. Пугач проставляться собирается, по поводу примирения с Баркасом.

Алексей тихонько присвистнул. Нет, ясное дело, что знающий и влиятельный человек может в лагерь принести что угодно, и баллистическую ракету включительно, никто ничего не заметит – или, по крайней мере, сделает вид, что не заметил, залепив глазёнки долларовыми купюрами… Однако ж двенадцать ящиков водки – это, извините, перебор. Даже для Пугача. Вот, оказывается, из-за чего Топтунов шмон затеял, тоже наверняка будучи курсе, – из-за припрятанной выпивки! И, естественно, чёрта лысого нашёл – иначе так тихо не было бы на зоне…

– И на когда сей праздник назначен? – спросил Карташ.

Лупень пожал плечами.

– Говорят, деньков через пять…

«Значит, будем пресекать, – с некоторой тоской подумал Карташ. – Раз не нашли во время шмона – будем брать тёпленькими. Опять не высплюсь ни хрена…»

– И где её, родимую, схоронили? – на всякий случай спросил он. Просто так.

И получил насквозь ожидаемый ответ:

– Вот уж чего не знаю, начальник, того не знаю. Не я ховал.

В принципе, всё правильно: Лупень и на самом деле мог не знать, где блатные спрятали водку, благо от отсутствия смекалки уголовнички никогда не страдали… а мог и слукавить. Тоже правильно: если паханы пронюхают, что он растрезвонил насчёт захоронки, то перо словит стопудово…

– Погоди-ка, – вдруг сообразил Алексей, – ты что сказал? Примирение? Пугач идёт на мировую с Баркасом?!

– Как сказал, так и есть. – «Тук, тук», – ритмично стучал длинный нож по доске, кромсая хлеб. – Сам Пугач и объявил. Дескать, дряхлый я уже стал, етить меня в дрын, пора молодым дорогу уступать… Вот ты, мол, Баркасушка, и повластвуй.

Алексей озадаченно почесал затылок. Чтобы угловой из раньших, настоящих воров – и вдруг сам, по собственной воле, уступил место какому-то «некоронованному» по всем правилам юнцу-беспредельщику? Ерунда. Так не бывает. Или в самом деле Пугач постарел?.. Тогда какого ж хрена он припёрся на зону?

Загадки, что называется, косяками…

Он залез в потайной кармашек, вытащил находку, развернул.

– Это что такое, знаешь?

Лупень глянул одним глазом. Сказал бесстрастно:

– Что, что… Карта полётная.

– Какая карта?..

– Полётная – «какая», етить её дрыном. Для лётчиков. Которые, то есть, самолёты водят. Ну, понятно, не «боинги», атак, спортивные какие-нибудь «кукурузники». Или вертолёты. Типа, ежели радио гикнется, автопилот ласты склеит, так летуны по такой карте до дома доползут, етить их…

Час от часу нелегче. Полётная карта – в зоне?

Какого, спрашивается, рожна? Побег готовят?!

В голове возникла потрясающая в своей бредовости картинка: над лагерем зависает «Ми-8», и заключённые один за другим, безмолвной цепочкой забираются по верёвочной лестнице внутрь. Причём ночью. Причём всё происходит совершенно бесшумно, потому как на сопла установлены глушители, а лопасти обмотаны тряпицами, дабы не молотили по воздуху…

– А ты откуда знаешь, что полётная? – недоуменно спросил он, разглядывая карту и так, и эдак. – Ты ж, вроде, на земле служил…

– Дык дружок у меня был, Ильюшка Кучин. Мы с ним два года кирзу под Нижневартовском топтали, ты ж в курсах. Хоть и в разных частях. Он мне брата роднее стал, потому как от верного звездеца спас, когда князь с зоны драпанул с уголками – они ж, суки, меня заложником прихватили…

Лупень отложил нож, достал пачку «беломора», похлопал себя по карманам в поисках спичек, не торопясь и немного рисуясь, принялся раскуривать. Видно было, что он рад отвлечься и поговорить.

– А Ильюшка, земеля, как раз на «вертушке» служил. Он «вертушку» – то и поднял, догнал. Ну, одного урку сразу шлёпнули, намекнули князю, что разговор пойдёт серьёзный, а потом старлей наш, вот как ты, только мудак мудаком, он возьми да и распорядись в матюгальник: мол, отпускайте, лидеры, заложников, бросайте захваченное оружие – и строиться! И чтоб руки в гору, а на мордах чистосердечное раскаяние. А князь – ни хрена! Матёрый волчина, кулачище с помойное ведро. Он что с зоны драпанул-то, а? Ему ж вышак светил, он у себя в бараке хмыря одного борзого примочил, из деловых, а у хмыря родня вона где, – заскорузлый Лупенев палец ткнул вверх, – такую вонь подняла, у прокурора ажио в ноздрях защипало. Ну, а князю на тот свет торопиться не резон, он и дал дёру. Да ещё три «калаша» у нас, салабонов, отнял…

Лупень раскурил-таки «беломорину» и продолжал неторопливо, на Карташа уже не обращая ровным счётом никакого внимания. Будто сам с собой разговаривал:

– Дождался наш литеха очереди прямо по машине, обгадился слегка по мудильству-то по своему и командует: «Огонь на поражение!» А Кучин ему: «Да вы что, товарищ старший лейтенант, с дров упали?! Там же наших трое, вон, Лупнев, мой земляк-корефан, им сам князь прикрывается! Западло стрелять, разрешите десантироваться и взять на себя переговоры!» А старшой ему: «Говна-пирога, а не переговоры! Отставить звездёж! Ефрейтор Семенцов, выполняйте боевую задачу!» Тут ефрейтор Семенцов поворачивается к своему пулемёту, да чего-то у него там не ладится, то ли патрон перекосодрючило, то ли гашетку заклинило, а отделение глядит на такое чмушество и ни мычит, ни телится. А с земли – прицельно одиночными, два прямых попадания, самому товарищу старшему лейтенанту бочок оцарапало. Тут он вконец расстраивается и прикладывает подмётку к попе ефрейтора Семенцова, и ефрейтор Семенцов целуется с любимым пулемётом – да так крепко, что два зуба вдрызг. И тогда мой земеля, даром что полгодика всего до дембеля, бросает управление к известной маме, разворачивается и – хрясь лейтенанту в торец! Ну, непосредственное начальство впиливается ентим торцом в переборку, солдаты, етить их дрыном, шалеют от такой борзоты и лапают свои «калаши», зэки лупят по «вертушке», отделение орёт, Ильюша Кучин рвётся добить падлу литеху, штурман хватается за рукоять, вертолёт чуть рылом в вечную мерзлоту не хрястается… Короче, не боевая операция, а выступление воздушных акробатов по многочисленным заявкам трудящихся масс…

Лупень выдержал долгую паузу, как прямо-таки заправский рассказчик. Выдохнул сизый дымок. Стряхнул хлебные крошки с халата. Карташ помалкивал – ну, хочется Лупню поговорить, задолбало хлеборезкой махать, так отчего ж поговорить не дать?..

– Короче, вырубил Ильюша товарища старшего лейтенанта, сам «Макаровым» загнал солдафонов в хвост и «вертушку» посадил в версте от зэков. Опосля чего, куртень скинув, с двумя надёжными дембелями пошёл к князю и говорит: вы нам – заложников, мы вам – всю жратву и личное оружие, что у нас есть. А ещё – обмундирование, окромя, конечно, исподнего. Зэки потребовали ещё и «вертуху», Кучин им соврал, что пилота ранило, мол, потому и сели. Князь, ясное дело, не поверил. И что ты думаешь? Привёл Кучин одного лба к «вертухе», а там лежит лейтенант в отрубе и кровавых бинтах, в элтэошке на меху да в белом шлемаке. А на Кучине – пэша с офицерскими погонами, а солдатики, сучары, сидят по кустам и тихо млеют: это ж надо, какой-то летун, даром что срочник, ими командует! Но не рыпаются, потому как уже самим интересно, что из всего этого вылупится.

И хлеборез снова примолк.

– И что же, – подтолкнул Алексей процесс, – из этого вылупилось?

– А всё путём, – криво усмехнулся Лупень. – Деваться князю было некуда, лучше, как говорится, синица в руке, чем «вертуха» в небе. Отдали ему за нас, трех бритых салабонов, все стволы, окромя двух «Макаровых» и станкача, отдали сухпаи и форму, позволили отойти вёрст на пять… а потом Кучин со штурманом подняли «вертуху», загнали урок на голую болотину, и ефрейтор Семенцов с дембелями, в одних трусах и майках, за милую душу перешлепали сверху всю кодлу. За что поимели десятидневный отпуск. А мудиле старлею дали четвёртую звезду и перевели его служить в дыру такую грёбаную, где скорей не зэки от тебя, а ты от них убегишь, ежели не захочешь дожидаться, пока заловят и опустят…

Он затушил хабарик в пустой консервной банке и вновь взялся за нож.

– Ну?

– Ну и всё. Так мы с ним, начальник, и побратались. С Кучиным Ильюшкой, то бишь.

– А карта-то тут причём? – напомнил Карташ.

– Причём, причём… Так я ж про то и толкую, етить меня дрыном! Кучин-то аккурат по такой вот, родненькой, и летел за нами. От руки нарисовал ему штурман, по памяти, потому как типографские карты в

штабе были заперты по причине побега и возможного бунта, а рацией командиры пользоваться напрочь запретили – потому как побег, опять же… Туточки, вона, ориентиры всяки-разны изображены, сопки там, высотки, речки, кряжи – чтоб, значит, привязаться к местности с воздуха и с путя не сбиться… Вишь, «абсолютная отметка», «контрольная точка», етить их дрыном. Всё как там, точно тебе говорю.

– Понятно… А кто рисовал, знаешь? Чья она?

Лупень пожал плечами.

– Много хочешь от меня, начальник, уж извиняй. У тебя карта, не у меня, так что тебе виднее…

– Поня-атно… – повторил Алексей.

Хотя, если честно, не фига ему не было понятно. Но заворот сюжета получался крутой. В лучших традициях, так сказать. Труп, таинственная карта, загадочный объект посреди тайги…

Глава десятая.

Сюжет усложняется

26 июля 200 года, 22.18.*

Дежавю, блин. После убийства раба Божьего охотника Дорофеева, сунувшего нос куда ему не положено, Алексей возвращался домой осторожно, опасаясь каждого шороха. Теперь же, два дня спустя, ни на миллиметр не продвинувшись в своих расследованиях – напротив, ещё больше запутавшись в загадках, навалившихся со всех сторон, он двигался к дому ещё более опасливо. Обогнул избу Кузьминичны с тыла, продрался через какие-то грядки, чуть не всполошил собак у соседей – но дошёл без приключений. Никто на него не нападал и заточку в бок вставить не пытался. Открыл дверь и шагнул в сени. Заперся. Облегчённо перевёл дух.

Не терпелось запереться в комнате, занавесить окна, включить настольную лампу и вплотную заняться изучением находки – авось, и поймёт что к чему.

Приключения ждали его чуть позже.

Телевизор на бабкиной половине бурчал всё также – на этот раз что-то о какой-то «Шантарской Кредитной группе», которая, дескать, всех сможет озолотить, подайте только денюжку. Напрасно старались: Кузьминична, как уже говорилось, была глуха не только к призывам «Кредитной группы», но и в прямом смысле: на оба уха. В чулан Алексей заглядывать не стал, чтобы в собственных глазах не выглядеть параноиком, шагнул в свою комнату, нашарил выключатель, щёлкнул…

…И на пороге замер. Но лишь на миг. После всех перипетий, имевших место с московских времён, он худо-бедно научился держать лицо.

Подумал лишь, да и то как-то отстраненно: «Поспать опять не удастся…»

Рука сама, без всяческих команд со стороны рассудка метнулась к кобуре, но Алексей мысленным приказом остановил её на полпути. Открывать пальбу себе дороже. Следующим его желанием было резко вырубить свет и делать отсюда ноги – карта в потайном кармане жгла кожу. Но он сдержался – всё ж таки не мальчик.

За столом, по-хозяйски водрузив локти на столешницу, восседал давешний псевдоархеолог Гена. Смотрел на вошедшего, в общем-то, дружелюбно и с симпатией – как рыбак на откопанного жирного червячка. Перед ним стояла пузатенькая непочатая бутылка «Колчака», про который не только на зоне, но и в обычных шантарских магазинах слыхом не слыхивали и который отправлялся исключительно на экспорт… ну разве что ещё, каким-то уж совершенно загадочным образом, оседал в паре-тройке запредельно дорогих лабазов типа «Атамана Ермака». А рядом на тарелочках лежали: ветчинка (явно неместного производства), сыр (отчётливо нездешней слезы), лучок зелёный, хлебушек был порезан (эти уж явно тутошние), а также ждали своего часа вскрытые баночки с маринованным чем-то там и консервированным чем-то этаким…

Ну прям двое приятелей: один зашёл к другому с целью вспрыснуть по двести капель, пока жёны в огороде копаются…

Алексей молча снял форму, стянул сапоги с негнущихся ног, сунул ноги в тапки. Спросил преспокойно:

– Не страшно – в темноте-то сидеть?

– Не-а, – как ни в чём не бывало ответил тот, кто хуже татарина, и миролюбиво показал пустые ладони. – Время, старик, летит незаметно, когда знакомого ждёшь… Да ты, Лёшенька, в дверях не топчись, чай у себя дома.

– Я-то дома, а вот ты… – вздохнул Алексей.

Не стал спрашивать, как этот голливудский красавчик сюда попал и, главное, зачем попал. Прошёл в комнату, демонстративно снял кобуру и повесил её на спинку кровати, сел к столу, напротив супермена. Сдерживаясь изо всех сил, чтобы не потрогать спрятанную на груди карту – на месте ли, не пропала ли… Страха отчего-то опять не было, только настороженность да ожидание новых открытий. Которые ещё неизвестно к какому результату приведут.

– А что я? – Гена поднял белёсые брови. – Вечерами тут делать ну абсолютно нечего, пошатался по Парме, вспомнил вдруг, что только один знакомец есть у меня в этой дыре, вот и решил заглянуть на огонёк, с гостинцем… То есть, огонька-то не было, я и решил дождаться.

Не спрашивая согласия, он свинтил головку с «Колчака», разлил коричнево-красную жидкость по стопкам, двинул одну к Алексею.

– Хлопнем за встречу?.. Да не напрягайся ты, душа моя. Ежели б было у меня желание травануть тебя или ещё как ухайдакать, я б нашёл способ получше, чем заявляться к тебе вот так вот запросто, уж поверь. Ну, вздрогнем?

– А чё ж не вздрогнуть-то, коль на халяву… – продолжая разыгрывать прежнего тупорылого служаку, протянул Алексей, взял свою стопку, подождал, пока Гена поднесёт ко рту свою, и сказал:

– Погоди-ка.

Неторопливо забрал у археолога коньячок, отдал ему свой, пробормотал: «Вот так-то спокойнее будет. Вот теперь и вздрогнем. За здоровье молодых», – и выпил. Коньяк как водку. Залпом.

И, мягко выражаясь, охренел.

Ё-моё, совсем одичал в этой глухомани, забыл, что это такое – настоящий коньяк…

Тягучий напиток магмой растёкся по стенкам пищевода, где-то в недрах организма превратился в волну ни с чем не сравнимого аромата и наполнил каждую клеточку старлеевского тела мягким теплом.

Да уж, лучше только оргазм…

Усмехнувшись одними краешками губ и махнув свою порцию, Гена достал вскрытую пачку красного «Мальборо», протянул Алексею. С интересом стал наблюдать за реакцией.

Откинувшись на спинку стула и затянувшись, Алексей и сам с не меньшим интересом прислушивался к себе – то ли хорошо сейчас будет, то ли скрутит в бараний рог, а местный коновал потом зафиксирует естественную смерть от насморка.

Там, в себе, было хорошо.

И Карташ позволил себе расслабиться. В самом деле, травить его столь заковыристым способом не было никакого резона, это только где-нибудь в заграницах благородные лорды за дружеским ужином подсыпают тебе в бокал шампанского дозу цианида, а у нас в Парме, господа, как-то попроще с этим делом: фомкой по затылку, заточку в пузо, как Дорофееву, – и все дела, и не обязательно в гости приходить. А в сыворотку правды, которую можно запросто подмешать в коньячок, он не верил.

Слишком сложный это процесс – развязывание языков посредством химии, уж поверьте начитанному человеку… Значит, ночному визави что-то надо от него, старшего лейтенанта Алексея Карташа. Значит,

зачем-то понадобился он «археологам».

А в организме тем временем становилось всё лучше и лучше.

Чёрт подери! Есть, оказывается, на свете и приличный коньяк, и хорошие сигареты! И, наверное, где-то на свете есть и мягкие кровати, и весёлые ухоженные девчонки, и тёплые дома, и бары по вечерам, и кофе в постель по утрам от благодарной за проведённую ночь чаровницы, и…

Он тряхнул головой. Хрена лысого. Ничего этого нет. А даже если есть, то всё это благолепие точно так же обнесено колючкой, а с вышек за каждым твоим шагом пристально следят автоматчики… Выдавил из себя:

– Ну? И как там продвигаются наши археологические изыскания?

– Благодарствуйте, – выпустил струйку дыма Гена, – успешнее, нежели я предполагал.

– Вот как? И что, нашли кости своего этого… палеонтропа?

Археолог едва заметно поморщился и потянулся к бутылке. Некстати Алексей вспомнил, что Топтунов наказал ему не пить – завтра ведь извольте барышню выгуливать…

– Ах, да брось ты, голубь, – сказал Гена, разливая. – Давай немного приоткроем забрала, а? Ну, чуть-чуть. Хотя бы в отношении древних людей, до которых нет дела ни мне, ни тебе. Каюсь, там, на дороге, я малость перемудрил с палеоантропами, что есть, то есть… Видишь, я с тобой откровенен, пришёл один, без оружия, с чётким и конкретным предложением. Стало быть, я немного знаю о тебе. И готов предложить посильную помощь в восстановлении, так сказать, статус-кво.

– Чево – «кво»? – недоуменно наклонился над столом Карташ.

– Хватит, – рубанул Гена и мигом стал серьёзным. – Я сказал – статус-кво. Знаешь такое слово? А ещё потомственный офицер называется. Деда бы постыдился, Алексей Аркадьевич… Так что разговор у нас будет коротким и простым: да – да, нет – нет. Ты помогаешь мне, а я помогаю тебе вернуться в Москву. В капитанском звании. А там поступай как хочешь. Ты мне не помогаешь – и останешься среди вэвэшников если не навсегда, то на оч-чень долгое время. Расстановка сил ясна?

Карташ подумал секунду, потом поднял свою стопку и плеснул в рот. Закусил истекающей соком ветчиной, пальцами выудил из банки маслинку. Вкуса ни первого, ни второго, ни третьего не почувствовал. Гена смотрел на него не мигая, буравил взглядом бесцветных, каких-то водянистых глаз. Словно рентгеном просвечивал. Ещё немного, и углядит, Шлиман фигов, заветную бумажку в потайном кармашке…

Алексей внутренне усмехнулся, изображая лицом неземное блаженство: собственно, доморощенный археолог действовал грубовато, но совершенно правильно. Угостить хорошим коньячком, славной закусочкой и импортной сигареткой оторванного от привычной московской жизни, загнивающего в глуши паренька, глядишь – тот и затоскует, заностальгирует, поплывёт, к мамочке запросится… и согласится на всё, лишь бы вернуть себе пресловутый статус-кво. Ещё б лялек Гена с собой привёз, для утешения – совсем хорошо бы стало.

Но не на того, брат, напал. Москва со всеми её соблазнами отодвинулась для Алексея на второй план. Здесь, в тайге, запрятана тайна – а тайна зовёт, манит, влечёт и притягивает. Какая уж тут Москва, братва, – Москва подождёт, никуда не денется. Полгодика назад ты бы, друг Гена, нарисовался, тогда б мы ещё подумали, тогда б мы поностальгировали и из кожи вон вывернулись, лишь бы вернуться. А сейчас…

Маску провинциала он снял – за ненадобностью. И с напускной ленцой поинтересовался:

– Выкладывай, чего нужно… археолог.

– Помощь, я ж сказал, – взгляд Гены погас. – Ничего криминального, предосудительного,

противозаконного и неэтического. Мне нужна информация. За которую я плачу тебе свободой.

– Выкладывай.

Гена подумал чуток, потом вздохнул.

– Пёс с тобой, открою забрало совсем. Вижу, с тобой нужно играть честно – или вообще за стол не садиться. В том, что скажу, особого секрета нет, тайну следствия я не нарушу, да и ты никакой выгоды из этого знания не выгадаешь…

В общем, я – старший оперуполномоченный краевого ГУВД, отдел экономических преступлений.

Он неспешно встал, принялся расхаживать по комнате.



…Года два назад в Шантарское УВД, а точнее в его соответствующие отделы, со всей России стали поступать тревожные сигналы о подозрительном оживлении на пушном рынке. С незапамятных времён монополия на торговлю шкурками принадлежала государству – сие не означает, разумеется, что никто не браконьерствовал, не торговал пушниной в обход госструктур и не строил на этом деле замки в Испании, однако ж до некоторых пор процент «левых» шкурок был стабилен, прогнозируем и, в общем-то, негласно принят как реальность, данная нам в ощущения, с которой бороться бесполезно.

Но это только до некоторых пор.

А вот с некоторых пор рынок как государственный, так и «чёрный» залихорадило. На рынке как из-под земли стали появляться соболя, точнее, шкурки – великолепнейшего качества, дороговизны невысокой и в таком количестве, что цены начали падать стремительно, как рубль в недавние времена. И не оставалось никаких сомнений: это не браконьеры распоясались – это действует чёткая, слаженная группа, законспирированная настолько, что никто про неё и слыхом не слыхивал. До некоторых пор. Причём, соболя эти, исходя, опять же, из качества и количества шкурок, явно выращивались в питомнике. Причём, расположенном, как удалось выяснить, где-то в Шантарском крае.

Гласная проверка местных государственных питомников и негласная – подпольных ничего не дала: никакой утечки, никакой «левизны», «чёрная» бухгалтерия в порядке. Следовательно, в Шантарском крае образовался ещё один питомник (хотя какой, к чёрту, один – целая сеть питомников!), откуда к охочим до натурального меха богатеям и текут бурным потоком соболиные «шубки». А обратно – потоком не менее бурным – зелёные бумажки с ликами президентов…

За голову схватились все: и госструктуры, и мафиози – снижение цен на рынке особенно сильно ударяло по карманам последних. Совершенно не понятно было, что за силы вступили в игру: то ли толковые ребята-однодневки, решившие по-быстрому срубить капусты и отвалить, когда цены падут ниже некуда, то ли некто решил нанести сокрушительный удар по всему российскому пушному рынку. Выяснить это было решительно не возможно, никакие методы – как милицейские, так и… ну, скажем, более действенные, хотя и напрочь незаконные – на этот раз не срабатывали: никак не удавалось отследить, откуда тянутся ниточки и вообще каким образом шкурки попадают к продавцам и перекупщикам. Либо они, продавцы и перекупщики в смысле, и вправду не знали, либо были запуганы, либо подкуплены – однако факт остаётся фактом: соболя будто материализовывались из воздуха и моментально превращались в деньги, которые также исчезали неведомо куда…

Полтора года понадобилось операм, чтобы нащупать, только нащупать – даже не ниточку, а так, невесомую паутинку, которая, впрочем, и привела их в окрестности исправительно-трудового учреждения номер **. Где-то здесь, в радиусе восьмидесяти-ста километров и располагался один из подпольных

соболиных питомников. Некий охотник из Пармы, пойманный за руку за браконьерство, в обмен на прекращение дела согласился добровольно сотрудничать с органами – походить по тайге, приглядеться…

И судя по всему, кое-что он углядел. Потому как успел послать весточку в Шантарск, но более ничего не успел – по причине скоропостижной смерти от злокачественной опухоли под названием «заточка».

Звали охотника Егор Дорофеев.

***

– …Собственно, поэтому я и здесь, – сказал археолог. – Выяснить, что узнал Дорофеев. На что набрёл в тайге, где находится питомник… А ты как человек, который последним разговаривал с ним, как человек неглупый, столичный, можешь мне помочь. – Он остановился напротив Алексея, посмотрел тому в глаза:

– Вот и весь расклад. Теперь думай.

– Уж не подозреваешь ли ты, что это я охотника мочканул? – бесцветным голосом спросил Алексей после долгой паузы.

…Сказать, что Карташ чувствовал пустоту в душе, значит ничего не сказать. В душе был абсолютный вакуум, чёрная дыра, куда со свистом всасывались все чувства, эмоции, мысли и желания.

И не оставалось ничего. Лишь звенящая, ледяная пустота.

Питомник…

Блядь, всего лишь грёбаный питомник по разведению сраных млекопитающих семейства долбаных куньих! А он-то, дурак, губу раскатал: не правительственный секретный объект, какое-нибудь кладбище радиационных отходов, тренировочный лагерь террористов – да с такими сведениями, выложенными в нужное время нужным людям – в погонах или в наколках, не суть важно, – с такими сведениями он и без помощи всяких там археологов в Москву вернётся, на белом коне и со щитом в руках!

А тут – вонючий питомник…

Дорофеев, сука, ни словечком ведь о ментах не обмолвился! Хотел, чтоб и нашим, и вашим…

– Конечно, не ты мочканул, – сказал Гена, вновь садясь напротив. – Тебя-то я проверил в первую голову… Но ведь кто-то это сделал? И я должен узнать – кто. Чтобы через него выйти на производителей.

– И я тут причём?

– О чём вы разговаривали с Дорофеевым? – быстро спросил Гена.

Карташ на мгновенье запнулся.

Теперь, когда его высокоумные заключения лопнули как мыльные пузыри и развалились как замок на песке, скрывать свой интерес к Шаманкиной мари не было никакого резона. И он уже открыл было рот, чтобы рассказать всё, но что-то – то ли инстинкт, то ли ещё какое восемнадцатое, неведомое чувство – заставило ответить иначе, выпалить первое, что пришло на язык:

– О соболях говорили, Гена, о соболях…

– О чём?!

– О них, родимых… – вздохнул Карташ.

Что характерно, сущую правду сказал – их знакомство с Дорофеевым аккурат со шкурок и началось. Это уже потом, годик спустя, Алексей решил задействовать охотника в поисках объекта. И начни археолог копать, простите за каламбур, в его сторону, то многие пармовчане подтвердят: да, начальник, Егорка

Дорофеев многим шкурки продавал, и цирикам, и цивильным, мобуть, и этому, Карташу, тоже…

И Остапа, как говаривали классики, понесло. Алексей откинулся на спинку шаткого стула, сцепил пальцы на животе и принялся вещать почти ласково:

– Да, друг Гена, такое вот совпадение. Ты со мной откровенен – и я отплачу той же монетой. Покойный Дорофеев мне как раз шкурки-то соболиные и приносил иногда, а я их в Шантарск переправлял, за толику малую. Тем и жил… На старлеевскую зарплату разве проживёшь? То-то. Вот и приходится крутиться помаленьку. Вот в тот вечер мы с ним и обговаривали – когда, сколько и за сколько. Сошлись, потом в Салун вернулись, он, вроде, ушёл с кем-то встречаться, я ещё малость посидел и тоже свалил. А вот с кем он виделся – сие мне неведомо, гражданин археолог, можешь не спрашивать, я в чужие дела нос не сую, есть такой грешок…

«Со своими бы делами разобраться…» добавил он мысленно.

Гена молчал, и Карташ, мысленно же переведя дух, закончил с затаённой усмешкой триумфатора:

– Нет, конечно, если мои две-три шкурки и подорвали весь пушной рынок, то я готов понести наказание – по всей строгости, как говорится…

Гена молчал. То ли не заметил усмешки, то ли решил не обращать на неё внимания. Что происходило в недрах его черепной коробки, было неведомо: лицо было бесстрастным, как у викинга.

– И за что Дорофеев получил пику в живот, ты, разумеется, не знаешь, – наконец произнёс он. Не вопросительно, а утвердительно.

– Разумеется! – охотно сказал Карташ. – Но предположений могу накидать пачку…

– Не надо, – жёстко перебил Гена. – Я и сам могу… – И добавил негромко, проникновенно – Лёша, мне необходимо знать, на что он набрёл в тайге. Точнее – где то место.

– Ага, ага, понятно, – закивал Карташ. – Дошло. Значит, я вызываю дух невинно убиенного Егорки и воспрошаю у него: где, дескать, то место, которое ты, ещё будучи среди нас, нашёл для нашей доблестной милиции? Ответствуй, дух, повелеваю!.. Ежели ответит – я возвращаюсь в Москву. Правильно?

Опер разлил ещё по одной («последняя», – твёрдо решил про себя Алексей), промялся и сказал:

– Я не влюблённая восьмиклассница, а ты не герой моего романа, так что мои слова воспринимай как констатацию факта, а не как лесть, договорились?.. Короче, у Топтунова я прошерстил данные на всех здешних вэвэшников. И выбрал тебя. Ты не пролетарий, каких большинство и которые только водку пить и умеют, и не интеллигент, который умеет только языком болтать. Ты знаешь людей в Парме. Ты знаешь людей с зоны. И те, и те к тебе, в общем-то, лояльны…

– Я тебя тоже люблю, дорогая, – буркнул Алексей, но Гена пропустил сию плоскую шутку мимо ушей:

– В Парме есть человек – или люди – от туда из питомника. Они-то и убрали Дорофеева. И я должен выйти на них. Но я тут человек чужой, мне не доверяют – в отличие от тебя…

– Вербуешь, да? – Алексей протянул стопку, чтобы чокнуться с опером – впервые за всё время сих весёлых посиделок.

– Вербую, – просто согласился Гена, чокаясь. – Но, заметь, не в стукачи, не в «барабаны». Тут всё очень просто: помогаешь следствию найти убийцу – возвращаешься в Москву… Ну, за победу.

– За нашу победу, – закончил цитату Алексей.

Опер улыбнулся чуть шире: оценил.

Выпили.

С полминуты Карташ боролся сам с собой: одна половинка его Я требовала немедля выложить всё суперменистому Гене – раз за колючкой скрывается примитивный питомник, то искать выгоды в том направлении смысла нету, по крайней мере ему, Алексею Карташу. Зато, помогая следствию, он и в самом деле сумеет одним махом прыгнуть в дамки. Гене – звёздочку на погон, генералам – благодарность из Москвы, бедному опальному старлею – возвращение в столицу…

Однако вторая половина, менее прагматичная и более авантюрная, велела не пороть горячку и чуть погодить. Открыть карты он всегда успеет.

– Заманчиво, бляха-муха, заманчиво… – вроде бы в сомнениях протянул он с уркаганскими интонациями, меланхолично жуя лимончик. – А вот ежели я никого не найду – тогда как быть, гражданин археолог?

– Помощь следствию зачтётся. Зуб даю, гадом буду, век воли не видать, – в тон ему ответил супермен.

– Ну смотри, я тебя за язык не тянул… Всё, вроде бы, так-то оно так, но есть одна махонькая заковыка… Товарищ полковник Топтунов с завтрашнего дня приказали-с мне отправляться в отпуск, каковой провести в обществе одной очаровательной мамзели…

– В курсе. Вопрос решу за пару суток.

– Верю. Но предупреждаю: ходят слухи, что на зоне через несколько дней могут начаться некоторые… беспорядки. И если слухи подтвердятся, то меня из отпуска отзовут и помогать следствию я не смогу физически.

– Тоже в курсе, – отмахнулся «археолог». – Топтунов уже вызвал подкрепление – солдат из соседней вэчэ и милицию из Шантарска, сама Шевчук обещалась быть… Так что на этот счёт опять же не волнуйся. Хотя это перестраховка: я точно знаю, что Пугач с Баркасом ссориться не намерен, у него какие-то свои делишки здесь. Выпьют водки, пожмут друг другу ласты и разойдутся.

«Ого! – встрепенулся Алексей. – Ты и это уже разнюхал? Оперативно!»

– Иными словами, согласен?

«Знал бы ты, голубь мой милицейский, к кому обратился за помощью, – подумал Карташ. И тут же поправился: – Хотя – ведь запросто можешь знать…»

** * **

…Заперев за гостем дверь и занавесив окно, он включил настольную лампу, нацедил стопочку оставленного коньяку (вот спасибочки за щедрость, гражданин археолог!) и достал карту. Расстелил на столе. Закурил «Мальборо» (ещё раз спасибочки!), всмотрелся внимательнее.

Похоже, Лупень не соврал: это была карта, никакого сомнения. Что на ней было изображено, оставалось тайной Мадридского двора. Но…

Но что-то важное – Алексей чувствовал это печёнкой.

Он допил коньяк («последняя, я сказал!»), бережно спрятал карту в потайной кармашек, затушил окурок, погасил лампу. Из окна на него глядела темнота.

Соболиный питомник, говорите?

А как же скелеты? Труп, найденный Гвоздём?

Целенаправленно распространяемые байки? То, что никто в Парме не видел людей из этого питомника?..

Нет, ребяты, что-то тут не так. Как-то не вяжется история про питомник со всем, что вокруг него происходит… Значит, суперменоподобный археолог, мягко говоря, слепил горбатого. Следовательно, можно предположить, что он и не опер. Кто тогда?..

И ещё Алексей почувствовал, что заступил дорожку силам, которые могут раздавить тебя, как муравья, и даже не заметят. И от этого чувства желание докопаться до истины лишь возросло.

Кто ж мог предположить, что Судьба сама приведёт его к разгадке – да ещё столь заковыристым путём…

Часть 2.

Игра навылет

Глава первая.

Отпуск: день приезда, день отъезда…

27 июля 200 года, 22.05.*

Огромный пурпурный шар солнца завис над тайгой, едва касаясь верхушек сосен, и, похоже, остановился, будто раздумывая: опускаться ли ему за горизонт и ещё чуток повременить по эту сторону планеты. Смеркалось, от лагерных строений протянулись длинные тени, воздух наполнился розовым предзакатным свечением. Через три дня, если верить Лупню, перемирятся, и тогда вообще тишь да гладь наступят… А пока заключённые, вернувшиеся от трудов праведных в жилую зону, закончив перекличку, понемногу угомонились, над ИТУ разлилась тишина – лишь орал на кого-то по ту сторону колючки пьяный опер, да лязгало какое-то железо в автопарке, да побрехивали собаки в питомнике за казармами.

Так что если закрыть глаза, то запросто можно представить себе, что находишься не возле охраняемого со всех сторон лагеря, под завязку набитого урками, а в мирной сибирской деревушке дворов эдак на десять, тихой и уютной, которой равно наплевать на землетрясение в Индонезии и на президентские указы касательно полномочий губернаторов, где ползимы нет электричества, передвижная лавка приезжает раз в полгода, а самым страшным в мире человеком считается тракторист Коля, который по пьяни и при посредстве топора страсть как любит ломиться в избу к незамужней Таньке, и остановить его можно, лишь огрев оглоблей по черепушке…

Ежели откровенно, то нельзя сказать, что подобные пасторальные настроения мучили Алексея постоянно, однако сейчас отчего-то нахлынуло. И не исключено, что причиной тому явилось присутствие рядом дочурки «хозяина».

Марии Александровны.

Маши…

Таинственный солнечный свет заходящего и никак не могущего зайти солнца окрашивал её лицо прямо-таки средиземноморским загаром, заставлял короткие, с рыжиной волосы гореть неким потусторонним, мистическим свечением, а глазищи… глазищи, блин, были как у Медузы Горгоны: заглянешь в них – и всё, пиздец…

– Поле, речка, дом с трубою,
Из трубы идёт дымок.
Деревенька притулилась
Вдалеке от всех дорог.

– негромко продекламировал Алексей, глядя на приближающиеся казарму и хозблок.

– Слышен говор над деревней —
Про соседей, про покос,
Купола церквушки древней,

В скирды собранный овёс…

Маша с улыбкой обернулась с переднего сиденья:

– Удивительно в тему. Если забыть на секунду, где мы находимся… Неизданный Пушкин? Или сами написали?

– Вот ещё, такую лабудень мы не сочиняем, – обиделся Карташ за себя и за Александра Сергеича. – Это Серёга Нигматуллин ко Дню Ракетных войск и Артиллерии накропал… А что тут такого, для здешнего интеллектуального уровня – сии вирши будут посильней, чем «Фауст» Гёте.

– Ко Дню Ракетных войск – и такая лирика?

– Ну да. Вы, Марь-Санна, просто финала не знаете. А финал там… э-э… А финал там вот какой:

– Вдалеке закат пылает,
Слышится собачий лай,
Кто-то с песней вечеряет —
Красота, раздолье, рай…

Хорошо глядеть с опушки,
Вороша ногой траву, —
Прислонившись к дулу пушки,
Наведённой на церкву!

– Да уж, – фыркнула Маша, – жизнеутверждающе, ничего не скажешь. Пушкин на Дне Артиллерии отдыхает… А ваш Серёга, оказывается, парень с юморком. Он за эту нетленку, случайно, на «губу» не залетел?

– Не-а, – весело ответил Алексей. – Наоборот. Заму по воспитработе очень понравилось.

– А Топтунову? – нейтрально спросила дочурка.

– «Хозяин» их и не видел, – успокоил её Карташ. – Это в стенгазете, в клубе висело.

– О! У вас ещё и клуб есть?

– А что, люди мы или твари дрожащие? И клуб есть, и оркестр свой. Олежка Антонов такие фишки на саксофоне выдаёт – Эллингтон застрелился бы от зависти…

– Эллингтон на клавишных играл, – мягко поправила Маша.

– А у нас в клубе и рояльчик есть, – ничтоже сумняшеся сказал Карташ. – Взглянуть не желаете?

– А меня пустят?

– Да о чём вы говорите, сударыня, клуб-то за территорией зоны… Гриня, давай к клубу Всё тот же шоферюга Гриневский по кличке Таксист, что вёз их от вокзала, молча кивнул.

Молчал он от самой Авдотькиной пади, думая о чём-то своём, уркаганском, чем, собственно, Карташа вполне устраивал: придаток мотора разговаривать не должен.

Взрыкивая на колдобинах, уазик выбрался на ровный участок перед КПП, свернул и остановился у двухэтажного хозблока, возведённого, по слухам, ещё при Кукурузнике. Так или нет, Карташ не знал, но верил охотно – уж очень он напоминал те продовольственные «стекляшки» серого силикатного кирпича, что были понатыканы практически во всех городах и весях бывшего Союза между жилыми домами. В этом, правда, застекление первого этажа отсутствовало, а над «парадным входом» гордо алел транспарант «Клуб» – для тех, кто, по-видимому, был по какой-то причине не в курсе.

Остановились. Карташ выбрался из уазика первым, открыл дверцу, галантно подал руку.

Маша ступила на зоновскую землю, как будто выходила из кареты возле собственного особняка, где на раут уже собрался весь цвет местной аристократии – и плевать с высокой колокольни на то, что одета она была уж никак не для раута, а вовсе даже по-походному: свитер под горло, зелёная ветровка, джинсы и короткие сапоги. Первый день «отпуска» Алексей решил посвятить ознакомительной экскурсии по окрестностям, так что с утра они петляли на уазике по таёжным стёжкам, останавливаясь разве для того, чтобы размять ноги, перекусить предусмотрительно захваченными Карташом бутербродами с кофе из термоса и насладиться видами. Красный ручей, Авдотькина падь, Соколиный распадок – какие там, к лешему, Болонья и Севилья! Красотища вокруг была неимоверная, даром что рядом зона, и даже у Алексея, уж на что прагматика и до мозга костей реалиста, порой что-то такое шевелилось в сердце, когда он демонстрировал дочурке «бескрайнее море тайги» с вершины какой-нибудь безымянной сопки, что-то такое романтическое, бля…

День, в общем, пролетел незаметно. Они вернулись к лагерю – решили подождать папашку и вместе вернуться в Парму, а пока папашка занят своими «хозяевыми» делами, отчего же не показать дочурке клуб? Пусть посмотрит, как развлекаются солдатики внутренних войск в редкие минуты расслабона…

– Жди здесь, – приказал он Гриневскому, доставая сумку с заднего сиденья. – Если «хозяин» нарисуется, скажешь, что мы в клубе. Свистнешь нас, домой поедем.

– Я должен быть в бараке, – с непонятной интонацией напомнил Таксист.

– Будешь, – успокоил Карташ. – Ты чё, земеля, тебе лафа такая привалила – знай себе катайся по тайге, наплевав на построения и поверки… Или не доволен?

Гриневский дёрнул плечом, сказал угрюмо:

– Вон там стоять буду, за углом. Мотор пока посмотрю.

– Ну, посмотри, посмотри…

Дверь в клуб была не заперта – непорядок, конечно, но на это закрывали глаза: всё что можно, из клуба разворовали ещё при Климыче, остались разве что пыльные исполинские транспаранты с ликами вождей социализма да неподъёмный рояль – прочие инструменты прапор Антонов бережно запирал в кладовке за сценой, за железной дверью. Алексей и Маша миновали закрытую солдатскую столовую, поднялись на второй этаж. Тишина, никого…

– Вот, собственно, сие и есть наш очаг культуры, – негромко сказал Алексей. Голос в пустом помещении звучал гулко, рождая тихое эхо.

Очаг являл собой актовый зал мест эдак на триста, с небольшой сценой и гениальным по своей идиотичности лозунгом на заднике:

Лозунг этот висел здесь со времён царствования Бориски – когда старые цитаты, из основоположников развитого социализма, стали уже неактуальны, а новые не годились по причине слишком шаткого положения на политической арене их, цитат, высказывателей. Тогдашний штатный художник, задолбавшись раз в полгода переписывать крылатые фразы Рыжкова, Гайдара, Черномырдина и иже с ними, плюнул, пошёл в библиотеку, взял томик Соловьёва, – справедливо рассудив, что уж сей-то философ опале не подвергнется ещё какое-то время, – ткнул пальцем наугад и старательно переписал на кумачовую ленту фразочку насчёт нравственной природы.

Заму по воспитработе, опять же, понравилось.

Маша медленно прошла между стульями, касаясь пальчиками вытертых спинок, поднялась на сцену,

где главенствовали два артефакта – старенький рояль и обшарпанная трибуна, открыла крышку над клавишами, взяла аккорд – минорный, насколько разумел Алексей. Звук разлился по актовому залу, тревожно и неприятно, как телефонный звонок в пустой квартире.

– Я услышал мелодию вальса
И сюда заглянул на часок…

– проговорил он.

– Ненавижу эту песню, – откликнулась Маша.

– Зато актуально, – сказал он. И поинтересовался в качестве поддержать разговор:

– А почему, собственно, ненавидите?

– А вот сами подумайте: война, какой-то офицеришка бредёт по городу, слышит вальс из пустого зала. Ясно дело, заглядывает – а там девушка в одиночестве перебирает клавиши… Ага, думает военный человек. Ну, заходит, тыры-пыры, потанцуем, ах, мне так одиноко, ночь коротка, спят облака, всё такое. Что дальше, догадываетесь?.. А на рассвете – извини, дорогая, утро зовёт снова в поход, или как там… И всё. И умотал военный человек. А девушка остаётся. Возле разбитого рояля.

– Да, – поразмыслив, сказал Карташ. – Похоже. Признаться, с этой стороны я как-то не думал…

Что-то шло не так. Совсем не так, как с другими девушками – даже там, в прошлой, московской жизни он не испытывал ничего похожего. Там всё двигалось по накатанной колее: лёгкий флирт, немного коньячку, двусмысленные фразочки, невесомые, почти незаметные прикосновения – и лялька, считай, твоя.

Потому как хотела того же самого, что и Карташ. Промахов практически не было. А тут…

Предупреждённый – а значит, вооружённый Нинкой Алексей держал ухо востро, однако никаких даже намёков на охмурёж со стороны шантарской красотки не заметил. Вела она себя с ним ровно и доброжелательно, но – не более.

То ли Нинка ошибалась, то ли…

То ли коротко стриженная чертовка была умнее и хитрее. И у Карташа всё чаще появлялась назойливая мысль первый ход сделать самому.

Наплевав на угрозу папашки.

Поэтому он дальновидно всё же захватил с собой остатки «Колчака» (спасибо археологу, ничего приличного в Парме он раздобыть всё равно бы не смог, хоть ты застрелись) – можно же выпить по чуть-чуть за знакомство? Папа не обидится. Ну вот, значит, планировалось выпить по чуть-чуть в комнатёнке у Кузьминичны, специально прибранной и вылизанной для такого случая, – а там уж как повернётся… Поездка обратно в лагерь с целью захватить папу после работы и посещение клуба в его планы никак не входили, ну раз уж мы здесь… так что же, прикажете коньяк пить прямо у рояля? Нет, в этом определённо есть элемент этакого лихого гусарства, но…

Но Алексей к своему ужасу понял, что совершенно не знает, как себя вести с этой девчонкой. Будто пятиклассник на свиданке, право слово.

– Так что у вас там? – вдруг сказала она, поворачиваясь.

– В смысле?

– Самогон? Водка? Портвейн «три семёрки»? Я же вижу, как вы мнётесь, да и в сумке отчётливо звякало всю дорогу. Не ломайтесь, ей-богу, что вы как ребёнок…

Чувствуя себя дурак дураком, он молча поднялся к ней на сцену, поставил на рояль коньяк, припасённые бокальчики, позаимствованные у Кузьминичны, нехитрую закуску.

– Ого, – сказала она с оттенком уважения. – «Колчак», я в восхищении. А я, грешным делом, уж подумала, что в этих местах самым благородным напитком полагается первач на зверобое…

– Обижаете, сударыня, – браво щёлкнул каблуками Алексей: кажется, ему удалось найти нужный тон, – у нас хоть и провинция, но и мы кое-что могём… За знакомство?

– И на брудершафт, – она посмотрела ему прямо в глаза…

…Её губы пахли коньяком и лимоном…

И тут он понял, что земля ушла из-под ног и он уже себя не контролирует.

– Тише, тише, господин офицер, я девушка поря… ох…

Он не отвечал, не мог, сдирая с неё проклятую ветровку, путаясь в застёжках, кобура зацепилась за что-то, долой её, поднял Машу, посадил на рояль – недоуменно брякнули клавиши, она коротко застонала, коснувшись нагой кожей холодной полировки, но он не слышал, он ничего не слышал и не видел, весь мир провалился к хренам свинячьим – были только они, только два тела, матово отсвечивающие в угасающем зареве заката, рвущиеся навстречу друг другу сквозь одежды, стремящиеся слиться, поглотить друг друга… Алексей вошёл в неё одним ударом, она закусила губу, сдерживая крик, опёрлась о клавиатуру, и рояль ответил победным воплем. Их движения рождали музыку, яростную, напористую, музыку любви – не той любви, которая не вздохи на скамейке, но любви первозданной, слепой и поглощающей, для которой нет морали, этики и законов…

Он и сам не заметил, как всё окончилось, просто произошёл беззвучный взрыв, который и вытолкнул его из сладкого омута, из головокружительной бездны, задыхающегося от наслаждения, с бешено колотящимся сердцем… вытолкнул обратно, на сцену обшарпанного солдатского клуба, рядом с огороженным колючкой лагерем.

– Маша… – сказал он, но она положила пальчик на его губы и жарко прошептала:

– Тс-с, господин гусар, ни слова. Не нарушайте романтику момента.

Солнце наконец-таки соизволило опуститься за лес, краски дня посерели, уступая место серости сумерек.

– Поверишь ли, с детства мечтала, чтобы меня на рояле полюбили… Я кажусь тебе развратной?

– Очень. Но, знаешь ли, это и притягивает…

Чувствуя, что силы его ещё не иссякли, какое там – напротив, силёнки рвались наружу неудержимо, как вода в промоину плотины, – не в состоянии сдерживаться, Алексей скользнул губами по её груди, к животу, ниже, ниже…

«Па-ашел охмурёж…» – мелькнуло где-то на излёте сознания.

– Изголодались вы по женской ласке, господин гусар, как я погляжу… – выдохнула она и откинулась назад, насколько это возможно, чтобы ему было удобнее, а он уже снова тонул, захлёбывался в волнах наслаждения…

Оглушительный, свистящий взрыв! И этот на сей раз не имел никакого отношения к восторгам плоти. Яркая вспышка на миг разогнала сумрак, со звоном лопнули стёкла в окнах, осколки прошили актовый зал навылет – хорошо хоть, сцена находилась в слепой зоне, лишь один касательно ширкнул Алексея по щеке.

Кажется, Маша кричала.

Кажется, кричали и снаружи.

Даже, кажется, стреляли.

Впоследствии Алексей так и не смог вспомнить, что же происходило в следующие несколько минут. В себя он пришёл уже снаружи – уже одетый и застёгнутый, неизменный «макарка» с уже снятым предохранителем и уже досланным патроном сжат в правой руке, левой он, чутко направляя Машу, цепко держит девчонку за локоть – тоже уже почему-то одетую, но как, когда успела – не сейчас, потом, потом!..

Они выкатились из дверей клуба наружу, Карташ толкнул дочурку влево, под защиту бетонного козырька над пищеблоком. Автоматная трескотня, заполошные крики со стороны зоны!

Сам метнулся к углу строения, выглянул…

Что-то в панораме жилой зоны зэков, огороженной высоким забором с накрученной поверху колючкой, было не так. Чего-то не хватало.

И как только он, наконец, осознал невозможное, невероятное – ближайшая к клубу вышка с автоматчиком пропала, исчезла, вместо неё теперь в небо медленно поднимались чёрные жирные клубы дыма – именно в этот момент рвануло вторично.

Где-то у основания второй из четырех вышек вокруг лагеря вспух белый шар, секундно превратив вечер в солнечный день, приподнял вышку метров на восемь над землёй – и шваркнул её об колючку, разламывая на составляющие. Доски вспыхнули, как спички, и Алексей, прежде чем отпрянуть, увидел, как из-под двускатного навеса вышки вывалился объятый ярко-жёлтым, неестественным пламенем охранник, молча рухнул на колючку, повис, зацепившись, раза два дёрнулся и затих, коптя…

«Твою мать, это пластид! – как эхо взрыва ударило в голову. – Откуда там пластид?!»

Думать было некогда. Мимо, путаясь в недонадетых сапогах и незастёгнутых штанах в сторону КПП пронеслась рота безоружной зелёной солдатни под управлением хрипло вопящего команды, подгоняющего отстающих Богомазова.

Правильно, если заключённые пойдут на рывок, прорываться им сподручнее через КПП… У Богомазова была такая рожа, будто на зону приземлилась летающая тарелка с изображением американского флага на борту – в иное время рожа эта выглядела бы смешной, но не сейчас. И Алексей искренне подозревал, что у него самого рожа не лучше. А вы как думаете?! Бунт, нет, не бунт, настоящий прорыв, побег из зоны, долгие годы считающейся самой тихой и спокойной во всей Шантарской губернии!..

– Лёша!!!

В казарме вопили, гремели чем-то, матерились. Новых взрывов пока не было.

Он обернулся – Маша присела за высоким крыльцом, испуганно выглядывала оттуда – а вообще молодец, мельком отметил он, грамотно схоронилась, клуб и пищеблок после отбоя пустуют, как это все знают, туда соваться без дела не будут…

– Не высовывайся! – рявкнул он в ответ. – Сиди, я сейчас!

– Папа! Лёша, там же отец!..

Алексей только махнул рукой и отвернулся. «Хозяина» на зоне, конечно, нет, он сидит в административном корпусе, вне территории, но опасность, если вырвутся, ему грозит нешуточная…

Он оттёр липкий пот с правой щеки.

Что творилось *там*, за забором, увидеть было невозможно, можно было только догадываться –

автоматчики на оставшихся вышках палят по всему, что движется внутри периметра, спускаться они не рискуют, потому как попасть в лапы ревущей, обезумевшей толпы урок их не греет ни с какого бока…

А, чёрт! По всему, что движется?!

Внезапно, будто перед ним включился экран кинопроектора, Карташ увидел зону в проекции сверху, как на чертеже. Между двумя подорванными вышками располагается укреплённый «шлюз» – проход в зону напрямик из казармы, называемый так потому, что оборудован двумя тяжеленными, сваренными из рельсов воротами, открываемыми только последовательно и только после того, как охранник посредством телефона и бронированного «глазка» удостоверится, что стучатся свои. Автоматной очередью, буде автомат каким-то неведомым образом окажется в руках спятившего зэка, ворота не вскрыть…

Но ведь у них не автомат, у них пластид! А там, между казармой и «шлюзом», – оружейный парк! И после подрыва двух вышек подход к «шлюзу» для оставшихся вышкарей оказался в «мёртвой» зоне!

Чёрт, чёрт, чёрт!!!

На хрен уркам не нужен КПП, они будут рваться к оружию!

И, словно в подтверждение его мыслей, бахнуло в третий раз – аккурат напротив «шлюза».

Приглушённо так бахнуло, почти неярко. Зато действенно.

Протяжный скрежет пронёсся над территорией лагеря, за ним последовал многократный звон, предупреждающие крики – и аккорд завершил леденящий, почти нечеловеческий, вибрирующий вопль. Карташ закрыл глаза, откинул голову, крепко треснувшись о стену клуба. Ударил затылком ещё раз. И ещё.

Самое страшное, что он никак не мог повлиять на ситуацию. С жалким «Макаровым» делать ему там нечего. А что именно там произошло, было понятно: подложенный заряд разнёс ворота в щепы (то есть в рельсы), толпа уголовников проникла на запретную территорию, покрошила охрану, дорвалась до оружия…

Один за другим замолкла трескотня с вышек: боезапас у автоматчиков не безграничный. Зато началась пальба с той стороны казармы, что примыкала к зоне. Вопли обороняющихся и бунтующих слились в единый рёв. Истерично драли глотку овчарки в питомнике – не понимая, что творится вокруг. Промелькнуло: надо бы их выпустить, натренированные брать людей в арестантской робе, они могут здорово пособить солдатам. Но туда же не добраться, бли-ин!..

Алексей опять вытер пот с правой щеки, посмотрел на ладонь.

Не пот, кровь. Откуда?! Вспомнился осколок стекла в актовом зале, задевший щёку. Он нервно хихикнул: так что с боевым крещеньицем вас, Алексей Аркадьевич…

Отдельные выстрелы доносились и со стороны автопарка, потом раздался звук работающего мотора. «Вахтовка», – по звуку определил Карташ. Значит, кто-то решил рвать когти подобру-поздорову И это правильно, как говорил первый и последний Президент СССР… Теперь их не остановить. Как цунами, уголовники вот-вот вырвутся на свободу, разольются всепожирающей волной, уничтожая на своём пути всё, что шевелится и не шевелится, рванут… Куда они рванут? В посёлок, в Парму, ясный хрен! Сколь хорошо ни был бы организован прорыв, основную массу организаторам не сдержать, не направить. Урки ломанутся туда, где выпивка, женщины, табак, чай, жратва… Во что превратится Парма, трудно себе даже представить… Но кто организовал, зачем?! Ведь говорили о примире…

В сгустившейся ночной мгле с грохотом рухнули и внешние ворота «шлюза» – рёв толпы стал значительно слышнее, словно сделали погромче звук в телевизоре.

Вот и всё. Кранты.

Первого беглого он увидел, уже срываясь с места и бросаясь к крыльцу, за которым пряталась Маша, а увидев, на миг замер, не в силах двинуться. Метрах в десяти от Карташа из сумерек на открытое место выскочил караульный, без оружия, сильно припадая на левую ногу, бросился бежать, в немом крике разевая рот. Очередь скосила его через пять шагов.

Следом показался зэк, первая, бля, ласточка, длинный, худой и седой, как узник концлагеря, приставил дуло «калаша» к затылку подстреленного и дал ещё одну короткую очередь.

Мозги брызнули в разные стороны. А потом, кривя губы, принялся остервенело лупить прикладом по голове безвольного, как кукла, охранника.

Алексей узнал его.

Этого не могло быть. Но так было.

Со звериной жестокостью караульного прикончил не кто иной, как Лупень, тихий стукачок, бывший вэвэшник и нынешний полосатик…

За мгновенье в голове Карташа пронёсся вихрь мыслей: значит, врал, значит, он с ними заодно, никакого примирения и не должно было быть, блеф… да нет, я же в людях разбираюсь, если б Лупень знал о готовящемся кипеже, он бы сказал, не мог не сказать…

Тогда что происходит?..

Когда Лупень стал разворачиваться, когда увидел Алексея, когда их глаза встретились – взгляд беглеца в робе был туманным, не сфокусированным, словно он был под кайфом, он и не узнавал Карташа – когда ствол «калаша» стал медленно, как в замедленной съёмке, подниматься, старлей сбросил с себя оцепенение и дважды нажал на курок «Макарова». Не сказать, чтобы Лупень держал автомат очень уж умело, но на таком расстоянии не промажет и ребёнок.

Звуки «макаровских» выстрелов совершенно потерялись в творящейся вокруг какофонии.

Зэка отшвырнуло, бросило на спину, он упал в пыль, смешно засучил ногами и затих: пули угодили туда, куда Алексей и целился – в левую сторону груди.

И подобная бойня сейчас по всему лагерю, по всему… Да что же тут происходит?!

Тело ещё не замерло посреди дороги, а Карташ уже грубо – не до церемоний – выдёргивал Машу из её укрытия, толкал в сторону распахнутой двери клуба, в голове щёлкало, как горошины в пустую миску: в клуб они сунуться не должны, нечего им там делать, пошуршат на кухне, в санчасти, ни хрена не найдут и двинутся к Парме, так что есть шанс уцелеть, есть, бляха-муха…

Сноп ярчайшего света на миг ослепил, пригвоздил к месту. На повышенных оборотах взревел мотор, и из-за угла выскочил «хозяев» уазик, на повороте его занесло, чуть не опрокинуло, но водитель с управлением справился.

Гриневский!.. Нет, не Гриневский – ангел-хранитель на сияющей колеснице!

Карташ бросился ему наперерез, размахивая пистолетом. Вдоль борта «козла» неровной цепочкой тянулись следы от автоматных пуль…

Таксист резко затормозил, распахнул дверцу.

– Сюда, начальник, живо, твою маму!..

Как мешок с картошкой выдернув Машу из дверей, Алексей одним прыжком пересёк расстояние до машины, толчком бросил дочурку на переднее сиденье, рванул заднюю дверцу…

Автоматная очередь раздалась вслед, когда уазик уже летел вперёд, прочь от разверзшегося на месте

лагеря ада, заднее стекло разлетелось вдребезги, усыпав пассажиров осколками, но они уже ушли, ушли!

Таксист вырубил свет – правильно, не фиг подсвечивать мишень, – и дорога впереди исчезла. Они мчались сквозь абсолютный мрак.

На колдобине машину подбросило, Алексей крепко приложился темечком о крышу, едва не прикусив язык, – и рёв двигателя вдруг усилился до грохота работающего компрессора. Сорвало к такой-то матери глушитель. Ну и хрен с ним, – дотянем до леса, решили друзья…

– К лесу давай, к лесу! – заорал Карташ, вытряхивая стеклянное крошево из волос.

– Застрянем же! – не оборачиваясь, попытался перекричать мотор Таксист.

– Бля, к дороге на лесосеку, кретин! Вон туда! До лесосеки доедем, а там пешедралом в лес! За нами не попрутся, смысла им нет за нами переться!

– Папа! Там же папа остался!.. – Маша схватилась за ручку дверцы, но Карташ мигом перехватил её, зарычал, надсаживая глотку:

– Дура, покрошат! У нас из оружия один пистолет! А у них автоматы!

– А потом что?! – от волнения Гриневский пустил петуха.

– А потом и думать будем!..

Таксист приглушённо выматерился, до побелевших костяшек на пальцах сжимая штурвал, наклонившись вперёд и вглядываясь в невидимую дорогу, будто та была заминирована.

Машина ворвалась в лес, и звук работающего на предельных оборотах мотора стал вовсе уж оглушительным. Гриневский снова врубил дальний свет, и замелькали калейдоскопом деревья, кусты, поваленные стволы, пни… По сравнению с дорогой возле зоны эта казалась проспектом какого-нибудь Тухачевского или улицей Карла Маркса в Шантарске, право слово…

– Тише, Гриня, уже можно тише, – посоветовал Карташ.

Гриневский послушно сбавил скорость.

Алексей мельком оглянулся назад, в беспросветную тьму за кормой – никого – и откинулся на спинку. Только сейчас он понял, что по-прежнему стискивает скользкую от пота рукоять «Макарова», и попытался разжать сведённые судорогой пальцы. Пальцы не слушались. Спокойнее, спокойнее, надо взять себя в руки, ушли ведь, уже ушли, краснокожие не догонят…

Горло вдруг сжал спазм, и Карташ с некоторым ужасом понял, что ещё немного, ещё чуть-чуть – и расхохочется в голос, будет ржать, как гиена, до полного изнеможения, до донышка… поэтому он со всей силы вонзил ногти левой руки в запястье правой. Боль пришла не сразу, словно правая рука онемела, словно он её отлежал. Или отсидел, какая, к херам, разница…

Но – немного отпустило. Ледяной, вибрирующий мелкой дрожью стержень в груди начал таять. Тело расслабилось, напряг последних минут – судя по сумеркам, с начала бунта прошло не больше двадцати-двадцати пяти минут, а кажется, будто несколько лет – напряг отпустил. Ф-фу…

А ведь «хозяин», Гена-археолог, Кузьминична, Нинка, какие-никакие друзья-приятели – все остались там, в лагере и в городке, на который надвигается смерть…

Нина, бли-ин…

Гриневский вдруг затормозил резко, так, что пассажиров бросило вперёд, сам вдруг застучал кулаками по рулю, яростно, со всей дури, выплёскивая напряжение, выкрикивая бессвязные проклятья – уазик аж ходуном заходил. Потом успокоился неожиданно, как и завёлся. Пробормотал едва слышно:

– Извини начальник… Прорвало.

– Бывает, – нейтральным голосом отозвался Карташ, только сейчас смекнув, что на пару с Машей заимел зэка – считай, беглого – в качестве шофёра по ночной тайге. И сие как-то не улыбалось. Ещё полоснёт бритвой, ссыльный всё ж таки, как говорится в одном бородатом анекдоте… А с другой стороны – если б не Таксист, поглумились бы над ними возле зоны, это уж к гадалке не ходи…

Он сказал примирительно:

– Давай вперёд помаленьку, лады? Гнать только вот не надо.

Гриневский выжал сцепление и тронулся.

Алексея вдруг неукротимо потянуло в сон. По эту сторону яви его удержало лишь осознание того, что сон, настоящий сон, ночной кошмар остался там, позади. И возвращаться в него ох как не хотелось…

Глава вторая.

Трое плюс пистолет

27 июля 200 года, 23.16.*

Воспевать ночную езду по тайге взялись бы разве самые отпетые романтики – из тех, что если и выбираются из столиц, то не далее чем на дачные участки, где, сидя на веранде с видом на жидкий, истоптанный грибниками лесок, прихлёбывают чаёк напополам с коньячком и сочиняют сердцещипательные песенки о палатках, геологах, кострах, о туманах и о запахах тайги. В общем, про то, что «нам не страшен дождик хмурый».

Взаправдашняя ночная езда по таёжной дороге, даже на уазике, то есть на самой приспособленной к этим ралли машине, напрочь лишена какой бы то ни было романтики. Темень беспросветная, свет фар отвоёвывает у мрака лишь крохотный плацдарм прямо перед скачущей по ухабам машиной. Скорость приходится держать невысокую, тайга становится всё гуще, дорога всё уже, ветви то и дело хлещут по стеклу. И вскоре под кожу начинает просачиваться неприятный холодок, а вслед за этим сердечко внезапно сжимают невидимые пассатижи – так накатывает ощущение безлюдья, раскинувшегося во все стороны на сотни, а то и тысячи вёрст, безлюдья, во владения которого ты забираешься глубже и глубже. Какая уж тут к чертям романтика! Ты вдруг осознаёшь, как с треском рвутся все твои привычные, уютные, удобные связи, как ты отныне далёк от телефонов, лекарств, «скорой помощи», запасов еды на полках холодильников, мягких постелей, тепла и прочих благ цивилизации. Тебя не прикроют МЧС, МВД и прочие службы. С этого момента можешь полагаться только на себя и на удачу.

Ты становишься частью изначальной жизни, которой ты безразличен, как плевок, которая обходилась без тебя миллионы лет и не заметит твоего ухода из мира. И приятного в этих ощущениях нет ничего – что бы не пели столичные барды…

Ехали молча. И не только из-за стресса, а ещё и по вполне житейской причине – трясло нещадно. Раздолбанная лесовозами таёжная стёжка не давала людям возможности оторвать ладони от скоб и спинок сидений. На таких ухабах будешь много говорить – точно себе язык откусишь.

Карташ посматривал вперёд, видел тёмный, отрешённый профиль Маши, её потухший взгляд и сжатые губы. Гриневский же выглядел сейчас за рулём точно так же, как и несколько часов назад – как собранный, хоть и раздражённый, уверенный в себе, хоть и не спавший ночь шофёр на тяжёлой трассе. «О чём он, интересно, сейчас размышляет?» – гадал Карташ. Пошевелился, нашаривая под собой бушлат, – хорошо захватил для выгула доченьки…

– Никаких развилок, – внезапно произнесла Маша глухим голосом.

Алексею показалось, что вырвавшаяся у неё фраза относится вовсе не к лесной дороге, а к чему-то более значительному, всеобъемлющему, может быть, фраза эта – некий итог её невесёлых раздумий.

– Некуда тут сворачивать, – без выражения проговорил Гриневский. Ну, уж этот-то точно имел в виду таёжную трассу.

Кстати, и вправду развилок не будет до самого подъезда к лесосеке. Так и трястись им по безвариантной узкой стёжке, на которой чтобы разъехаться, шофёрам встречных машин пришлось бы демонстрировать чудеса высшего пилотажа…

«Вот и сходили в отпуск, бля…» – со злостью подумал Карташ. Покосился на Машу. Та сидела прямо,

невидяще глядя перед собой. Истерикой пока не пахло, молоток девка, держится. Соображает, что не до папы сейчас… А сейчас до разговорчика по душам кое с кем. Самое время.

И сказал отрывисто, положив руку со стволом на плечо водителя:

– Короче, заключённый Гриневский. Время разбора полётов. Отвечай быстренько и честно, как у духовника. Что за херня происходит?.. – Вдавил в его шею дуло «Макарова». – Стоп-стоп, ты мне плечиками-то не елозь. У меня, понимаешь ли, ствол, а тебя – голы рученьки. И прежде чем ты руль в канаву какую-нибудь повернуть успеешь, я тебе полчерепа снесу, усёк? Тогда продолжаем «Что? Где? Когда?»… Мы, понимаешь ли, теперь с тобой одним миром мазаны – ты, получается, беглый, а я, получается, тоже вроде как пост покинул… И скрывать сейчас что-либо друг от друга у нас резона нет. Повторяю: что в зоне произошло?

– Соскок, начальник, – после долгой паузы негромко ответил Гриневский. – Семеро «углов» срыли под шумок… точнее, собирались. Ради того всё и затеяно было.

Наступило время Карташу раскинуть мозгами.

– Ты меня не парь, – наконец рассудительно сказал он. – Ради какого-то соскока кипеж на всю зону не поднимать, с прорывом, да с захватом оружия? Так не бывает.

– Именно потому, что так не бывает. Пока солдатня с ментами будут остальных ловить да успокаивать, пока пересчитают, кто жив, кого мочканули, кто в леса подался – те уже далеко будут…

Машина вильнула, попав колесом в яму, мотор гневно взвыл, но вытащил уазик из выбоины и, взревев по-медвежьи, погнал их дальше.

Маша молчала.

Карташ поразмыслил ещё немного, убрал пистолет. Сказал спокойно:

– Не верю. Ты, дружок, поаккуратнее будь на дороге-то… Ну хорошо. Допустим. А как так получилось, что…

От неожиданности Гриневский не втопил до упора педаль тормоза лишь чудом, спас, видать, немалый таксистский опыт – иначе лететь бы пассажирам уазика носом вперёд, до столкновения с преградами. Нет, Таксист просто резко вильнул на обочину и остановил машину в шуршащих зарослях молодого ельника.

Случилось это, когда уазик свернул за очередной поворот возле самой лесосеки, и фары выхватили замызганное окошко, зелёный задний борт и на нём крупные чёрные номера брошенного посреди дороги пазика-«вахтовки». Угловые! Вот, оказывается, кто на автобусе сдёрнул!

– Маша, на пол! – крикнул Карташ, распахнул дверцу, перехватил табельный «Макаров» обеими руками и вывалился наружу.

Перекатился, замер, огляделся, затем по-пластунски переполз под прикрытие невысокой кочки. Выждав две секунды, решился, вскочил и бросился вперёд, ориентируясь на средней толщины ствол сосны. Если оставлена засада от соскочивших, то начнут стрелять. Не из стали же их нервы! Но у него есть все шансы проскочить. Чего ж Таксист, сука, не погасил фары-то…

Он проскочил и, тяжело дыша, прижался к шершавой сосновой коре. Пока таёжную тишину не нарушали иные звуки, кроме лесных.

Карташ заметил на дороге, залитой лунным светом, тёмный силуэт.

– Их тут нет, начальник, – стоя на дороге, Гриневский говорил негромко, но не приходилось напрягать

слух, чтобы расслышать его слова. – Чего им тут делать, кого караулить? Как они бы догадались, что мы по ихней же стёжке пошли?..

В правоте слов Таксиста лучше прочего убеждало то, что он до сих пор был жив – слишком уж соблазнительную мишень он представлял собой…

– Да и сразу бы стали шмалять, начальник, не дожидаясь, пока мы выберемся из машины. Мотор издали было слыхать, без глушака-то. Как мы из-за поворота вырулили, так и стали бы палить, как в тире. А оружие у них есть, бля буду, и не ваши «калаши»…

В руке Гриневского вспыхнул фонарик. Жёлтый электрический луч протянулся к «вахтовке», пробежался от колёс до крыши фургона, погас.

– Маша, слышишь меня? – повернувшись к уазику, громко спросил Карташ.

– Да, – раздалось в ответ.

– Оставайся в машине.

И Карташ по-прежнему с пистолетом в руке вышел на дорогу. Вместе с Гриневским они направились к брошенному зэками автомобилю.

– Им некогда засады устраивать, – всё о том же говорил Таксист. – Доехали, перекурили, поздравили друг друга с удачей – и в путь. Ночь-то лунная, можно кое-как идти по лесу. А то ведь и приборы ночного видения у них имеются… Я, к примеру, не удивился бы…

Отводя руками нависающие над дорогой ветви, они обошли «вахтовку», добрались до распахнутой двери автобуса.

– Давай глянем, начальник, нет ли чего полезного, – Гриневский направил луч фонарика на ступени, шагнул…

Пальцы Карташа вцепились в робу зэка. Он рванул Таксиста на себя, подсёк ему ноги и толкнул на обочину, в кусты. Обрушился сверху, взял шею в захват. Страшно прошипел:

– Лежать, блядь, не дёргаться! Убью, падла! Застрелю, как суку!..

Гриневский хрипел, извивался, пытаясь высвободиться, одной рукой отдирал локоть Карташа, другой ощупывал землю в поисках какого-нибудь подручного оружия – камня или деревяшки.

Так продолжалось секунд десять.

– Замри и слушай! – склонив лицо к лицу Гриневского, горячечно зашептал Карташ. – Замри, я сказал, тварь! И я тебя отпущу! Пронесло, ты понял? Теперь точно уже пронесло, и я тебя отпускаю…

Алексей чуть ослабил хватку, готовый в любой момент снова сжать шею зэка в железный замок.

– Без глупостей мне, Гриня… Некогда было церемониться… Растяжка там… Ты, придурок, чуть не подорвал тут нас обоих… Я ж не знал, задел ты её или не задел… Пришлось валить… Объяснять некогда было… Всё, отпускаю…

И Карташ разжал захват. Тут же, на всякий случай, откатился в сторону, вылез из кустов, поднялся на ноги.

– Силён, начальник, – вылез следом Гриневский, массируя шею.

– Ничего, выживешь…

Фонарик залетел под «вахтовку», но не погас, поэтому разыскать его труда не составило. Карташ выронил и пистолет. Но и его нашли – правда, чуть повозившись. Потом вернулись к дверце «вахтовки».

Присели на корточки, вгляделись, подсвечивая себе фонариком. Над второй ступенькой автобуса, на высоте ладони тянулась проволока толщиной миллиметра в два. Граната же была изолентой примотана к дверной петле.

– Значит, гранаты у них тоже есть… – отметил Карташ, неизвестно к кому обращаясь.

– Как ты растяжку-то углядел?

– Фонарик, луч, – Карташ рукавом вытер пот со лба. – Ф-фу, повезло нам… Что-то блеснуло… длинное и тонкое. Наверное, понял, что проволока… – И честно признался:

– Хрена там понял – я ни о чём и подумать-то не успел. Если честно, тело само сработало.

– Ты чего, начальник, в горячих точках воевал?

– Бог миловал.

– А я вот воевал, но не заметил… Так откуда у тебя ж навыки? Или в ваших училищах натаскивают?

– Пёс его знает откуда, – сказал правду Карташ. – Может, от предков что пришло… Так, сейчас мы её…

Он аккуратненько, в пять приёмов переломил проволоку на кольце гранаты, освободил саму гранату с ввинченным запалом (это оказалась «ф-1» – ого, рвануло бы на славу, это тебе не какая-нибудь плевенькая пятая «эргэдэшка»), подкинул на ладони, положил в карман. Пригодится. Сказал, стараясь сдержать предательскую дрожь в голосе:

– А ты где воевал?

– В первую чеченскую, – не сразу ответил Гриневский. И посмурнел, замкнулся.

– Ну-ну… А теперь осторожно поднимаемся и смотрим, нет ли там для нас чего-нибудь полезного.

– Например, ещё одного подарочка? – хмуро заметил Гриневский.

– Это вряд ли, не ссы. Сам говорил – они не ждали, что мы по их следу двинемся. А растяжка – это так, на всякий пожарный, мало ли что. Им, Гриня, боезапасы экономить надо…

В салоне, просвечиваемом фарами уазика насквозь, он вдруг повернулся, одной рукой взял поднявшегося следом Таксиста за грудки, направил луч фонаря тому в глаза и ласково сказал:

– А теперь не для протокола. На зоне о готовящемся прорыве не знал почти никто. Ни «мужики». Ни даже мои стукачи. Тем более – не знали о соскоке. Вопрос: откуда знаешь ты?

Гриневский рывком высвободился, в его глазах мелькнул очень нехороший огонёк, и Карташ мигом сконцентрировался, поднял «Макаров» – зэки, даже полуослепленные, умеют наносить удар быстро, незаметно, непредсказуемо и, главное, эффективно. Алексей сам видел, как насквозь прочифиренный, прокуренный и туберкулёзный Пистон, имеющий пятую ходку, секунд за двадцать приголубил каратэшника, обладателя какого-то там охренительного дана. Впервые залетевший на зону каратэшник стал, по неопытности своей, строить из себя делового, качать права и одним, первым же ударом уложил на пол Пистона, – а Пистон вцепился зубами в ногу каратэшника и выдрал тому сухожилие, что называется, с мясом. Потому как в уркаганской драке главное – нанести противнику как можно больший урон за минимальное время, причём неважно какими способами и приёмами, любыми, – так что все эти «маваши» и «йокогэри» отдыхают…

Однако Гриневский нападать не стал. Рысий огонёк в его глазах погас, он сказал негромко:

– Свет убери, начальник.

Алексей, подумав, отвёл луч в сторону.

– Ты только не забудь, начальник, кто сначала тебя, а потом тебя и девку твою от смерти спас. Я ведь мог и не остановиться ни там, у оврага, ни у клуба вашего…

– Откуда про соскок знаешь? – повторил Алексей, несколько успокаиваясь.

– Оттуда. Фу, бля, круги какие-то кружатся, ни хера не видно… – Таксист потёр слезящиеся глаза. – Я должен был вместе с ними соскочить.

Восьмым.

Вот это было неожиданно.

Таксист – из «мужиков», никогда в воровские дела не лез, ни в чём этаком участия не принимал, крутил себе баранку и всё больше помалкивал…

И он решился на побег?!

– А не гонишь? – недоверчиво спросил Карташ.

– Самогон гонят, а я говорю, как есть, – резко сказал Гриневский. – Пугач мне лично приказал: «В двадцать два десять чтоб был подле меня. Да оденься потеплее, по-походному, со мной и с ребятами пойдёшь. Если выгорит – Березовскому на милостыню подавать будешь…»

Алексей озадаченно почесал висок рукоятью пистолета. Спросил:

– А ты что?

– А что я? – истерично выкрикнул Гриневский. – Пугачу, что ли, возражать буду?! Сказал: «Буду». В двадцать два десять ты с лялькой ещё в клубе барахтался, а я тебя ждал, как цуцик, – а в двадцать два тридцать началось…

– За ляльку в рыло получишь, – серьёзно предупредил Карташ. – Иными словами, ты к Пугачу просто не успел?

– Ну.

– И он без тебя в соскок ушёл?

– Ну.

Карташ хохотнул, но тут же снова стал серьёзным.

– Ох и зол на тебя Пугач, наверное, – опоздал ты брат, к построению…

– Е..л я такие построения, начальник, веришь ли, – сказал Гриневский, глядя в глаза Карташу. – Откажешься – на перо поставят, пойдёшь с ними – всё равно не жить, я ж не с их грядки, я чужой. Заставят сделать, что надо, – и привет. Чтоб языком потом не трепал.

– Логично, – вынужден был согласиться Алексей. – Дела-а… А что сделать должен был? Куда культпоход намечался?

– Не знаю, начальник, веришь, нет? – Таксист перекрестился. – Мне Пугач не докладывался…

– А ты с ним знаком, что ли? С Пугачом?

– Да было дело… – замялся Гриневский…

– Что случилось?

Оба слаженно обернулись. Маша не сдержала обещания и бросила уазик – видимо, одной ей сделалось вконец невыносимо.

– Да вот, – как ни в чём не бывало ответил Гриневский, – мы тут грибочек с гражданином

начальником нашли, белый…

Ничего полезного в «вахтовке» они не отыскали – беглые заметали следы старательно. Зато в уазике за задним сиденьем обнаружился потёртый жиденький ватник Гриневского – Алексей заботливо прихватил его с собой: ночью в тайге может быть не жарко. Кофе в термосе есть, сигарет почти полная пачка… жаль вот, «Колчак» в клубе остался – оченно, знаете ли, неплохо было бы принять сейчас для успокоения и тонуса…

– Где ночевать-то будем, начальник?

Да уж, проблема. Но Алексей ставил её шире, вообще: что дальше делать-то? Их рывок на уазике можно объяснить лишь состоянием аффекта. Инстинкт погнал их в тайгу, подальше от вырвавшейся на свободу смерти. А в здравом уме никто не решился бы на подобную авантюру – без снаряжения и провианта… Да и со снаряжением и провиантом не решились бы.

Вот что надо делать: утром надо будет худо-бедно определиться на местности, поворачивать оглобли к станции и леском-леском к ней пробираться. О неожиданно вспыхнувшем бунте власти наверняка уже знают, солдатики из ближайшей вэчэ с ментами уже подтягиваются, если можно верить «археологу» – и ничего, подавят как миленьких, никуда зэчарам не деться. А вот если крутиться поблизости зоны, так можно и на пулю нарваться – злая солдатня, тайгу прочёсывая, сначала будут стрелять, а уж потом смотреть, что за дичь они подстрелили, беглого урку, добропорядочного старлея или «хозяево» чадушко…

– Уйдём где-нибудь на километр в сторону, – решил Карташ. – Там переночуем, благо до утра не так уж и много осталось, а утром свернём к вокзалу, лесочком подойдём… Ничего, за пару дней должны добраться, там в ментовку и сдадимся. Авось, если расстреляют, то не сразу…

Он мельком оглядел экипировку Маши и, в общем-то, остался доволен. Прочная брезентовая ветровка, свитер, сапоги – нормально, словно специально к походу готовилась… Хотя, по большому счёту, так оно и было – они же весь день гуляли по тайге. Что ж, прогулка продолжается. С оздоровительным уклоном…

На небольшой полянке развели костёр. Таксист по уркаганской привычке сел на корточки в сторонке, но Алексей, здраво поразмыслив, поманил его пальцем – дескать, сейчас нет зэков и цириков, пока мы на равных. Пока не выберемся из этой передряги. Поколебавшись чуток, Гриневский придвинулся к костру. Карташ достал из сумки термос с остатками кофе, два сплющенных бутерброда. Не густо, прямо скажем. Один бутерброд отдал Маше, второй разделил пополам между собой и зэком. Ели в полном молчании, и Каждый думал о своём.

** * **

…Ночь, к счастью, выдалась безлунной, небо было затянуто плотной облачной пеленой; крадущегося человека окружала непроглядная тьма.

Но его это не останавливало: бесшумной тенью скользнул он под таинственно шепчущие кроны, в огромные, почти в человеческий рост папоротники, постепенно удаляясь от полянки.

Хотите оставаться тут? Что ж, дело ваше, господа хорошие, только времена нынче другие, власть в округе поменялась. К станции он не полезет ни за какие деньги, своя-то шкура дороже. Если вскроется, кто он такой… Нет уж, лучше самому, без этих… сопровождающих…

Он выбрался к безымянному распадку, по возможности тихо спустился к руслу высохшего ручья…

И одновременно с этим в шею ему упёрся холодный кругляшок, а знакомый голос тихо произнёс:

– Ку-ку, Гриня. Так, давай медленно повернёмся жалом ко мне… Неугомонный ты паренёк, как я погляжу.

Гриневский почувствовал, как по спине побежала струйка липкого пота. Он повернулся.

Было нестрашно – просто неизмеримо горько от того, что провели, как мальчишку.

– Умница. Теперь сделаем так…

Внезапно – Гриневский даже вскрикнул от неожиданности – в лицо ему ударил ослепительный кружащий свет. Он успел различить перед собой лицо старлея.

– Не бойся, – донёсся до него голос Карташа. – Это я опять фонарём поводил перед твоей рожей. Как тогда, в «вахтовке», помнишь? Побудешь слепым минут десять, пока зрение не восстановится. Так, на всякий случай. А пока положи-ка ласты на череп, будь столь любезен.

Умелые руки быстро обыскали Гриневского.

– Ладно, твоя взяла, – выдавил Таксист. – Давай договоримся. Расстанемся по-людски, а? Ты меня не видел, я тебя не видел. – Облизнул мигом пересохшие губы, ожидая выстрела в затылок… или нож под ребро… или ещё чего в таком духе.

– Ага, на попятную идёшь? – сказал Карташ. – Это хорошо. Это правильно. Теперь руки за спину. Скрести их.

– Что… что ты хочешь делать?

– Не дрейфь, убивать я тебя пока не собираюсь. Просто стреножу, как конека. До утра полежишь под деревцем; рассветёт, тогда и поговорим. А я пока вздремну – всю ночь из-за тебя, чёрта, глаз не смыкал, ждал, когда ноги сделать надумаешь…

Кисти Гриневского прочно, но не больно опутала тонкая проволока – не иначе, та самая, которая раньше играла роль «растяжки». Карташ повёл его назад, к костру, как козла на верёвочке.

Маша не спала, сидела по-турецки, испуганно глядя на принудительное возвращение блудного зэка. Карташ ободряюще подмигнул ей, подвёл Таксиста к дереву, уложил на бок и другой конец проволоки надёжно обмотал вокруг ствола. Свет костра разогнал тени, на небольшом пятачке посреди бурелома было как-то неожиданно уютно и покойно.

– Не беспокоит? Вот и ладненько. Спасибо, хоть не передушил нас, сонных…

– Погоди.

– Ну?

– Покурить дай.

Алексей некоторое время колебался, но потом пожал плечами и просьбу выполнил.

– Теперь всё?

Гриневский молча затянулся.

– Тогда до завтра.

И Карташ погасил фонарь.

Гриневский попытался изогнуться и дотянуться до пут кончиком сигареты, но не смог.

Да и что толку – проволока ведь… Передохнул немного. Докурив до самого фильтра, выплюнул окурок далеко в кусты. Лежать было не то чтобы неудобно, но в высшей степени неприятно. Возле уха

сновали комарьё и ещё какая-то таёжная дрянь, но пока кусать не решались, и на том спасибо.

– Ты тайгу знаешь, – сказал он в пространство. – Пёр по бурелому грамотно, сейчас подкрался неслышно… Значит, ты обманул меня. Значит, ты знаешь лес.

– В детстве в походы ходил, – лениво донеслось со стороны костра.

– Начальник, ну зачем я тебе, а? Орден за меня всё равно не получишь. Я ж не бежал вместе со всеми, я вам жизнь спас. А тебе так и вовсе два раза. Мне через три с половиной откидываться, какой мне резон опять под статью лезть? И ни фига я не знаю, клянусь… Отпусти меня, а?

Послышалось возня, вновь включился фонарик.

– Слушай, Гриня, ты что, вообще никогда не спишь?

Кряхтя, Карташ присел на корточки перед Гриневским. Потёр глаза, сказал устало:

– Извини, отпустить я тебя сейчас никак не могу. Зато, что помогал, конечно, спасибо, но… Ты мне ещё не рассказал, откуда знаешь Пугача и какого чёрта лысого он тебя за собой потащил. Стало быть, ты что-то скрываешь. Стало быть, это что-то может оказаться для меня опасным. Расколись, а там посмотрим… Я ведь уже говорил: теперь мы с тобой одной ниточкой повязаны. Куда я, туда и ты.

Он поднялся, отошёл за дерево и с удовольствием помочился. Вернулся.

Гриневский вздохнул и сказал:

– Если хочешь – расскажу. Но ничего тут нет интересного…

– Ты зачем свалить решил по-тихому, а?

– А впадлу мне с вертухаем по лесам кантоваться…

– Не правильный ответ, – преспокойно перебил Алексей и добавил голосом Жеглова:

– Ты же не урка, Гриня. И не вор. И не жулик. Ты «мужик». Так что колись давай.

Гриневский ещё раз вздохнул…

Интерлюдия

Кое-что о практическом вреде человеколюбия

21 декабря позапрошлого года, 19.44.

Никто не может знать, чем для него закончится этот день и этот вечер, а также любые вылазки, поездки, пикники и прочие мероприятия. К примеру, главный рыжий электрик страны, собравшийся в Приморье на открытие ГЭС, о чём заливисто вещают сейчас дикторы по радио, запросто может и не долететь. А что, очень даже запросто: столкновение со стаей ворон, теракт, ошибка диспетчера – жизнь наша полна неожиданностей… Ещё, глядишь, свалится на крышу «волги» этот электрический сокол, как раз ведь над головой будет пролетать.

А вон та деваха, что изготовилась перебегать улицу в неположенном месте, доберётся ли она до середины Днепра… то бишь улицы Ленина? Не угодит ли вместо свидания, на которое наметилась, судя по боевой раскраске и лучащимся глазам, в мрачную хронику дорожно-транспортных происшествий?

А вот уж кто точно может проснуться завтра поутру где угодно, так это гражданин, который открыл дверцу «Волги», впустив в салон морозное облако, и заползает сейчас на переднее пассажирское сиденье. Появление этого гражданина прервало вялые таксёрские умствования Петра.

– Ну что, едем? – поправив зеркало, спросил Пётр.

– Блин, ну что за непруха! Как сговорились все! Одна в ночную смену ишачит, денег ей, вишь, не хватает, другая переехала и не оставила, зараза, ни адреса, ни телефона, – растирая прихваченные морозом ладони, сперва пожаловался на облом пассажир, с которым Пётр объезжал уже второй адрес. – Вот чего… Давай, шеф, до угла Кутеванова и Каландаришвили. Тормознёшь у «Двадцати четырех часов». Знаешь?

Пётр философски кивнул: хоть в Москву, голуба, лишь денежки платил.

Магазин, известный по антиалкогольным временам. Раньше, в дочубайсовскую эпоху, лабаз в народе звали «огурцом» – за ядовито-зелёные стены. И ух как сотрясались эти стены, когда на них девятыми валами накатывались волны из крепких мужских тел! Потому что в другие магазины вино-водочную продукцию подвозили крайне нерегулярно, или же не завозили вовсе – спасибо Егору Кузьмину и Михаил Сергеичу, – а в этом почему-то с подвозом всё обстояло пучком. И сшибались каждый шантарский день в беспощадной игре, здорово смахивающей на регби, суровые, небритые, пропахшие потом и табаком мужики. Случись, кстати говоря, тогда возле лабаза короли натурального регби – скажем, какие-нибудь ирландцы, какие-нибудь «Дублинские буйволы», то затоптали бы их, как котят. Куда ирландцам против озлобленного русского мужика, у которого трубы горят лесным пожаром!.. А нынче нет очередей, и стены лабаза уже не зелёные, да и у народа сегодня другие огорчения и другие развлечения…

– Возьму два пузыря, – делился планами пассажир, – махану к Лёньке. Это мой братан двоюродный. Он, конечно, придурок, и подерёмся с ним, это уж как водится, ну да ладно… Всё ж таки год с ним не виделись. Я ж, командир, на Камчатке год торчал. Теплостанцию мы там строили, которая работает от гейзеров, слыхал, поди? Я-то сам мастером…

И полилась, как вода из крана, очередная история про житуху-бытуху, подобных которой каждый таксист за смену выслушивает море разливанное. Чего только за эти годы не надудели в уши пассажиры! От леденящей правды, которую, может, лучше бы и не слышать, до выдумок, перед которыми сам барон фон Мюнхгаузен снял бы шляпу. Не говоря уж про заунывные расскажи о повседневных бедах и тяготах. Это ж на Западе народ за такими делами таскается к психоаналитикам. А нашим-то чего переплачивать напрасно, пока есть случайные попутчики в поездах, алкаши в разливухах и таксисты. Выливай на них помои своей души…

От магазина «Двадцать четыре часа» до машины Петра затарившийся пассажир так и не добрался. Его перехватил по дороге какой-то медвежьей комплекции тип в распахнутом пуховике.

Объятия, похлопывания по плечам, раскрытый напоказ пакет, из которого блеснули водочные пробки и вот – камчатский мастер обрёл собутыльника, а Пётр потерял пассажира. Хорошо хоть, рассчитаться успели.

Вот так: не попадись клиенту по дороге хрен в пуховике, задержись Пётр где-нибудь на светофоре, выйди клиент из магазина чуть позже… ну и так далее. Однако у случайностей своя сволочная программа, которая в очередной раз подтвердила тезис о непредсказуемости любых планов на вечер или на ближайшие пять минут, тезис во всю живёт и здравствует.

Так вот этот долбаный тезис поменял планы самого Петра. А он был бы не против объехать ещё десяток адресов и, честно говоря, уже на это настроился. Таких клиентов, как камчатский мастер, Пётр любил. Да и какой таксист их не любит – мужиков с деньгами на кармане, вдобавок охваченных чисто русской маетой поисков компании на вечер. Но – не судьба. И надо крутить по городу километры, выискивая новых пассажиров, план делать.

Возле «ночника» на улице Советской таксомотору замахали с тротуара. Двое парней в чёрных

кожанках и лыжных шапочках. Пётр оценил парочку как опасную. И проехал мимо. Ну их в пень, ещё, бляха, свежи воспоминания об удавочке. Был недавно такой случай с удавочкой, накидывали.

Один урод, вроде почтенного возраста, вроде вполне законопослушного вида заказал доехать до дачного посёлка Серебряный ручей, что в десяти километрах от Шантарска. Хороший заказ обернулся проволочной петлёй на шее. И, блин, ничего не сделаешь, не дёрнешься-не рыпнешься, когда металл, взрезаясь в кожу, давит на кадык. Сиди пень пнём, косись в зеркало, держи руки на руле и гадай, чего дальше будет… Но, в общем, тогда обошлось. Урод ограничился тем, что выгреб выручку, открыл дверь и, оставив удавку на память, удрал в ближайший лесок.

Глянув на часы – десять сорок, – Пётр решил смотаться к кабаку «Беличий глаз». Тот закрывается в одиннадцать, посетители вот-вот начнут расходиться, а народ там собирается, главным образом, безлошадный – это вам не бандюганско-чиновничий ресторанец «Шантара». До шалмана отсюда катить недалече: с Каландаришвили сворачиваешь в переулок Хлопова, потом по безымянному мосту, перекинутому через Лысый овраг, потом вдоль парка Независимости, выезжаешь на проспект Смирнова и вот ты у «Беличьего глаза».

В переулке Хлопова под колёса чуть было не угодил какой-то алкаш. На безымянном мосту машину Петра облаяла собачья стая. Зато вдоль парка Независимости ехать было одно удовольствие: односторонка, свободная от людей и попутных машин, хорошо освещённая почётным караулом фонарей… Ё-моё, а это что такое?.. Твою мать!..

Ограда парка была неразличима во мраке. Также уличный свет не доставал и до памятника пионерам-героям (парк Независимости в прежней жизни звался парком 50-летия ВЛКСМ), который находится между улицей и оградой. Но сейчас занесённое снегом гранитное подножие памятника выхватывал из тьмы свет автомобильных фар.

И если бы только это одно он выхватывал…

Ещё же на снегу возле автомобиля («мерседес» – отстраненно зафиксировал Пётр) лежали в разных позах три человеческие фигуры. И вокруг них чёрные точки на белом снегу – хотел бы Пётр, чтоб это была не кровь, но что ж тогда ещё?..

Такси поравнялось с памятником, и Пётр, сам не зная зачем, сбавил скорость. И разглядел в руках у безжизненно завалившегося на капот человека пистолет с навинченным глушителем, а в двух шагах от водительской дверцы – бесхозно валяющийся короткоствольный автомат. Водила, он же четвёртая жертва трагедии, упал лицом на руль напротив пулевых отверстий в лобовом стекле. «Ну да, – пришло Петру на ум, – такие места как раз и выбираются под стрелки. Безлюдно, чужие машины издали видать…»

Почему он сдал назад, а не врезал по газам? Да хрен его знает! Ведь таксёрская сущность взывала к осторожности, взывала не искать на жопу приключений… Наверное, виновата во всём вторая, армейская сущность. Или же дело решило то, что один из лежащих на снегу людей пошевелился: подтянул руку к животу, судорожно перевернулся с боку на бок, выгнулся дугой и вновь обмяк…

Улица, просматривающаяся от одного края парка до другого, была пуста. И неизвестно, кто и когда здесь проедет. А если проедет, станет ли связываться… Для раненого простой такой вопросец «жить или помереть» могут решить сейчас минуты, а то и секунды. В конце концов, просто замёрзнет к чертям собачьим на сибирском морозце в минус двадцать два.

И Пётр решился. Словно под руку его толкнули.

Противу всяких дорожных правил он развернулся на улице с односторонним движением, заехал на площадку перед памятником, остановился возле давно и, возможно, навсегда потушенной чаши «вечного

огня». Напялил шапку, вылез из «Волги», матеря всех бандюганов с их разборками, самого себя, сердобольного добрячка, и шантарскую зиму в придачу.

Но раз уж ввязался, то сказавши «А» следовало выговорить и «Б». Потому, прежде чем подойти к недостреленному мафиознику, Пётр обошёл остальных бойцов-неудачников. Остальные были однозначно и несомненно мертвы. А вот тот, кто давеча шевелился, ещё дышал…

Мужику (лет пятидесяти, среднего роста, не шибко крепкого с виду, с благообразной сединой, с наколками-перстнями на белых от мороза пальцах, упакованному в кашемировое пальто) досталось две пули. Одна прошила предплечье – это, похоже, ерунда, а не ранение, а вот другая вошла в живот.

«Где ж их любимый контрольный выстрел? – со злостью подумал Пётр, подхватив раненого под мышки и волоком потащив к задней дверце „волгаря“. – Дострелили бы, как положено, мне б не пришлось корячиться. Везде брак и недоделки.

Нет, а вправду, чего ж не довели работу до ума?

Может, сами еле ноги унесли? Может, тот с автоматом, поливая всё вокруг свинцом на последнем дыхании, заставил противную сторону спешно отступить, распихав своих подбитышей и недобитышей по салонам и багажникам? Ладно, не моё это дело…»

Затащив недостреленного мафиози на заднее сиденье, Пётр подобрал слетевшую во время возни шапку, обошёл машину, сел за руль, закурил и задумался. Куда ехать-то, какие больницы тут поблизости? Так, до Седьмой далеко, Пирогова ближе будет, но всё равно треть города придётся отмахать. Ну не может быть, чтобы в этом районе не стояло никаких лечебниц! Редко по больницам доводится развозить… Стоп, стоп…

Ну как же! На Говорова имеется больничка! Старуху ж недавно туда отвозил, которая ещё от боли ругалась так, что любой грузчик удавился бы от зависти, а ейная дочь краснела и отворачивалась.

Пётр подал машину задом, развернул против положенного движения. Некогда объезжать этот парк. Да и вряд ли тут где-нибудь, в безрыбном месте, станут зябнуть гаишники.

От гаишников мысль естественным образом протянулась к ментам. Блин, а ведь он обязан доложить в мусорню о бойне возле памятника. Хоть через диспетчера, хоть через задницу, но обязан доложить, а то потом устанешь отбрехиваться на допросах.

Сзади донёсся стон и шуршание одежды. Раненый очнулся и даже нашёл в себе силы выпрямиться. Зеркало заднего вида отразило его бледное лицо.

– Ты в такси, я мимо проезжал. В больницу тебя везу, – Пётр упредил вопросы пассажира. – Больше живых нет, я смотрел.

Человек на заднем сиденье прикрыл глаза. Или вспоминая недавние события, или что-то обдумывая, или собираясь с силами.

– Забудь и слушай сюда! – распахнув глаза, резко бросил пассажир. Он явно привык приказывать и по два раза свои приказы не повторять. – Достань «трубу» из правого кармана пальто.

Взглянув в суженые серые бойницы глаз на костистом, жёстком лице, Пётр понял, что возражать бесполезно. Пришлось остановить машину.

Протиснувшись между сиденьями, он дотянулся до пальто своего криминального седока (тот чуть повернулся, чтоб удобнее было доставать), залез в карман, надеясь, что не заляпается кровью, вытащил мобилъник. Кажется, не заляпался.

– Набирай… – распорядился пассажир. И неожиданно замолчал. Лицо его исказила боль, он заёрзал,

завозился, прижал руку к животу. Потом, справившись с приступом, глухим голосом задиктовал номер. Пётр вдавил нужные кнопки.

– Дай мне…

Пётр протянул «трубу» владельцу.

– Это я, да, – пассажир говорил, закрыв глаза. – Я ранен, остальные в жмурах. Еду к лепилам, такси подвернулось… Что? В руку и в живот. Вызывай Репу, Аркашу и Глобуса. Да, пусть всё бросают, не до мелочёвки. Всё понял? Давай… – Он бросил телефон на сиденье. – Теперь слушай адрес, водитель. Загородная улица, дом шесть. Это больница. И гони, парень. Получишь за труды, не обижу. Менты станут тормозить, отрывайся. Жми со всех лошадей. Не боись ничего, от всего отмажу. Всё, давай…

И он обмяк. Судя по всему отключился конкретно. Наверное, выдержать несколько минут в сознании стоило ему жуткого напряжения.

«От всего отмажу! А если ты подохнешь по пути, кто меня отмажет от твоих корешей! – зло подумал Пётр. – Ох и вляпался я, кажись. Но с другой стороны…»

С другой стороны (видимо, давала себя знать таксистская жилка), может, удастся огрести несколько кусочков зелёной бумаги с изображением заокеанских президентов. А бумажки те всяко лишние не будут.

«А с третьей стороны, – пришло в голову и такое соображение, – если ты вдруг коньки откинешь, то выкину тебя к лешему на обочину, подальше от глаз, и еду как ни в чём не бывало. Лишь бы менты до этого не прицепились».

Общения с ментами удалось избежать. И вовсе не оттого, что ему невероятно везло в этот вечер (насчёт везенья тут можно и поспорить), просто он сделал всё возможное, чтобы, не привлечь внимание как шакалов из семейства взяткоядных с полосатыми палками наперевес, так и прочих деятелей от правопорядка. Во-первых, Пётр проложил маршрут так, чтобы просто-напросто стороной объехать излюбленные точки гаишных засад. Лях с ним, что длиннее выходило раза в полтора – чай, не батю родного везёт, а какого-то хмыря с насквозь криминальным уклоном. Загнётся – честные люди только спасибо скажут.

Во-вторых, когда никак не получалось обойтись без оживлённых трасс, Пётр ехал по ним с пенсионерской скоростью. Как какой-нибудь затюканный жизнью и властями интеллигент на подержанной «Оке». Этакая «молодецкая» езда тоже здорово увеличивала шансы бандитского человека не добраться живым до больнички. Но человек вроде бы ни о чём подобном не подозревает, вроде бы он надёжно пребывает в счастливом отрубе…

Пётр то и дело поглядывал в зеркало на покачивающуюся в такт езде тёмную бесформенную груду на заднем сиденье. Иногда до скрипа в костях выворачивал голову, просовывал её в просвет между креслами и пристально вглядывался в завалившегося набок пассажира. И никак не мог разобрать, жив ещё курилка или уже отправился в края вечной охоты. Дышит, не дышит – поди разгляди…

И тут сладкой песней сзади прозвучал стон.

Насчёт того, чтобы, выкинуть седовласого бандюка в кювет, если тот и вправду загнётся, – это Пётр, конечно, погорячился, брякнул, не подумавши как следует. Ведь этот варнак в пальто, сволочь, напел в мобильную «трубу» и про такси. Может, кстати говоря, не без умысла напел. Теперь, случись что, его уголовные дружки (а это тебе не менты тупоголовые) найдут в два счёта и нужный таксомотор, и нужного таксёра. Того самого таксёра по имени Пётр Гриневский, чью машину леший, дорожный или какой иной нечистый выгнал демонической силой к парку Авиаторов.

Ну а теперь уж нечего дрыгалами ногать, раз вляпался, как трактор в болото. Раз уж влип, раз уж

пошла такая пьянка – придётся жать педаль до упора, придётся лишь на финише узнать, чем тебя наградят: зелёненькими медалями с президентами или бетонной плитой в районе новостроек.

Когда он вырулил на Загородную улицу, то не удержался от громкого выдоха: «Фу-у-у, блин, пронесло!» Хоть с одной напастью подфартило: избавил бог от ментов проклятых. Улица, она же финишная прямая, просматривается, как вошь под микроскопом, до самой своей дальней оконечности, куда Петру и надобно. И ничего даже отдалённо похожего на ментов в обозримости не отсвечивает. Да ментов здесь отродясь не случалось. Какое счастье им тут караулить! Окраина города, разве старух штрафовать за превышение скорости движения к собесу, да старичков арестовывать за не правильное ношение кефира в авоськах…

Это был самый что ни на есть пригород Шантарска, где пока здравствовал частный сектор, ещё не изничтоженный высотным домостроительством. И больничку, на которую нацелил его уголовный подранок в кашемировом пальто, Пётр знал. Знал, к счастью, лишь как архитектурную достопримечательность. Нередко доводилось проезжать мимо – лечебница стоит аккурат на выезде из города. И каждый раз Пётр отмечал про себя, что если уж доведётся загреметь в больницу (тьфу-тьфу), то нечего искать лучшего варианта. Тихое зелёное место с видами на сопки – санаторий, а не больница…

Он ехал мимо высокой решётчатой ограды, за которой отбывали пожизненное заключение разлапистые старые ели и сосны, прикрытые сейчас снежными масхалатами. Широкие аллеи открывали обзор на двухэтажные корпуса, отгроханные в том архитектурном стиле, который ни с каким другим не спутаешь, получившим название сталинский. Принадлежащие к той же, великой и трагической эпохе, в саду коченели статуи пышнотелых колхозниц со снопами и рабочих с мускулатурой терминаторов. Промелькнул сугроб, в котором угадывался фонтан в форме пятиконечной звезды.

Сейчас, посередь зимы, кузница здоровья смотрелась зело соблазнительно – есть в тишине зимнего парка своя особая прелесть, зовущая к покою, зовущая оставить всякую суету сует и предаваться прогулкам по хрустящему снегу аллей и мыслям о вечном. Хоть самого себя калечь и стучись к айболитам – дескать, приютите на неделю, Христа ради, дайте отдохнуть от таксёрской пахоты, от жены, от тёщиного брюзжания, от пива по субботам, от соседей снизу, от соседей сверху, от программы телепередач, от шума и грохота.

Под такие мысли Пётр доехал до центрального входа. Возле распахнутых настежь чугунных ворот перетаптывались, выдыхая пар, двое крепких парнишек в коротких кожанках. Они давно уже махали руками, издали завидев машину, типа поторапливали. «Не по морозу у гоблинов куртяхи. Выгнали шестёрок из тёплых тачек. И не вякнешь, на КЗОТ не сошлёшься», – позлорадствовал Пётр.

Хотя в его ли подвешенном положении злорадствовать на чей-то там счёт!

Он притормозил в воротах, хотел опустить окно, спросить – чего, мол, куда везти вашего пахана, кто будет принимать ценный груз. Но пехотинцы криминального фронта распрыгались, раскричались, будто их ожгли казацкой плетью.

– Ко входу! Живее, твою мать, чего встал! Гони! К дому давай! К крыльцу!

«Могу к дому, могу в морг. Могу по счётчику, могу как договоримся». Оставив присказку в уме, Пётр направил «Волгу» в больничные владения. Один из членов комитета по встрече остался запирать ворота, другой побежал следом за машиной.

Пётр по кругу объехал огромную клумбу, на которую сваливали с дороги снег, превращая её в небольшой монгольский курган, подъехал к широкому крыльцу, припарковался, как к пристани, к массивной нижней ступени, пристроившись в хвост двум автомобилям («волъвешник» и «БМВ», с тоской отметил Пётр, как же тут обойдёшься без тоски, когда хорошие машины невольно пробуждают зависть и

классовую ненависть).

Дверцы машин стали распахиваться тогда, когда Пётр огибал клумбу. Из дорогих тачек выбирались люди разного возраста, роста, ширины и одетые вроде не в униформу, но в чём-то неуловимо одинаковые. Явно присутствовала некая общестъ и одновременно инакость в жестах, в движениях, в лицах, во взглядах. Пётр затруднился бы сказать, в чём именно она заключена, но, несомненно, она имела место.

Ещё же, подъезжая к крыльцу, Пётр заметил, как отворилась неприметная дверь в стене больничного корпуса и оттуда выскочили с носилками на мороз двое бугаёв в белых халатах, накинутых на фуфайки. За ними вышел, прикрыл дверь и засеменил следом, помахивая чемоданчиком, невысокий, круглый человек отчётливо еврейской наружности. Сразу видно – доктор.

Остановив машину у крыльца, Пётр выбрался наружу, открыл заднюю дверцу и отступил в сторону. Всё, финита, его миссия окончена.

Такси от него тут же закрыли широкие спины, кто-то забрался в салон, кто-то сразу же принялся куда-то названивать по мобильному, на Петра обращали внимания не больше чем на его потрёпанную «Волгу», всё внимание – исключительно своему пахану, люди переговаривались, и не раз прозвучало имя Пугач. «Какое к ядрене фене имя, – поправил себя Пётр, – кличка, кликуха, прозвище».

Пожалуй, можно было не ошибиться и с предположением, кому принадлежала эта кликуха.

– Что же вы сюда заехали, идиоты узколобые!

К двери надо было! Ну отойди же ты! – непреклонно и с некоторой брезгливостью, как менты расталкивают зевак на месте происшествия, доктор отпихивал со своего пути к машине помехи в кожаных куртках и драповых пальто. – Ух, бестолочи! Ну в первый раз, что ли?! Теперь переть лишние тридцать метров, а переть – значит растрясти. Или предлагаете по ступеням в гору тащить, а потом ещё через весь холл?

– Да это пацаны путём не втолковали водило, куда-чего, малость офигели парни от сегодняшних пенок, – стал оправдываться некий субъект в длинном кожаном пальто, с лысой, как глобус, и ничем не покрытой головой, а прибежавший от ворот один из тех пацанов, о ком говорилось, слушал молча и пытался отдышаться. – Может, сказать, чтоб типа сдал назад?

– Да чего уж теперь, уже без разницы, мы всё равно выскочили, теперь быстрее выйдет на руках донести, – громкий докторский голос доносился уже из машины. – Нет, право, ваш… коллектив, весь причём, поголовно, надо лечить электричеством. От разжижения мозгов и умственной анемии, пора, давно пора. Если б были чуть поумнее, не попадали бы ко мне на стол через день. А то один, то другой…

Докторское брюзжание становилось всё тише. Видимо, он с головой ушёл в обследование раненого и стало ему не до бурчания. «Похоже, док не одного авторитета вытащил, откачал или склеил по кускам, – отстраненно подумалось Петру, оставленному в одиночестве, – и заслужил право поливать всех направо и налево, невзирая на звания и боевые заслуги на криминальном фронте… А вообще, следует признать, занятная больничка. Никаких тебе следов недофинансирования вроде там облупленного фасада, сломанных скамеек или негорящих лампочек. Наоборот, ухоженное заведение. Дорожки расчищены, больше половины окон – стеклопакеты, вона, собственная котельная дымит на славу, топлива не жалея. По всему выходит, не полечиться здесь простому таксёру, чем он не заболей. И простому чиновнику тоже не полечиться, и простому бизнесмену. Может быть, и просто за деньги здесь не подлечиться, сколько ни предлагай…»

Доктор колобком выкатился из машины, бросил дежурящим на крылечной ступени санитарам: «Перегружайте на носилки и живо в операционную», – подошёл к невысокому человеку в дублёнке и

песцовой шапке, который до этого держался чуть в стороне от общей суеты.

– Ну что? – спросила «песцовая шапка».

– Что-что… – доктор вытирал руки салфетками, комкал их и бросал в снег. – Крови, конечно, он потерял много, а в остальном, думаю, поводов для беспокойства нет. Рана неприятная, болезненная, но не смертельная. Впрочем, вскрытие покажет. Шучу. Рентген покажет.

Оба направились в обход крыльца к служебной двери. До Петра доносилось продолжение разговора:

– Хороший уход, соблюдение, подчёркиваю, соблюдение режима, который я назначу, и всё обойдётся. Вот что что, а поваляться придётся…

И вдруг диспозиция, с которой, в общем-то, всё было ясно (одни уносят, другие уходят, третьи курят, Пётр ждёт, когда настанет его черёд), непонятным образом сломалась. Врач и его собеседник остановились как вкопанные, но потом человек в песцовой шапке быстрым шагом двинулся вперёд, а доктор остался на месте. Зашевелилась и вся массовка. Пётр чуть отошёл в сторону и оттуда увидел, что санитары остановились и опустили носилки на снег.

«Никак помер! – сердце гирей понеслось вниз. Пётр ощутил, что подмышки намокли и тёплые струи пота змеятся по бокам. – Труба… Сейчас пойдут искать, на ком сорвать злобу. А на ком, как не на мне? Ты не довёз, ты медленно ехал».

Но оказалось, что пока всё не так уж и скверно – раненый всего лишь пришёл в сознание.

Человек в песцовой шапке нагнулся к носилкам.

Чуть подвинулись в сторону раненого и остальные, кто ближе, кто дальше – в зависимости от собственной значимости, а стало быть, от возможности оказаться нужным боссу. Доктор же, вопреки ожиданиям Петра, не стал ругаться и кричать, что каждая минута на счёту, что он здесь главный и не допустит ни секунды промедления… Нет, доктор терпеливо ждал в отдалении. Санитары тоже отошли шагов на десять и демонстративно внимательно рассматривали больничные стены и заснеженные кусты.

****

…Потом Пётр вспоминал весь этот вечер, раскладывая его, как пасьянс, по минутам. Ох уж эти минуты… Каждая из них могла повернуться к Петру любой из своих бесчисленных граней. Но поворачивались они (как выяснилось, правда, гораздо позже) одной и той же гранью.

Получалось так, что его судьбу неведомые силы гнали, как чабаны гонят отару, в заданном направлении, плетьми загоняя отбившихся баранов в стадо. Вот почему, спрашивается, этот пахан очухался по пути от машин к больничным корпусам, почему не смог ещё секунд десять проваляться без сознания? Очухивался бы себе на операционном столе, на следующий день, когда угодно, – но нет…

Впрочем, обо всех этих роковых странностях Пётр задумался позже. А пока…

Шептались недавний пассажир и человек в песцовой шапке недолго, с минуту. Видимо, распоряжения были хоть и неотложные, но простые. А потом «шапка» распрямилась и позвала:

– Эй, Глобус!

С места сорвался малый в длинном кожаном пальто и с лысой, непокрытой головой. И то, что сказал ему с носилок ихний раненый пахан, Пётр расслышал, поскольку сказано было громко. Ну, может, и не громко вовсе, а просто нормальным, не приглушённым голосом, но так как вокруг благоговейно молчали – пахан говорит! – да если учесть ещё, что дело происходило на задворках Шантарска, вдали от шума городского, да ещё на территории больницы, то есть заведения самого по себе тихого… В общем Пётр

услышал тот короткий диалог, ни звука не упустил:

– Эй, Глобус! Отблагодаришь водилу. Я обещал. Не обидь.

– Ясно, Пугач, – заверил Глобус.

Вот и всё. После этого пахан наконец позволил внести себя в больницу и, кажется, снова, дав воле слабину, потерял сознание.

Признаться, от услышанного настроение у Петра почему-то не взлетело счастливой птицей под небесный потолок. А вдруг «отблагодари» и «не обидь» – кодовые слова, означающие у них убрать свидетелей под корень? Любит же эта публика играть в слова…

Страха не было, просто неприятно засосало под ложечкой. Пётр подобрался. Так, за здорово живёшь, он уходить из этого, лучшего из миров не намерен. Придётся им повозиться, кое-чему он всё-таки обучен.

Сначала, раньше Глобуса, к Петру подошёл человек в песцовой шапке – у него обнаружились азиатские скулы и глаза при напрочь славянском носе. Скорее всего, полукровок, в Сибири таких много. «Кличку, небось, носит какую-нибудь вроде Монгольчик или Чингис», – отчего-то пришло в голову Петру).

– Как ты там случился?

– Таксист я, – пожал плечами Пётр, – везде езжу…

– Откуда подъезжал?

– Со стороны Хлопова.

– Не помнишь, какие-нибудь машины на подъезде к парку не попадались?

Пётр догадался, почему раньше его никто ни о чём не расспрашивал. До этого всё выглядело сущей ерундой по сравнению с возможной смертью пахана и тем переделом власти, который она неминуемо повлечёт за собой.

– С «зилком» стотридцатым разминулся у самого поворота к парку. Всё вроде… А, да! Ещё возле киоска, это который напротив «сменовского» бассейна, стояла «восьмёрка». Всё, до самого моста через овраг больше ничего.

– Хорошо. Опиши, как выглядело место.

Пётр описал. «Песцовая шапка» кивала в такт рассказу.

– Сам давно в таксистах? – спросил он, когда Пётр замолчал.

– Третий год.

– А до этого?

– В армии служил.

– Срочную?

– Офицерскую.

– Даже так, – без всякого выражения удивился полуазиат. – И что в армии делал?

Он говорил механически, погружённый в размышления о чём-то своём, весьма далёком от задаваемых вопросов. Ему необходимо что-то обдумать. Здесь и сейчас, немедленно. До того как сядет в машину. Вопросы – лишь ширма, за которой ему удобнее всего укрыться на время, взятое на размышление.

– Вертолётчиком.

– И чего ушёл?

Этот, без малейшего любопытства, походя заданный вопрос нешуточно разозлил Петра. Ответить хотелось стандартом: «А вот не твоё это собачье дело!»

Ну не рассказывать же, в самом деле, не пойми кому правду о своём уходе из армии, то есть о своём жизненном изломе, трещины от которого дотянулись до сегодняшнего дня. О том, что тогда казалось, будто всё безвозвратно, невосстановимо разрушено, служить некому и ради чего неясно. О ранении во времена первой чеченской, когда врачи, которым насрать было на орден, наотрез запретили ему вождение боевой машины и силком пересадили на «Ми-8мт». О жене, которой надоело безденежье, надоели военные городки. О том, что она наотрез отказывалась заводить детей в «военнополевых условиях». О том, что лётный состав стоял в очереди на топливо, чтобы, бляха-муха, как-то налетать эти долбаные двадцать часов в месяц – минимум из минимумов, который не даёт тебе забыть, что ты пилот, а не заноситель хвостов. О том, что сейчас что-то меняется к лучшему, но для него в армию нет дороги назад…

Пётр отделался дежурным, не раз опробованным ответом.

– Из-за невысокой оплаты труда.

– Понятно. Ничего, ещё разбогатеешь, – сказал на прощание полуазиат в песцовой шапке и быстро зашагал в направлении машин.

И вот тут-то пришёл черёд Глобуса, который всё это время перекуривал, сидя в сторонке на корточках. Показалось, не просто перекуривал, а обдумывал, как выполнить приказ шефа.

– Держи, мужик, заслужил, – с этими словами, произнесёнными с пафосной серьёзностью (видимо, Глобус вообразил себя председателем госкомиссии, вручающим ордена героям страны), он стянул с пальца перстень с зелёным камнем и отдал Петру. – Обиды нет?

Обиды не было. Возникло лёгкое неудовольствие. Если уж они надумали не убивать, а щедро, от всего бандитского сердца наградить, то его бы больше устроили дензнаки, пусть и рублёвые, мы люди не гордые. Было бы это как-то… привычнее, что ли.

– Ну бывай, мужик. – Глобус отвалил, заметно довольный собою. Неизвестно, кто он там в ихней иерархии, но думается, невелика шишка. Более-менее серьёзного человека не обременили бы таким незавидным поручением, как отблагодарить таксиста. А сам Глобус, наверное, считал, что только что совершил поступок, достойный графа Монте-Кристо (если, конечно, имел понятие, что это за граф такой).

Петру же вдруг стало противно, прямо-таки до тошноты. Нахлынуло отвращение – сродни тому отвращению к себе, которое наступает на второй день тяжёлого похмелья. Он побыстрее убрал перстень в карман.

Это была его давняя внутренняя война. Он убеждал себя, что он теперь и навсегда таксист, а не офицер, он выдавливал из себя офицера по капле. Вроде заглушит, вроде загонит глубоко в шахты души это чувство, но нет-нет, да оно и покажется, а иногда, вот как сейчас, так прямо вырвется на волю. Какой нормальный таксёр тормознулся бы у бандитской стрелки, подобрал бы раненого бандюка? Да нормальный бы ухреначил бы тут же на всех парах. Нормальный таксёр просто и без затей обрадовался бы, когда б ему перепал на халяву перстень. Хоть и неизвестно какой ценности, но халява же…

Настроение Петра кардинальным образом переменилось, когда с Советской он свернул на Голованова. Здесь заканчивался одноэтажный пригород и начинался полноценный город. Миганием фар он приветствовал Серёгу Карамазова, чья машина торчала на приколе напротив «Кардинсиювых бань».

Бандитско-медицинское приключение осталось позади.

Никто его не преследовал.

Почему-то вдруг Пётр подумал о том, что никто его и не предупреждал, как обычно предупреждают в фильмах: «Если ты хоть кому-то словом обмолвишься об увиденном, парень, мы достанем тебя из-под земли, и ты будешь мечтать тогда только об одном – умереть быстро». Никаких угроз на дорожку. Да, в общем-то, угрожает тот, кто боится, а боится тот, кто слаб…

Изменённое к лучшему настроение подтолкнуло Петра взглянуть на приобретение. Он вытащил перстень из кармана. Большой, овальный, нежно-зелёного цвета камень («бля, уж не изумруд ли?») был вставлен в оправу, стилизованную под виноградную лозу. Оправа золотая или позолоченная. Нет, наверняка золотая. Хотя Пётр ни черта не смылил что в золоте, что в камнях, но перстень производил впечатление вещицы, мягко говоря, не из магазина «Бижутерия».

На пальце жены перстень будет болтаться, будет слетать с него – вот на что перескочила его мысль. Да нет, исключено. Жене он не станет показывать перстенёк, как, разумеется, ничего не станет рассказывать о сегодняшних похождениях. Обычный обмен репликами: «Как прошло?» – «Как всегда» – «Есть будешь?» – «Давай». Вот и всё, что его жена должна узнать об этом вечере.

А завтра – принял Пётр решение – завтра он отнесёт перстень в ювелирную мастерскую.

Для начала пусть его оценят, а потом он уж подумает, как и кому продать подороже. Помнится, его старый приятель Пыжик имел какое-то отношение к торговле золотом и камушками. Пыжика видеть охоты нет никакой, но ради такого дела… Завтра же, в свой выходной, он и займётся перстнем. А может, сразу же и продаст. Чтоб поскорее истратить деньги. Как он истратит деньги, ясно: половину на подарки благоверной, половину по указанию благоверной.

Истратит – и вычеркнет из головы память об этом вечере.

А за этот вечер он, пожалуй, заработал как за полмесяца, а то и как за месяц. «Гаечка» точно не из дешёвых. И уж на сегодня однозначно хватит езды и приключений. Он заслужил отдых.

Да вот беда, и в парк не тянуло, чего там делать? В кои-то веки можно поездить так просто, для себя. Не в напряжённых поисках клиента. И не исключительно по делу, как ездил на своей «пятёрке»: тёщу на дачу, с женой по магазинам, в гараж и на техстанцию. Просто поколесить по родному городу, поглядеть на него глазами праздного водителя. Ну, если кто особо понравится, подвезём…

Кровь на заднем сиденье! Раскудритъ в перетак… Наверняка, кровь натекла на чехлы. Надо избавиться на всякий пожарный. Не хватает ещё расспросов напарника, а потом разговоров в парке. Сейчас заедет во дворик на следующей улице, имени революционного борца Логачёва, которую так отчего-то и не собрались переименовывать обратно, в Бездорожную, там стоит мусорный контейнер…

А пока можно взять из шестого бокса, там уж с год валяется чей-то старый чехол. Пока им накроет диванчик, а на днях купит новый. Вот деньги за перстень получит – и купит.

** * **

Его взяли на следующий день. Взяли, когда он, вытащив ключи из замка дверцы, готовился влезть в свою «пятёрку». Он не успел ни пикнуть, ни дёрнуться, ни понять хоть что-нибудь. Его сбили с ног, приложили фейсом об асфальт, рассадив кожу на лбу, заломали руки и сцепили их наручниками.

(Как он узнал позже, ему, оказывается, выпала великая честь – его упаковали не в обыкновенные, человеческие «браслеты» из никелированной стали, а в экспериментальные, одноразовые, из сверхпрочного пластика. А всё потому, что накануне в город приехала делегация из Хегельсхегля, норвежского города-побратима Шантарска, состоявшая из норвежцев всякого рода занятий, в том числе и

из хегельсхеглъских полицейских.

Последние в качестве подарка русским полицейским привезли тысячу этих самых наручников, которые у них самих ещё только проходят обкатку.

Верно, потомки викингов решили: если уж русские медведи о них отзовутся хорошо, то вещь полезная, надо брать на вооружение, не задумываясь.

Изюм заморской удумки заключался в том, что наручники не имели замка, а стало быть ловкачи, которых хватает во всех землях, ни проволокой, ни ногтем открыть «браслеты» не могли. Если уж их на тебе защёлкнули, снять можно всего одним способом – перекусив пластиковые дужки. Поэтому в экипировку полицейского при таких наручниках должны входить и специальные клещи.

Причём клещей норвежцы приложили к подарку всего одиннадцать штук.

Первые отзывы о новой разботке скандинавских учёных поступили незамедлительно, через день после первых испытаний и по слухам принадлежали знаменитой на весь Шантарск Дарье Шевчук:

– Они бы нам лучше, как в начале Руси, варягов толковых на правление прислали, а уж конечности обездвижить я и без их пластмассы сумею… да хоть бы табельной рукояткой по голове. Видимо, менты готовились к отчаянному сопротивлению при задержании, потому что их налетела целая туча. Пётр сумел удивиться их количеству, когда его, вздёрнув рывком с земли, посадили, прислонив к борту «пятёрки». Обыск учинили, что называется, не отходя от кассы. Понятых добыли на соседней автобусной остановке.

Задержание и обыск снимались на видеокамеру – короче говоря, ментам очень уж хотелось сработать без заусенцев.

Перстень в его брючном кармане нашарили незамедлительно, чего ж не найти вещь, которую никто ни от кого не прячет?..

– Попрошу внимания. Камера, ближе, возьмите крупным планом, – голос командующего этим балаганом милицейского работника зазвучал торжественно. – При задержанном обнаружен перстень с камнем овальной формы. На обратной стороне… Камера, ближе! Фёдор, отодвинься, мудила! На обратной стороне видна проба золота и… по всей видимости, клеймо изготовителя…

Более ничего криминального при Петре Гриневском не нашли. Не должны были найти и в машине. В ней, если не считать домкрата и кое-какой мелочёвки вроде гаечных ключей, без отдачи позаимствованных в родном таксопарке, ничего противозаконного не хранилось.

Его, конечно, сдал ювелир. Какие могут быть сомнения. Пётр, как и собирался, отправился на следующий день оценивать перстень. Куда ему обращаться со своей просьбой – на этот счёт он долго голову не ломал. Посмотрел по справочнику, где ближайшая к дому ювелирная мастерская, туда и поехал.

Тогда в ювелирной мастерской поведение старого жука-ювелира странным ему не показалось.

Впрочем, сравнивать Петру было не с чем – что уж говорить, редко он оценивал драгоценности, а если уж быть точным, то вообще никогда не оценивал. Поэтому он не заподозрил второго плана ни в том, что старик, похожий на упитанного Зиновия Гердта, сославшись на необходимость вооружиться какой-то особой лупой, вышел в соседнюю комнату, ни в том, как долго тот листал какой-то непонятный каталог. Потом старичок неспешно разглядывал изделие – так учёные, должно быть, вертят под лупой какого-нибудь слишком уж диковинного жука – цокая языком и сыпля какими-то умными словечками. И в результате старичок разразился нудным, в конце концов утомившем Петра монологом: «Знаете, молодой человек, кажется, вам сказочно повезло. Если это подлинная работа мастерской Старка, то это сразу в несколько раз поднимет стоимость вашей вещи. Для окончательно вывода требуется более основательная экспертиза, если хотите, я могу её провести… Что значит – кто это? Вы ничего не слышали о Старках?! Я вас

умоляю! Это в своё время очень известная семья варшавских ювелиров, и если б не польские события восемнадцатого года, они прогремели бы на всю Европу. Вы понимаете, о каких событиях я говорю…» – и в таком духе ещё добрых полчаса. А он слушал, как дурак.

И взяли Гриневского как раз возле ювелирной мастерской.

Первая же беседа со следователем, состоявшаяся через несколько часов после задержания, сняла все неясности.

– Вы, может быть, хотите позвонить адвокату? Или в газетку в какую-нибудь передовую, демократическую, специализирующуюся на правах человека? Так это пожалуйста, так я не против, – перебирая бумаги на столе, вяло начал разговор следователь, неприметный, невзрачный человек, этакий воплощённый винтик бюрократической машины. И было ясно, что он втихую издевается над допрашиваемым. – Но боюсь, самые оголтелые защитнички прав человека откажутся отстаивать ваши права. Испугаются тяжёлой и бессмысленной работы. Уж слишком плохи ваши дела. Давно, признаться, не держал я в руках столь доказательного дела. Собственно, мне у вас и спрашивать-то нечего…

В тот момент Пётр ещё не ощущал настоящего страха. Страх пришёл позже. Тогда Гриневский воспринимал происходящее как недоразумение, которое не может не разрешиться вскорости. Пётр не сомневался, что он попал за решётку из-за вчерашнего происшествия. Речь наверяка идёт о трупах у памятника, о чём же ещё?! Какой-то глазастый свидетель, не замеченный Петром, углядел его машину возле памятника пионеру-герою и запомнил номер. И сейчас его будут колоть на причастность к бандитской разборке.

Ладно, он расскажет немного нескорректированную правду: остановился оказать помощь раненым, единственного раненого погрузил в машину, хотел отвезти в больницу, но тот пришёл в себя, ехать в больницу отказался, позвонил куда-то, договорился, что его заберут по дороге его друзья, и на углу, скажем, Ефимова и Загородного, раненого забрали из машины Петра и загрузили в джип с заляпанными грязью номерами…

Также Пётр понимал, что ментов заинтересует происхождение перстня. И он за несколько часов одиночного томления в камере подготовил вполне убедительный рассказ. Вещицей расплатился с ним пассажир, у которого не нашлось денег для оплаты проезда. Приметы пассажиры можно дать такие: средний рост, круглое лицо, нос картошкой. Пусть полгорода арестовывают. Кстати, и на самом деле – чем только не расплачиваются пассажиры с клиентами! Часами, зонтами, пустыми кошельками – это обычное дело. А женщины, в основном девки, норовят сэкономить и расплатиться натурой. Пётр брезговал этой формой оплаты, а вот его напарник любил это дело. Впрочем, о расплатах натурой следователю докладывать не обязательно. И вот берёшь всякую дребедень, приходится брать. Потрачено время, потрачен бензин, а он не миллионер и так еле концы с концами сводит.

– Ну вот о чём разве вас спрошу… – лениво сказал следователь. – Разве что вы мне расскажите, где держите остальное. Кстати, это можно квалифицировать как сотрудничество со следствием, что должно здорово помочь вам на процессе. Так где же?

– Остальное? – с искренним недоумением переспросил Пётр.

– Остальное, соколик, остальное, – сочувственно кивнул следак.

– Может быть, вы объясните мне, в чём моё преступление?

«Это какие-то из ментовских штучек, – подумал Пётр. И почувствовал, что покрывается холодным потом. – Известно, как они опутывают своими вопросами. Как удав кольцами».

– Охотно объясню, – сочувственно вздохнула эта гнида в штатском. – В убийстве оно состоит…

Пётр вспомнил три трупа на снегу, валявшееся рядом оружие, среди которого имелся автомат, и ему стало смешно. Ну как в самом деле всерьёз можно заподозрить рядового таксиста в расправе над тремя вооружёнными бандитами без всякого повода и без всякой выгоды. Или менты полагают, что им удастся пришить ему одиночную борьбу с бандитизмом в городе Шантарске?

– Вы из меня мстителя хотите сделать, да? Робин Гуда?

– Робин Гуд… – следователь почмокал губами, словно пробовал на вкус имя героя английских баллад. – Что ж, одобряю вашу линию защиты. Главное, что вы признаёте себя виновным. А значит, наш разговор может приобрести обоюдовыгодный характер. Итак, давайте перечислим известные факты.

И то, что Пётр услышал потом, привело его в состояние даже не шока, а столбняка.

– Двенадцатого декабря вы убили гражданина Казарновского Сергея Рудольфовича, бывшего директора антикварного магазина на улице Ломоносова, два года назад вышедшего на пенсию.

Проломили голову тяжёлым металлическим предметом. Уж не монтировкой ли?.. Ну, к этому мы вернёмся позже. Правда, сейф вы так и не нашли, он находился за холодильником, вы ограничились тем, что прошлись по верхам. Спешили, да? Знаете, я думаю, старичок разболтался в машине, и это-то его и погубило. Я полагаю, вы не готовились заранее. Просто поняли, что шанс сам прыгает в руку, что другого такого может больше в жизни и не перепасть. Вполне допускаю, вы и не хотели убивать, а руки сами схватились за монтировку, да? Думаю, Казарновский проговорился, что он известный в городе коллекционер антиквариата, живёт один, едет к себе домой. Случается такая словохотливостъ с одинокими стариками, как бы те ни были осторожны. Итак, вы вроде как помогаете Казарновскому выбраться из автомобиля и наносите внезапный удар. Покопались в карманах, достали паспорт, посмотрели адрес, вынули ключи.

Может быть, ещё какое-то время посидели в машине, дожидаясь удобного момента, когда поблизости от парадной никого не будет. А потом поволокли лёгкого, сухонького антиквара к его квартире. Что ж в том странного, если кто из окна увидит? Таксист помогает пьяному добраться до дома. Ключи у потерпевшего в кармане, остаётся только открыть дверь… Думаю, вам, гражданин Гриневский, в тот день сопутствовало сказочное везение, это был ваш день. Старик, уходя из дома, не включил сигнализацию. Похоже, с ним до того никогда ничего не случалось, и он сделался несколько беспечен. Или стал забывчив по старости. А может, он в машине разоткровенничался до того, что рассказал, как отключается сигнализация?

Пётр слушал этот бред и никак не мог взять в толк, что говорят о нём. И что это всерьёз. До последнего штриха казённый кабинет размыло, стены, стол, лицо человека напротив погрузились в серый туман, и из этого тумана доносился размеренный голос: «бу-бу-бу…»

Наконец, Пётр взял себя в руки, усилием воли вернул чёткость окружающей обстановке. «Спокойно, Гриневский, – сказал он сам себе. – Это происходит наяву, тебе шьют липовое дело. Тебе не привыкать бороться за себя. Для начала следует собраться с мыслями и доказать, что ты не мог быть у того долбаного дома, потому что находился в другом месте, и тому есть свидетели».

– Какого числа, говорите, убили вашего антиквара?

– «Вашего», – хмыкнул следователь. – Нашего с вами антиквара, ещё раз повторяю, убили двенадцатого декабря. Поломайте зря голову, мы уже проверили. Вы находились в тот день, как говорят у вас, на линии.

– И на основании этого…

– На основании показаний гражданки Ломакиной, – перебил следователь, зашуршав бумагами, –

лица незаинтересованного, к слову сказать… Вот.

В день убийства возле дома шестнадцать по улице Тухачевского вышеупомянутой гражданкой было замечено отъезжающее такси как раз в тот отрезок времени, в который, как установило следствие, потерпевший скончался от нанесения тяжкого телесного. И не просто такси, а таксомотор с рекламой чая «Липтон». В городе такси с такой рекламой, к вашему сведению, всего тридцать штук. Пять в ремонте, семь в тот день по разным причинам не вышли на линию, одна машина угодила в ДТП, другие, доказано, находились в интересующее время в иных районах города. Под вопросом оставалось десять машин. Среди них и ваша.

И тут Петра прорвало.

– Вы с катушек съехали! Что за чушь! Вы меня арестовали только за то, что на моей машине наляпан этот чай! Вы всех шофёров с чаем так таскаете, прежде уложив мордой в асфальт, а потом колите тут на дешёвые приёмчики!

Привычный и не к таким проявлениям эмоций подследственных, ёрзающих на горячей сковороде допроса, следователь не вышел из себя, а протянул руку к лежащей на краю стола бумажке, приподнял её двумя пальцами, показывая Петру.

– Вот заключение экспертизы, полученное час тому назад. После вашего задержания работники милиции направились в таксопарк, где ими был произведён осмотр вашей машины. Под накидкой на поверхности заднего сиденья были обнаружены бурые пятна, напоминающие кровь. Что, собственно, и оказалось пятнами крови. По заключению экспертизы, кровь принадлежит к той же группе, что и кровь гражданина Казарновсго С. Р. Если вас удивляет быстрота, с которой была проведена экспертиза…

Петра не удивила быстрота, он понятия не имел, в какие сроки проводятся экспертизы.

– …скажу вам, что не ради вас так расстарались, нарушив всякую очерёдность. Казарновский – личность не последняя в своих кругах. А к кругам тем, то есть к собирателем и знатокам антиквариата, между прочим, принадлежат известные и влиятельные люди. Например, академик Кладенцев. Вы улавливаете?

Пётр улавливал.

– И наконец… – Следак вздохнул притворно тяжело – дескать, я рад бы, чтобы вы оказались честным человеком, вы мне глубоко симпатичны, но истина, друг Платоша, она дороже. – Перстень, что вы пытались сбыть сегодня в ювелирной мастерской, объявлен в розыск. Потому что перстень этот – одна из вещей, похищенных из квартиры убитого антиквара. Кстати, вы не надумали сказать, где находятся остальные вещи?

Пожалуй, первый раз Петра по-настоящему пробрало. Всей кожей он явственно ощутил липкую паутину, которой его обволакивали. И ему сделалось не по себе.

– А вы…

Следак понимающе кивнул.

– Обыск в вашей квартире и гараже ничего не дал.

«Вот суки, – с какой-то замороженной злостью подумал Пётр, – клещами впились. А жена…»

Но он отогнал мысли о жене как несвоевременные.

Только растравишь себя.

– Да забыл сказать, – чуть ли не виновато улыбнулся следак. – Ваши коллеги по таксопарку обратили

внимание на такой пустяк, что давеча вы вернулись без чехла на заднем сиденье. Я так понимаю, вы запоздало, только вчера, обнаружили кровь, но тут же избавились от улики, так?

На некоторое время в кабинете повисло молчание.

– У меня отобрали сигареты, – наконец сказал Пётр.

– Эт-то пожалуйста, – следователь выдвинул ящик стола, вытащил пачку «Примы» и зажигалку, толкнул по столешнице к Петру. – Курите на здоровье, будьте любезны…

– Мне нужно подумать.

– Конечно, я понимаю.

Следователь впился в его лицо серыми холодными глазами. Наверное, он пытался разглядеть следы слома. Он, конечно, надеется, что допрашиваемый сейчас соберётся с духом, поймёт, что прочно загнан в угол и под тяжестью неопровержимых улик сознается в душегубстве.

Пётр прикрыл глаза, чтобы остаться наедине со своими мыслями.

«Я могу рассказать честно, во всех подробностях вчерашнюю историю, назвать адрес больницы, упомянуть все услышанные клички. Это объяснит, откуда в машине кровь и откуда у меня перстень. Мне, разумеется, не поверят, но, возможно, начнут проверять. Что из этого получится? А ничего. Больничный доктор заявит, что в глаза меня не видел, никакого Пугача и Глобуса не знает.

Единственное, что меня может спасти – Глобус, этот козёл, который наверняка и грохнул антиквара. Если менты проникнутся моими рассказами и доводами, если ментам известен Глобус и они, допустим, его возьмут, то, глядишь, чего и найдут у него из краденых вещей. Но…

Но, может, тот же Глобус всего лишь выиграл перстень в карты или отобрал его у ещё более мелкого гопника. Или давно распродал остальные вещи, оставив себе на память только перстень.

И ничего тогда его не свяжет с преступлением на Тухачевского – в отличие от меня, которого связывает целый букет улик. И ещё…

Узнав о задержании подозреваемого по антиквару… – а он, скорее всего, узнает не из прессы, так по своим каналам, – Глобус дотумкает про перстень, вспомнит таксиста и, поспешит избавиться от остальных вещей.

А про Пугача так и вовсе нет смысла говорить.

Да и не захотят менты связываться с авторитетом, когда у них уже есть убийца. На руках у следствия уже готовое для суда дела. Охота им его разваливать? Ясно, нет.

С другой стороны: что получится? Получится, я сдал Пугача, видимо, весьма влиятельного человека в том мире, и одного из его подручных. И это мне аукнется уже в камере СИЗО, а её мне, чего уж там тешить себя иллюзиями, всяко не избежать. Под подписку о невыезде никто меня не выпустит.

Значит, я окажусь между молотом и наковальней, в состоянии войны на два фронта.

Но не признаваться же мне в убийстве, которого не совершал? Не признаваться. Значит, надо найти объяснение каждому из фактов. Итак…

Перстень я нашёл. В салоне своей машины, вернувшись в таксопарк. Обронил кто-то из пассажиров, кого возил за смену. Я подобрал, присвоил, захотел продать, немного разжиться деньгами.

Кровь на заднем сиденье? Да, помнится, вёз пассажира с забинтованной рукой, бинт был весь в крови, вероятно, с него и натекло. Группа крови совпадает, эка невидаль. Чехол? Да, заметил кровь, решил не пугать пассажиров и выкинул его…

Врёшь, бля, ещё поборемся!»

– Вы, конечно, думайте, – напомнил о себе следак. – А чтоб лучше думалось, я вот что вам подскажу. Явку с повинной, конечно, оформлять поздно, но зато вы можете написать чистосердечное признание. Потом на суде искренне раскаятесь в содеянном, упирая на то, что действовали не с заранее обдуманными, а в состоянии аффекта. Сошлётесь на безденежье, на семейные неурядицы. Вы же в армии служили. Может быть, когда-нибудь были ранены или контужены? Это хорошо обыгрывается. Дескать, иногда случаются приступы, мозг словно заволакивает пеленой. И получите по низшей планке. А иначе и пожизненное можно схватить. Вам это надо? Так что давайте сотрудничать, уважаемый Пётр Григорьевич…

…Сознание человека способно на всякие фокусы.

Раньше Пётр с недоверием относился к рассказу своего дядьки про то, как тот в армию уезжал.

А уезжал дядька весьма даже интересным образом.

– Он служил срочную в шестидесятых. Сперва всё шло, как обычно: призвался, дождался на призывном пункте своего покупателя, был посажен вместе с такими же обритыми наголо юнцами в обыкновенный пассажирский поезд. Разумеется, как сели, так и начали прощаться с вольной жизнью.

Дядька до этого не пил и не курил совсем, даже не пробовал никогда, ни капли, ни затяжки. Ну не отставать же от бравых сверстников, надо ж показать, что и ты тоже взрослый. Сначала опустошил поднесённый стакан портвейна, потом – беленькой, потом в дело вступил самогон, под конец дошло до одеколона, который, разбавленный водой, выглядел в стакане как молоко. Дядька храбро выпил и эту отраву. И ещё он таскался в тамбур дымить на равных с будущими защитниками родины. И вот когда дядька и так плохо уже соображал что к чему и где он, собственно, находится, в тамбуре ему предложили анашу. А он даже и не знал, что это такое, дело-то происходило в наивные шестидесятые. Ну и пыхнул дядька во все свои молодые, сильные лёгкие…

Очухался он через месяц. Очухавшись, обнаружил себя в казарме, на полу, с расквашенным носом, а над собой увидел перекошенную физиономию сержанта. Это была уже казарма той части, в которой предстояло тянуть срочную лямку. То есть за спиной потерялся прожитый в карантине месяц. Весь курс молодого бойца, прожитый в сомнамбулическом состоянии. Дядька бегал кроссы, назначался в наряды, учил устав, принимал присягу, ходил на стрельбище, занимался строевой на плацу, разговаривал с кем-то о чём-то, его принимали за нормального – он же ничего из этого вспомнить не мог.

Теперь Пётр верил дядьке на все сто. Дядькина история повторилась почти в точности теперь уже с ним. Прошёл месяц – и словно не было месяца. Что-то припоминалось лишь отдельными фрагментами.

Более-менее отчётливо запечатлелось явление нового адвоката. Выходит, был и старый, которого заменили, но он стёрся из памяти полностью.

Новый адвокат начал со странной на первый взгляд фразы.

– Вы сделали всё правильно. Ваш выбор оценили. Вам просто не повезло, тот, кто стал причиной вашего невезения наказан, но последствия его ошибки не так легко исправить. Я думаю, вы понимаете, кто оплачивает мои услуги? Так вот что касается моих услуг. К сожалению, полного оправдания обещать не могу. Наша беда в том, что дело вышло довольно громкое. Если бы в качестве жертвы проходила менее заметная в городе персона… Так что уж теперь! А тут ещё проклятая ежегодная ведомственная отчётность. Высокие милицейские чины с разных трибун отрапортовали, что нашумевшее дело Казарновского раскрыто, украденные ценности, составляющие достояние республики, частично возвращены, ведётся следствие. Мол, обвинения, что органы плохо работают, беспочвенны и несостоятельны. К сожалению, нам

не дадут вывести вас вчистую, это обернётся для людей в мундирах форменным позором. Но убийцу из вас мы сделать не дадим, это уж увольте. Прямых улик нет, а с косвенными мы управимся. Самое большее, на что они могут рассчитывать, – соучастие. А там уж приложим ваши положительные характеристики отовсюду, незапятнанную биографию, раскаянье. Ну думаю, в самом крайнем случае года два. Попробуем добиться условного. Эх, нам бы под амнистию попасть, но это уже чистой воды везение. Но я также уполномочен сказать, что даже при самом неблагоприятном развитии – вы понимаете о чём я? – вам помогут и там. Ладно, не будем о худшем, давайте мы с вами выработаем вашу новую линию защиты…

И всё. И снова провал в памяти. Словно ластиком кто стирал.

А окончательно Пётр пришёл в себя, как в своё время дядька от сержантского кулака, от приговора, зачитанного судьёй. Пять лет лишения свободы с отбыванием наказания в колонии общего режима. И что странно – он не испытывал никаких эмоций. Будто давно знал, что это неизбежно…

** * **

– Всё, – Гриневский выдохся. – Честно, всё…

Потом Пугач появился на зоне, узнал меня. Подозвал, накормил-напоил, сказал, что добро помнит и за мои страдания, за ментовскую несправедливость готов расплатиться. Вот и предложил уйти с ним в соскок… Я что, должен был отказать – Пугачу?

Карташ малость поразмыслил. В словах Гриневского была, ох, была правда… По крайней мере, логика. Если он и врёт, то врёт очень уж умело.

Алексей помнил, по какой статье Таксист загремел в зону, знал он и то, что даже уголки относились к нему с долей уважения – как же, сам сел, подельников якобы по убийству Казарновского не сдал… Поколебавшись, он размотал проволоку. Сказал негромко:

– Ну смотри у меня, Гриня. Если что – пулю сразу получишь, ждать не буду…

Маша уже спала на лапнике, укрывшись Карташовским бушлатом, положив ветровку под голову.

Глава третья.

Несчастливая, как и положено, или заходите к нам на огонёк…

28 июля 200 года, 21.53.*

Для следующей ночёвки они выбрали распадок, по которому протекал ручей. Место привлекло ещё и тем, что здесь почти не было комарья и гнуса… Это одна из великих таёжных загадок – почему где-то клубятся комариные рои и гнус облепляет тело так, что живого места не остаётся (и потом, разуваясь, вытряхиваешь из сапог жутковатые комья слипшейся мошки), есть места, в которых хозяйничают исключительно одна из кровососущих популяций, другой туда по каким-то природным законам вход запрещён, но есть и участки тайги, где напрочь отсутствует одна и другая пакости. Им выпала удача набрести как раз на такой райский уголок.

И следовало этим воспользоваться.

За весь день никто не проронил ни слова. Сил на разговоры не осталось. Этот день вымотал их до донца. Две полосы бурелома, одна из которых тянулась не меньше километра, укатали их, что твой асфальтовый каток. Будь ты спортсмен, будь ты таёжник со стажем, но и тебе жизнь малиной не покажется, когда полдня полазаешь через лесину, покружишь, выбирая место, где ствол потоньше и сучков поменьше, понервничаешь, когда сучок хрустит под ногами, нога соскальзывает вниз и неизвестно, обойдётся всё или вдруг раздастся поганый хруст надорванных связок, – короче говоря, после таких аттракционов свалится и Дерсу Узала. Чего уж говорить про них, людей, в сущности, мало подготовленных к марш-броскам по тайге.

Карташ не считал себя слабаком, хотя спортом и не занимался, даже утренней гимнастики не делал. Но той выносливости, которой наградила его природа и родители, вполне хватало, чтобы выдерживать нагрузки, подобные нынешним. А вот Машка его удивляла. Девчонка не жаловалась, не стонала, не впадала в истерики и пёрла по тайге наравне с ними. Хотя видно было, что работает на пределе. Лишь иногда, когда уж совсем становилось невмоготу, просила: «Ребят, давайте передохнем чуток». И после двадцати-тридцати минут привала её не приходилось поднимать с земли силой и угрозами.

Пока не приходилось…

Ориентируясь по солнцу, по мху, Алексей очень надеялся, что ведёт отряд в нужном направлении. Он Таксисту не соврал – на самом деле ходил в походы по молодости лет и кое-что о лесе знал… Хотя, конечно, их маршрут ни в какое сравнение с теми походами не шёл. В тайге он не был ни разу…

Стрельбы слышно не было. И непонятно, то ли бунт уже подавлен, то ли урки успешно заняли населённый пункт Парма и празднуют победу, а доблестные войска ещё на марше…

Они допили кофе. Темнело. Как ни тяжело было отрывать задницу от ровной поверхности и переставлять ноющие ноги, а никуда не денешься – надо отрывать и переставлять. Им ещё требовалось наломать лапник, который послужит заменителем перины и прикроет их сверху шалашом.

– Пошли постель готовить, – первым поднялся Гриневский. – Не на голой же земле, как прошлую ночь, куковать.

– Погодь-ка. Снимай прохари.

– Это зачем это? – тут же напрягся Таксист.

– Ноги посмотреть надо, кретин. Если ты мозоль хоть одну в этих говнодавах натёр, то дело труба. Снимай, снимай…

Помявшись, Гриневский скинул древнюю, разношенную, но крепкую обувку.

Возможно, именно то обстоятельство, что он уже несколько лет носил именно эти, с позволенья сказать, ботиночки, и спасло ноги зэка.

Ни одного волдыря под – между прочим, новыми и прочными – носками Алексей не углядел.

– Твоё счастье, – буркнул он, бросая прохари обратно владельцу, и повернулся к Маше. – Теперь ты снимай.

– У меня всё нормально, – сказала та.

– Да хватит вам обоим кривляться, так вас перетак, – устало взмолился Карташ. – Вы добраться до людей хотите или подохнуть здесь, а?!

Как это ни удивительно, но и с ногами «хозяевой» дочурки тоже оказалось всё в порядке.

Правильные у неё сапоги. Если не развалятся по дороге… Он с кряхтеньем поднялся.

– А теперь можно и постельку стелить…

Карташ ломал лапник и думы думал ох какие сложные. Как Пугачу удалось спланировать и столь грамотно организовать бунт – и никто про это ни сном ни духом, ни опера, ни стукачки? А в том, что Гриневский не соврал и революция была спланирована именно Пугачом, Карташ отчего-то не сомневался нисколько. Вот только зачем вору это понадобилось – поднимать кипеж в зачуханной, спокойной зоне и уходить в рывок с такой поспешностью? Делами на свободе можно руководить и из лагеря – сие ни для кого не секрет. Если же в его империи случилось нечто экстраординарное, что потребовало его личного присутствия, то откуда взрывчатка на зоне? Значит, готовились загодя? Ни хрена не понятно…

В двадцати шагах от него трещали ветви, ломаемые Гриневским.

Алексей вспомнил донос Лупня – насчёт партии водки в ознаменование примирения Баркаса и Пугача. Так они что, вместо водки «коктейль Молотова» завезли? Если падла Лупень не солгал. Вот ведь гад какой…

Следующая ветвь хрустнула почему-то за спиной.

Не будь Карташ так измотан, он успел бы обернуться. Сначала сделал бы шаг в сторону, а потом бы уж обернулся. Но он опоздал всюду – чёртова полоса препятствий через бурелом притупила все рефлексы.

Сзади раздался чей-то резкий выдох: «Ха!», – и затылок взорвался ослепительной болью.

…Вынырнув из забытья, он расслышал невнятные голоса и смех. На пробуждение затылок тут же откликнулся тупой ноющей болью.

Карташ открыл глаза.

И обнаружил, что сидит, прислонённый спиной к стволу. Руки были заведены за дерево и связаны – совсем как давеча у Гриневского.

Причём верёвки на запястьях затянуты со всей возможной свирепостью и явным умыслом перекрыть доступ крови к кистям.

Так что, Гриня решил таки отомстить?..

Вокруг костра передвигались тёмные фигуры.

Показалось – много фигур, очень много.

В глазах плавала муть, вспыхивали искры. К горлу подкатила тошнота. Он снова сомкнул веки.

Но его шевеления не остались незамеченными.

– Гляди, очухался начальник! – радостно оповестил остальных чей-то хрипловатый голос.

– Молодец, быстро оклемался, – откликнулся другой. – А то бы такой сеанс пропустил…

Тошнота отступила, и Карташ снова открыл глаза.

Костёр полыхал ярко, освещая всю поляну вплоть до ручья. Возле огня сидел на корточках человек в серой зэковской телогрейке и подбрасывал в пламя валежник.

Гостей, считая кострового, было четверо. Не так много, как показалось. И всех их Карташ знал – всех в лицо, а одного даже по имени. Зэки из лагеря, которые после прорыва почему-то рванули не к посёлку и не в сторону железной дороги, а в самую что ни на есть глубь тайги.

Почему-то? А не о них ли говорил Таксист?

Карташ приметил у них два автомата. Один «Калашников» валялся на земле подле мужика лет сорока-пятидесяти, раскинувшегося в излюбленной древнеримской позе – полулёжа, на бушлате Карташа и ватнике Гриневского.

Второй автомат покоился на коленях крепенького рыжеволосого парня, Парень был ближе всех к Карташу, покуривал на пеньке, щурясь от дыма.

«И ещё у кого-то прихоронен мой „макарка“, – отстраненно вспомнил Алексей. – Может быть, у кострового, а может, и у того, что крутится возле Маши. Самого, похоже, дёрганого из всех». Тот, которого Карташ окрестил про себя дёрганым, вырядился в солдатскую шинель с выдранными с корнем погонами и петлицами.

Маша лежала невдалеке от костра. Связанная по рукам и ногам. Щека расцарапана, волосы растрёпаны, кроссовки и джинсы до щиколоток мокрые. Гриневский находился тут же, ближе к ручью, лежал на земле – похоже, без сознания.

У него были связаны только руки.

Карташ не сомневался, что вожакует у беглых Шуруп. Сие было прозвище углового, что нежился сейчас на бушлате и ватнике и чья настоящая фамилия – Карташ вспомнил даже такой пустяк – была Копылов. Шуруп в зоновской иерархии не числился даже «жуликом», но над нынешними своими подельниками возвышался – не даром Карташ не знал ни имён, ни кличек троих его спутников. Шуруп относил себя к блатным, а эта троица принадлежала к заурядному бакланью. Можно было догадаться, почему они сдёрнули с зоны именно в таком составе: Копылов-Шуруп болтался в лагерных бараках на вторых ролях, чем явно тяготился, а сколотив свою шайку, и уведя её за собой, он на какое-то время становился главным. Хоть маленьким, а паханом.

– От ты и попался, начальник. От ты туточки и догонишь, что такое неволя, – смакуя слова, проговорил Шуруп, откровенно наслаждаясь ситуацией. – Вчухаешь, каково приходится бродягам за вашими заборами.

Тип в солдатской шинели разболтанной походкой приблизился к своему вожаку.

– Шуруп, ни хавки, ни карты у них нема, всё осмотрел. Голяком в тайгу ломанули, падлы… Давай хоть тёлку попользуем, коли жрать нечего.

– Не терпится, Болек? – ухмыльнулся паханчик, обнажив чёрные чифирные зубы.

Понять, что собой представляет этот хмырь с кликухой Болек, можно было с одного взгляда.

Распространённый зоновский типаж – истерик с растрёпанной вдрызг по крыткам и лагерям

психикой, баклан непредсказуемый… и тем крайне опасный.

– Бля буду, невмоготу уже глядеть на её лепнину, – простонал Болек. – Три года лялек не мочалил.

– Невмоготу – сходи в кусты, облегчи семенной фонд, – лениво посоветовал Шуруп. И вдруг с неприкрытой злобой добавил:

– Когда я разрешу, тогда и начнёшь елдой махать. И потом, ты что это, вперёд батьки на кобылке прокатиться собрался?

– Оно же слаще выходит, Болек, когда оттягиваешь, оттягиваешь, а знаешь сам, что оно твоё и никуда от тебя не спрыгнет, – философски подошёл к вопросу костровой.

Карташ помнил эту философскую рожу, не раз попадалась на территории. Сморщенная, как печёное яблоко, харя с раскосыми азиатскими глазами. И, как это сплошь и рядом бывает с азиатами, возраста неопределимого.

Старлей только сейчас разглядел, чем он там занят, помимо поддержания огня. Чай в их алюминиевой крышке от его термоса кипятит. Точнее, чифирь. Запасливые, гады, чаёк с собой прихватили, вот с чего они хотят начать вечер удовольствий.

– Во всём должен быть свой порядок, – угадал мысли Карташа костровой. – Вот ты на воле сперва бабу в ресторан сводишь, чтоб благодарностью прониклась. Сам выпьешь, закусишь, чтоб юшку по каналам получше разогнать. Так и тут. Сперва чифирек, чтоб тепло по телу побежало. Потом уж торжественная часть.

Что-то не правильное было во всём поведении беглых. Словно они уже надербенились чифирю по самые помидоры – движения резкие, дёрганые, слова произносят отрывисто, глазёнки блестят неестественно… Или в медпункте успели пошакалить, колёс наглотались?..

Алексей вспомнил глаза Лупня, когда тот добивал караульного – точно такие же были у него зенки… И едва не заскрипел зубами от досады и бессилия. Так глупо влипнуть, попасться шайке каких-то дешёвых отморозков!

– Дай хоть пощупаю, Шуруп? – взмолился Болек. – А то не выдержу… – И с оттенком угрозы в голосе добавил – Ты ж нас сам сюда потащил, Шуруп. А если б в Парму пошли, как все, то уже б давно…

– Ладно, – быстро перебил Шуруп, нахмурясь, – пощупай. Аккуратненько только. А то цирику не понравится. Эй, гражданин начальник, расскажи, что твоя баба любит!

– Подфартило нам, Шуруп. А мы-то думали – уж вконец заплутали, – впервые заговорил самый молодой в этой беглой компании, перекуривающий на пеньке с автоматом на коленях. – Хорошо, я ихний костёр углядел…

– Ты из себя главного героя не лепи, Угрюмый. Не ты б, так другой углядел. Али дымок унюхал бы. Мимо них мы бы не прошли.

Вожаку заметно не понравилось, что кто-то сомневается в его удачливости и предводительском умении. Быть может, в их петляющей по тайге компании уже назревал бунт местного значения, когда вдруг нежданно выпала удача, словно поставили в казино последний жетон на зеро и, вот те на, на зеро шарик и остановился. И сейчас они пребывают в полной уверенности, что теперь-то точно выберутся из этой задницы к обитаемым местам.

Стоп, стоп…

И тут Карташ понял, что можно сделать сейчас, какую карту ему можно разыграть, – когда, казалось бы, ничего кроме как молиться не остаётся. Ведь явно не из-за этих ублюдков был затеян бунт на зоне – нет

среди них Пугача, нет обещанного Таксистом спецоружия… по всему выходило, что пока основные силы урок двинулась на штурм Пармы, эта рота решила отделиться и углубилась в леса. Да вот незадача – заблудилась…

Тем временем Болек склонился над Машей.

Девушка попыталась отползти, но куда там уползёшь – со связанными ногами и руками! Тогда она поджала ноги и резко выбросила их, метя уголовнику в промежность, однако Болек ждал подобного трюка и увернулся со смехом. Взгромоздился на неё, Маша извивалась змеёй, пытаясь его сбросить. Да где там…

– Тихо, соска, тихо, и тебе не будет грустно, – приговаривая так, Болек расстегнул на ней куртку. Хоть зэк и находился сейчас спиной к Карташу, старлей, казалось, видел похабную ухмылку, блуждающую по его худой роже.

Устав без пользы елозить по траве, Маша свою ненависть и злость вложила в ругательства, и слова «лидер», «петух», «козёл» были чуть ли не самыми невинными из тех, которыми она осыпала урку. Впрочем, тем она добилась эффекта прямо противоположного желаемому.

Похоже, она доставляла оседлавшему её уголовнику прямо-таки райское наслаждение покруче всяких «баунти».

– А хороша бикса! Ишь как чешет по-нашему! Я её всю ночь готов мочалить, с короткими антрактами на перекур. А буфера-то сочнявые…

Болек с треском рванул свитер на её груди и запустил лапу под шерсть. Маша рывком приподняла голову и попробовала укусить зэка за руку. Не достала.

– Прыткая биксочка! Эх… Лифчик мешает сеансу набраться… – И с этими словами Болек ловко вытащил из-за голенища сапога заточку.

– Не дёргайся, а то напорешься, – предупредил её Болек и одним взмахом бритвенно заточенной стали разрезал тонкое бельё. – У-у, ништяк! Ништяк! – сладострастно застонал он, возя рукой под свитером.

– Ты смотри, не очень-то увлекайся, Болек, твой номер не первый, – как бы в шутку предупредил Шуруп, но Карташ не сомневался, что этот паханчик очень серьёзно относится к своему первенству во всём.

«В живых, ясное дело, они не намерены оставлять никого. – Карташ размышлял отрешённо, словно речь шла не об их собственных жизнях, а о дурацком американском триллере по телеку у старухи Кузьминичны. – Вопрос лишь в том, можно ли оттянуть расправу на как можно более долгое время… Чем дольше по времени будет отсрочка, тем больше шансов выкрутиться…»

Странно, но страха он не чувствовал. Злость – да, первобытную, яростную злость, когда готов рвать соперника руками, выдавливать ему глаза, бить и бить, получая острое, пронизывающее наслаждение, ощущая, как выходит под твоими кулаками из врага жизнь… А страха почему-то нет.

Может потому, что чутьё угадывает – есть, есть у них шанс. Есть. Надо только правильно его разыграть.

Может быть… Может быть, Машу спасти от изнасилования и не удастся. Похоть, от которой слепнут и глохнут, похоть зэков, годами не знавших женщин, сдержать словами невозможно, а кроме слов ничего в его распоряжении пока нет, тут уж придётся, мать вашу так, смириться, успокоив себя, насколько это возможно, тем, что потом, потом им всё припомнишь, по полной программе – но зато можно попробовать спасти Маше жизнь… ну и себе тоже, если получится. Унижение, в конце концов, можно пережить – а вот смерть пережить пока ещё никому не удавалось.

То, что они сейчас не набросились на неё оголодавшим зверьём, за это надо сказать спасибо их паханчику, к женскому телу не рвущемуся.

Вероятно, не очень-то ему к этому телу и надо.

Он уже в возрасте, чуть ли не полжизни провёл за решётками и колючками, а это здоровья, увы, никак не прибавляет. Да ещё за время многолетних отсидок, наверное, вконец отвык от женщин – зато пристрастился к молоденьким пидерам. Подобное не редкость среди зэков, отмотавших большие срока. Возможно, он сейчас просто держит форс. Даже скорее всего, именно так и есть. Потом, повыдрючившись: «Я должен отыметь её первым, право первой ночи моё», – он, в виде величайшей милости, уступит свою очередь Болеку и остальным. А потом, сказавши: «Я четвёртым не бываю, я отымею своих баб на воле», – этот Шуруп – типа красиво, так он посчитает, – отойдёт в сторону…

Однако рассуждения – это одно, эмоции же диктуют своё. И смотреть, как этот ублюдок лапает Машу грязными руками, Карташ больше не мог. А руки Болека уже шарили ниже талии девушки, уже расстегнули «молнию» на её джинсах…

– Эй, Шуруп, скажи сявке, чтобы оставил девчонку.

– Ты, начальник, никак забыл, что откомандовал своё, – дёрнулся в его сторону Шуруп. – Здеся ты зэка, а я тебе начальник… А что погоняло моё не забыл, хвалю.

– А ты никак собрался подохнуть в тайге? И уморить вместе с собой своих этих бакланов? Только я один знаю дорогу отсюда.

– Да, вот ты, начальник, нам и расскажешь, как отсюда выйти, – как о чём-то само собой разумеющемся высказался рыжий хлопец с автоматом на коленях, на «бакланов» ничуть не обидевшись. – И покажешь.

– Прав Угрюмый, ох прав, – сказал Шуруп. – Когда твои ручонки, начальник, отнимутся, когда кровушка в жилках застоится, – а это бо-ольно! – ты крепко задумаешься за жизнь свою не праведную, мусорскую. А когда поджаривать начнём да на ремни резать, всё нам напоёшь, начальник, сам себя обгоняя.

– А если не буду? – негромко сказал Алексей. – Ну вот прикинь, что не буду! Если с этой девочкой что-то случится, ты из меня слова не вытянешь. И знаешь почему? Потому что мне будет приятно. Приятно от того, что хороню вас, сучар гнилых, своим молчанием. А долго вам меня мучить не придётся. Сердечко у меня слабое, боль я переношу плохо, так что загнусь быстро, не сомневайся.

Кажется, слова Карташа Шурупа не проняли нисколько:

– Тогда твой дружок ссученный напоёт нам ту же песню.

– Да ты чё, он же не знает ни хрена! Ты сам подумай: знал бы, разве б пошёл с нами?

– А куда вы, собственно, ползёте? – задал Шуруп вопрос, которой, будь он чуть умнее, задал бы первым делом.

– Он всё нам скажет – и куда идёт, и как нам туда пройти, когда бабу его резать начнём. Сначала наплачется, глядючи на то, как его тёлку натягивают во все дыры, а когда кромсать её станем, быстренько запоёт соловьём, – сказал Угрюмый, почесав щетинистый подбородок.

– Да, расскажу, – кивнул Карташ, из последних сил сохраняя лицо. – Много чего тебе, падаль, расскажу… Только тебе же и проверять предстоит, учти. И увязнешь ты со своей проверочкой в болотах навсегда. Сдохнешь от голода и гнуса. Очень скоро вы начнёте жрать друг друга, это я тебе как доктор говорю, – а тебя, Дашенька, «коровой» назначат первым, потому как ты самый упитанный. Мясцо молодое,

аппетитное…

Угрюмый словно нехотя слез с пенька, подошёл к пленнику и носком прохаря больно двинул Карташу под рёбра. Мир для Алексея на миг исчез. А когда вернулась способность видеть, Угрюмый уже вновь восседал на своём месте.

– А если он прав, Шуруп? – напомнил о себе философ-костровой, лицо азиатской национальности. – Надо бы прежде разобраться, что к чему, с остальным мы всегда успеем…

Карташ обрадовался, даже боль несколько отступила. Первое зерно сомнений и раздора проклюнулось, этого он и добивался, надо развивать успех…

– Да врёт он, – возразил вожак. – Жизнь себе купить хочет. А покупать-то не на что, да, начальник? Ты тоже ведь заплутал тута?

– Зырь, босота! – вдруг дурным голосом прорал Болек. – Чего я у крали на кармане надыбал!

И держа что-то в ладонях, как пойманную птицу, он понёс находку на показ паханчику.

– Эт-то что такое? – Шуруп положил на раскрытую пятерню квадратную чёрную коробочку, которую можно было бы принять за пудреницу, если б не мигающая с секундным интервалом крохотная красная лампочка. Карташ смотрел во все глаза, недоумевая, если честно, вместе с урками.

– Ну-ка… – с пенька шустро поднялся рыжий с автоматом, подошёл к дружкам, вгляделся, озадаченно почесал затылок. – Дела, братва… Видал я такие штуки на воле, когда… Ну, не важно. Короче, «маяк» это.

– Чё? – удивился Болек.

– Хреновина, которая сигнал передаёт, чтобы тебя по нему можно было найти.

– Не рация?

– Какая, к херам, рация! Эта мандула передаёт сигнал, ну типа «пи-пи-пи», его можно засечь и идти на него, как на ориентир.

– И зачем она его с собой таскает? – спросил Шуруп у Угрюмого.

– А это у неё надо спрашивать. Хочет, чтобы кто-то знал, где она находится, – Так чего, нас по этой срани менты могут найти? – в голосе Болека явственно проскочил испуг.

– Не найдут. – Шуруп поднялся, положил маяк на землю, наступил на него сапогом и растёр, как окурок. До Карташа долетел короткий, зычный хруст.

– На каждую умную придумку свой сапог найдётся, – загадочно высказался азиат-философ, подбросив в костёр охапку еловых ветвей, отчего пламя с шумом рвануло вверх.

– Кончай беспредельничать, Шуруп, развяжи! – Гриневский уже не лежал, а сидел на земле.

– Гляди-ка ссученный очухался! – радостно воскликнул Болек, хлопнув себя по шинельным бокам.

– Вот кого можно хоть сейчас в расход пускать, – Угрюмый вскинул автомат на плечо. – Даже нужно.

Гриневский помотал головой, глубоко вдохнул, с силой выдохнул, сплюнул кровь и внятно произнёс, глядя на вожака:

– А Фрола не боишься, а, Шуруп? Мы ж к нему идём. И он здесь, неподалёку. Если нас не дождётся, подвесит тебя и твою кодлу за яйца без долгого базара.

«Ага, – с некоторым сомнением подумал Карташ, – Гриня врубился в расклад и начал свою игру… Надеюсь…»

– Ты на кого хавалку разеваешь, паскуда? – угрожающе надвинулся на него Болек.

– На балде я вертел твоего парашного Фрола, – сказал Шуруп. – Да и откуда он узнает, где вы?

– А «маячок»?

– Пищалке вашей капец настал, видел?

– Видел. Только поздновато ты приборчик разломал, Шуруп. Фрол уже в курсе, где мы. И найдёт.

– Трупы он ваши найдёт, пидер!

– А хоть бы и так, – невозмутимо сказал Таксист. – Найдёт – и скоренько расшифрует, кто ему верняк заштриховал. – Он недобро сощурился. – А доискиваться он будет, не сомневайся, потому как пахнет дело такими зелёными «арбузами», что у меня самого слюни текут… Ты что, думаешь, Пугач водочкой вас поил и на кипеж поднимал только для того, чтобы ты мог в рывок уйти, по тайге погулять да бабу пощупать?!

Опа!

Последняя фразочка Гриневского произвела должное впечатление. Шуруп на миг замялся и не нашёлся, что ответить. На миг забегал глазёнками. Явно испуганно!

– Фрол с блатными дело не имеет, – не очень-то уверенно сказал он.

– Дурак ты, Фрол имеет дело с теми, с кем ему нужно, – ласково сказал Гриневский, и в глазах его проявился прежний рысиный огонёк. – И дело то – далеко не твоего ума.

– Ты мне тут кобзоном не пой, – Шуруп аж подёргивался от умственной работы. – Цирик, баба какая-то и «мужик», к тому же ссученный – на хрена, спрашивается, такая кодла Фролу понадобилась?..

– А ты подумай, подумай. Кто такую кодлу разномастную всерьёз принимать будет? За ссученного я на тебя не обижаюсь, Шуруп, даже спасибо скажу: значит, хорошо я свою роль играл, если даже ты не просёк… А что «маячок» раздавил, так это уже по барабану: пацаны Фрола уже рядом…

Он врал напропалую, придумывая на ходу, но, надо отдать зэку должное, – врал складно, удалось ему посеять среди беглых некоторое сомнение.

– Только не верти башкой, сокол ясный, – вдруг услышал Карташ за спиной тихий голос. – Сиди как сидишь.

Карташ узнал этот голос.

Или… или это уже глюки пошли?

Но галлюцинации не перерезают верёвки на запястьях, не освобождают от пут. Галлюцинации не придерживают твои руки, чтобы они не тряслись.

Уф, всё. Свободен, мать честная! Он попробовал сжать-разжать кисти. Пока пальцы слушались плохо, двигались будто не свои, но оживали с каждым новым толчком крови. Хотелось свести затёкшие руки перед собой, аж зубы сводило от хотения, – но придётся ещё малость потерпеть.

Кисть почувствовала холод металла. Карташ нащупал вложенную ему в ладонь рубчатую рукоять, провёл пальцем по гладкой округлости ствола…

Так живительно, как подействовало оружие, наверное, на него не подействовал бы и спецпрепарат из спецназовского арсенала, хитрая химия, заставляющего вроде бы падавшего без сил человека подниматься и часа два-три танком переть по пересечённой местности. От пистолета тело заряжалось неким током высокой частоты, который сугубо гражданскому человеку вряд ли знаком и который вряд ли уловит самая научная аппаратура, – но Карташ сейчас чувствовал и впитывал этот ток.

– Берёшь на себя дергунчика в шинели и того, у костра. Начинаешь, когда упадёт рыжий…

Невесть откуда взявшийся посреди тайги «археолог» Гена правильно высчитал самого опасного. Угрюмый с автоматом не расставался, держал его умело и, не приходилось сомневаться, откроет огонь незамедлительно. Шуруп тоже растеряться не должен, но ему ещё дотянуться надо до автомата. И у кого-то заныкан «Макаров» – про это Карташ, разумеется, забыть не мог.

Алексей услышал, что Гена отползает от дерева, шурша хвоей и палыми листьями, покрывающими землю.

Он коснулся предохранителя – сдвинут, – нащупал скобу, положил палец на спусковой крючок. Готов.

Гриневский и беглые зэки всё ещё препирались, но Карташ не вслушивался в их базары, однако они враз потеряли для него всякий смысл и интерес.

– Чифирек готов, – известил филосов-костровой, жить которому оставалось вряд ли больше минуты.

– То дело! – Шуруп встал с бушлата, потирая ладони. – Мозга прояснится, тогда и…

Едва слышный хлопок – и голова Угрюмого дёрнулась, на лбу выросло тёмное пятно. «Бесшумка», – машинально отметил Карташ, отталкиваясь от дерева. Рывком вскочил на ноги, поднял руки, сжимая пистолет, выцелил фигуру в солдатской шинели. Два раза нажал на спуск.

Дважды грохнуло, и Болек упал, нелепо взмахнув руками.

Шуруп прыгнул к своему «калашу», но в полёте был настигнут пулей, выпущенной притаившимся в зарослях «аспирантом». Вожак безжизненно вытянулся на земле, так и не добравшись до автомата…

А вот костровой оказался самым сметливым и проворным. Он не стал прорываться к оружию, не стал вступать в единоборства, он вскочил и припустил к ближайшим деревьям, чтобы нырнуть в темноту и скрыться в тайге, петляя меж стволами. Гриневский крутанулся в каком-то немыслимом акробатическом пассаже, выбросил вперёд длинные ноги и подсёк азиата-кострового. Тот рухнул лицом вниз, но тут же ловко перевернулся на спину…

Набегающий Карташ медлить не стал, вскинул руку с пистолетом, вдавил спуск. Горячая тугая струя обдала щёку. Алексей выстрелил ещё два раза, ещё два раза содрогнулся на земле азиат.

Но сперва они, Карташ и костровой, выстрелили одновременно. «Вот у кого оказался мой пистолетик!» Из разжавшейся ладони азиата вывалился табельный «Макаров» Карташа.

Некогда было предаваться запоздалым страхам: «Если б он взял чуть левее, если б успел шмальнуть второй раз». Карташ метнулся вперёд, держа азиата на мушке, наклонился над костровым, проверил…

Мёртв.

Всё. В голове гудели колокола. На ватных ногах он направился к Болеку. Только теперь в пальцы будто вонзились тысячи иголок – восстанавливался ток крови.

Чёртов «археолог», припадая на левую ногу, вышел на освещённый пламенем пятачок, склонился над Шурупом. А Карташ вытащил заточку из-за голенища сапога мёртвого Болека и ею перерезал верёвки на руках и ногах Маши, потом освободил от верёвок руки Гриневского. На всякий случай, по въевшейся за время службы привычке, отпихнул трофейное оружие подальше от Таксиста. Таксист понимающе хмыкнул под нос, но промолчал.

Дочурка «хозяина» Топтунова, на ходу запахиваясь дрожащими руками, подошла к трупу Болека и несколько раз с силой пнула его в бок, всхлипывая при каждом ударе. Карташ оттащил её в сторонку, приговаривая утешительно: «Ну, ну, хватит, девочка, всё кончилось, успокойся…»

Наконец Маша уткнулась лицом ему в шею, прошептала бессильно: «С-сука…» – и приглушённо зарыдала.

– Закопать бы надо, начальник, – угрюмо бросил Гриневский, деловито роясь в карманах азиата.

– Зачем? – сказал Алексей. – Таёжное зверьё быстро избавит лес от этой падали.

– При чём тут зверьё. Не по-людски как-то…

– Так они нелюдями и были. А Фрол – это кто есть таков?

– Я ж шантарский, – усмехнулся Таксист. Кто ж Фрола не знает в нашем городишке…

– А неплохо мы сработали, чисто, не хуже «Рысей»… – Гена отошёл наконец от Шурупа, морщась и хромая, подошёл к костерку, сел, откинулся на валун.

Суперменский видок его малость потускнел с момента последней встречи. Брезентовая куртка порвана на плече, через всю щёку тянулась длинная, подсохшая царапина, в растрёпанных волосах застряли иголки. Левая нога, прямо поверх штанины, была перетянута уже загрязнившимся, распушившимся бинтом, сквозь который проступало тёмно-красное пятно.

– Что с отцом? – глухо спросила Маша.

– Не знаю, – помолчав, угрюмо сказал «археолог». – Хотя надежды, честно признаюсь, никакой. Я не успел. Хотел – но не успел. А когда уже началось… – Поправил повязку на ноге. – Меткие, черти, еле ноги унёс… – И вдруг цепко глянул на Гриневского:

– Ну что, Таксист, отстал от своих дружков?

– Они мне не дружки, – быстро отрезал Гриневский. – А я тебе не Таксист.

– Ишь как перевоспитался быстро… Не крысься, не крысься, теперь-то уже всё равно…

– Уходить отсюда надо, – вставил своё слово Карташ. Трофеи обнадёживали: два «калаша», плюс два запасных магазина, плюс «Макаров»…

Плюс ещё какие-нибудь хитрушки наверняка у лжеархеолога припасены. – Мало ли ещё какие гости на огонёк заглянут.

– Вряд ли, – возразил Гена. – Вся толпа в Парму поскакала. Ох и весело там сейчас…

– Мой отец остался там, – очень, слишком уж спокойно сказала Маша, отстраняясь от Алексея, поворачиваясь к Гене. – Ты понял это? Ты меня в эту херню затащил и теперь говоришь – весело?!

– Так, стоп, – Карташ встал между ними, взял Машу за руки, хотя и самому сил нет как хотелось заехать «аспиранту» промежду глаз, – драки после танцев. И так вчерашняя ночка была ещё та, так ещё и сегодня приключений подвалило… Давайте присядем и разберёмся, без недомолвок и вранья. Нам ещё выбираться отсюда.

– Я здесь не останусь, – сказала Маша.

– И не надо. Уйдём отсюда вдоль по ручью, выйдем из распадка – там и заночуем.

– Я не смогу заснуть…

– А вот это, дорогая, – нарочито зло сказал Карташ, – уже твои проблемы. Хочешь – не спи, хочешь – здесь оставайся. Нам надо добраться до станции и под случайную пулю не угодить, это доходчиво? И я помирать в тайге из-за капризов всяких там городских штучек не намерен. Агент КГБ, тоже мне… Соплячка!

Ага! Похоже, он добился желаемого. Машка вскинулась, оттолкнула его, отвернулась, двинулась к костру. Ничего, позлится и перестанет, зато позабудет про все эти интеллигентские мерехлюндии насчёт

«не могу», «не справлюсь»…

– Лёша, сокол мой, не в службу а в дружбу, – нейтральным голосом сказал Гена, – вон там, за выворотнем рюкзачок у меня припрятан, принеси, будь ласков.

– Ну ты, археолог, совсем обнаглел, – подай, принеси… – покачал головой Алексей. Но просьбы выполнил.

Принеся тяжеленный вещмешок, – камни он там таскает, что ли? – Карташ присел возле раненого и участливо, едва сдерживая гнев, спросил, кивнув на повязку:

– Во время раскопок поцарапался?

– Типа того, – ответил Гена, развязывая шнуровку на мешке.

– А я и не знал, что Контора Глубокого Бурения ещё и археологией занимается…

Гена быстро глянул на него.

– Догадался? Как, позволь спросить?

Алексей пожал плечами.

– Да элементарно. Потому что чушь это всё – наисекретнейшая какая-то ферма посреди болот, подрыв мировой торговли соболями, мент в шкуре археолога… детский лепет и романы про майора Пронина. Там, в Шаманкиной мари, что-то другое, так ведь?

– Да… – нехотя признался «археолог». – Совершенно другое. И гораздо страшнее… Про Машу тоже догадался?

– Только что, – сказал правду Алексей, на Машу не глядя. И что-то неприятно кольнуло у него в груди. – Сама проговорилась – ты её в эту херню затащил. И потом, у неё какой-то «маячок» был, а ты нас каким-то манером посреди тайги нашёл. Так что трудно не сопоставить. Мата Хари, блин. Доктор Зорге в юбке…

– Лёша, я…

– Помолчи, – излишне грубо оборвал её Карташ. – А ты продолжай.

– Красиво, ублюдки, придумали, что и говорить, – невпопад сообщил Гена и откинулся на мшистый туф. – А я купился, дур-рак… Пугач-то всех убедил, что хочет власть передать Баркасу, под это дело и водкой затарился… На фиг ему Баркас этот не нужен был – ему надо было с зоны слинять, и не через пять дней, а раньше…

– Знаю.

– Таксист раскололся?

– Ну.

– Баркаса, кстати, первым и шлёпнули.

Гена вынул из бокового кармашка мешка несколько одинаковых пластмассовых коробочек, выбрал с синей сигнатурой, приставил к раненой ноге, сжал. Коротко пшикнуло.

– Обезболивающее, – объяснил он. – Есть, кстати, транквилизаторы и стимуляторы. Никому не требуется?

– Я лучше другого стимулятора выпью, – проворчал Гриневский и наклонился над упавшей набок крышкой от термоса – в ней ещё оставался чифирь. Поднял, подул, отхлебнул.

– Но как Пугач сумел сгоношить весь народ на прорыв? – спросил Карташ.

– А ему и гоношить особо не надо было, – грустно улыбнулся Гена. – Водочка-то не простая была…

Алексей вспомнил лицо Лупня, бегающие глазки недавних «гостей»… и его осенило:

– С добавкой какой-то химической?!

– Молодец, соображаешь. Я тоже это понял, только слишком поздно. Какая-то отрава, вызывает стремительный выплеск неконтролируемой агрессии – так что Пугачу оставалось только направить эту агрессию в нужное русло…

Карташ представил себе, как в сумерках гонцы разносят по баракам гостинцы от Пугача, как зэки выпивают и… Он поёжился. А ведь замешкайся ты, браток, в клубе, и быть тебе растерзанным на мелкие клочья.

– Но зачем?!

– Это ты у него спроси, – Гена зло кивнул на Гриневского.

– Я не знаю, – покачал тот головой, прихлёбывая. – Я уже говорил… Знаю только, что Пугач собрал здесь, на зоне что-то типа уголовного спецназа – обученных бойцов, ну, которые в горячих точках были, раньше в какой-нибудь там «Альфе» служили, ещё что-нибудь. Некоторых даже специально сюда переводил с других лагерей. Ему, короче, нужен был отряд, чтобы с ним именно сейчас и именно отсюда уйти незаметно. А как ещё семерым угловым можно было с зоны уйти незаметно?

– И ты тоже, что ли, спецназовец? – фыркнул Карташ. – Знаменитый сербский полевой командир Йобан Всрачану?

Гриневский лишь пожал плечами и вновь склонился над крышкой.

– Они туда рвутся. К Шаманкиной мари, – тихо сказал «археолог».

– Давайте уйдём отсюда… – прошептала Маша.

Глава четвёртая.

Во глубине сибирских мхов

29июля 200 года, 01.48.*

Наверное, это как-нибудь объяснимо с точки зрения психологии и какой-нибудь там физиологии, но едва они нашли новое место для стоянки, возле начала распадка, у устья ручья, едва перекусили концентратами из «аспирантского» мешка, как Маша тут же провалилась в глубокий, спокойный, прямо-таки младенческий сон, словно не она только что едва не погибла от заточки накаченного наркотиком уркагана. У троих же оставшихся сидеть возле костра беглецов сна не было ни в одном глазу. Хотя поспать ох как не мешало – учитывая, сколько им ещё предстоит топать до станции.

Над ручьём стлался туман, мерно клокотал далёкий лягушачий хор, изредка взбулькивала рыба. В таёжной чаще давешний ручеёк теснился в обрывистых берегах, временами превращаясь чуть ли не в речку; нырял под коряги, подмывал корни вековых елей, разделялся мизерными островками на микроскопические протоки, закручивался водоворотами.

Гена и Гриневский говорили по очереди – сначала неохотно, но когда поняли, что только совместно могут нарисовать общую картину, то разошлись, дополняя друг друга и уточняя детали. Карташ же всё больше слушал – и в голове его наконец стала выстраиваться та самая мозаика, стройная, в которую вписывались все загадки, странные события последнего года и необъяснимые, на первый взгляд, факты.

В самом деле, не было никакой соболиной фермы в Шаманкиной мари. А есть там нелегальный платиновый прииск – по отрывочным сведениям, неимоверно, несказанно богатый.

Кто и когда его открыл – неизвестно, однако достоверно, что он вовсю разрабатывался до самого недавнего времени. Платина превращалась в доллары, доллары уходили за бугор и там оседали – непонятно на чьих счетах.

А вкалывают на прииске рабы. Иначе говоря, примитивно похищаемый по окрестным городам и весям рабочий материал – мужчины, женщины, подростки – желательно из тех слоёв населения, кого не кинуться разыскивать с собаками и вертолётами, но который способен к физическому труду. Материал сей эксплуатируется на выработке до полного износа, а затем уничтожается. Просто, дёшево и удобно.

Но никакая тайна не может храниться вечно – и о почему-то неподконтрольном ему прииске узнал некто Пугач. И, разумеется, тут же решил прибрать его к рукам, потому как непорядок. Однако не на тех нарвался: когда Пугач, под видом богатенького буратины-бизнесмена, вышел на контакт с владельцами прииска – дескать, берите меня в долю, не то хуже будет, – те просто-напросто его завалили… Точнее, завалили бы, не случись в ненужное время и в ненужном месте некий доброхотный таксист Петя Гриневский, который и отволок истекающего кровью папика в больницу…

Однако и хозяева прииска не знали, с кем имеют дело. Получив столь недвусмысленный отказ, Пугач, что называется, завёлся. И решил костьми лечь, но прииск захапать. Тем более, шантарский сходняк его поддержал – конечно, такие деньги… Какими путями Пугач вышел на Шаманкину марь, как узнал, что именно здесь в землю зарыты миллионы, с этим ещё предстоит разобраться, но факт остаётся фактом: он задумал операцию столь же наглую, сколь и простую – но, как обычно в истории и случается, именно поэтому имеющую все шансы на успех.

Не так далеко от Шаманкиной мари расположена крохотная, тихая зона, где отсиживают своё урки

мелкого и среднего звена, причём местного значения. И вот Пугач садится, набирает из среды контингента боевой отряд – как совершенно справедливо выразился гражданин Таксист, «уголовный спецназ», – завозит в лагерь взрывчатку, оружие, наркотики (это очень, чрезвычайно дорого провернуть, но дело того стоит, хотя много ввозить, на самом деле, не надо, главная захоронка со снаряжением и оружием находится в тайге, неподалёку) и уходит в рывок, имея целью перекрошить в капусту персонал прииска, захватить вертолёт, прилетающий за грузом, и смыться…

Но.

Московский ОБЭП при поддержке Шантарского ФСБ тоже давно искали подходы к прииску. И тоже кое в чём преуспели – хотя и отставали от угловых на несколько корпусов. Им неизвестно было, ни где находится прииск, ни как туда пробраться – по возможности без стрельбы, ни кто стоит за всем этим, кто управляет и дёргает за ниточки. Для ответа на первые два вопроса, и был взят в разработку охотник Егор Дорофеев. Который, кстати, как выяснилось позже, работал на два фронта – собственно на ФСБ и на некоего никому неизвестного старшего лейтенанта ВВ Алексея Карташа, который, в свою очередь, тоже зело прииском интересуется. Так родилась встречная операция: использовать и охотника, и Карташа втёмную добраться до загадочного прииска и при этом не спугнуть его хозяев.

Однако Дорофеев погибает. А по некоторым сведениям, прииск уже выработан до донышка и его собираются закрывать, буквально со дня надень, вертолётом вывезут последнюю партию платины, место зачистят и никаких концов не остаётся. Ищи ветра в поле. Вот и пришлось частично перед старлеем раскрыться…

** * **

– Так за что же всё-таки убили Егорку? – спросил Алексей после длительной паузы. Голова пухла от обилия информации.

Значит, что же это получается, значит, Маша была с ним по заданию ФСБ – и только?.. Твою мать…

– А вот за это убили, – «археолог» полез в карман, достал сложенный вчетверо листок бумаги. – Это карта: где конкретно расположена Шаманкина марь, как обойти внешний периметр колючки, как проникнуть со стороны кряжа…

Других путей нет, только по кряжу – вокруг топь, тропы не существует… Дорофеев, шельмец, нарисовал две карты, одну послал нам, вторую собирался отдать тебе. Но не успел. Кто-то его зарезал.

– Кто?

«Археолог» понуро пожал плечами.

– Я не успел выяснить. Слишком быстро всё началось…

«Подарочек для тебя имеется, – как наяву услышал Алексей голос Егорки Дорофеева. – Сам сделал, вот этими вот руками. Лучше всяких зарубок…»

Прошептал потрясённо:

– Карта… – и вдруг почти крикнул:

– Так! Минутку! Карта, етить её дрыном… От я ж кретин, а!.. – Он судорожно зашарил в потайном кармане, выудил полётную карту, найденную им во время шмона и уже напрочь позабытую, и резко сунул её под нос Гриневскому. – Не нашли. Шуруп со товарищи, искать не умеют… Твоё, сволочь?!

Таксист молча кивнул.

– Ты же рассказывал раненому Пугачу, что был вертолётчиком, там, в такси, как я сразу не допетрил! Поэтому он тебя в свой спецназ и определил, когда встретил на зоне! И это твоя карта, по ней ты должен был вывозить Пугача с грузом из Шаманкиной мари! Так?! Говори, падаль!

– Так! – выкрикнул тот нисколько не тише. – Да, Пугач сказал, что я должен буду вести вертолёт, а что или кто будет в вертолёте, об этом мне знать не положено! Ясно? И я перед тобой отчитываться не должен, у меня свой опер есть!

– Тихо! – рявкнул «археолог». – Ну-ка дай сюда. – Он буквально выхватил карту из рук Алексея.

Но тот уже успокоился. Неконтролируемая вспышка агрессии, только и всего. Просто ещё один элементик головоломки встал на своё место. Только и всего…

– Значит, у Пугача теперь нет лётчика, – сказал он. И хмыкнул:

– Вот бедолага – устроить такое шоу и оказаться с носом…

– Вряд ли, – возразил Гена. – Пугач не такой дурак, чтобы не перестраховаться. В этом его спецназе наверняка есть дублёр – как есть дублёры и всех прочих необходимых ему в деле бойцов…

– Ясно. – Алексей хлопнул себя по колену. – С этим вопросов больше нет. А теперь отвечай прямо. Ежели это операция ФСБ, секретная операция… так какого ж лешего ты нам – вэвэшнику и уголовнику – всё про неё выложил?!

И Гена вдруг запнулся, низко опустил голову.

– А я могу тебе ответить, – победно продолжал Карташ. – И мой тебе ещё один вопрос: а что в таком случае с Машей будет?

– Таксист её выведет к станции, всё расскажет, она подтвердит… – глухо ответил «археолог», глядя в огонь. – Если… если с нами что-нибудь случится, то информация через Таксиста попадёт, куда надо. – Он вдруг резко вскинул взгляд, посмотрел прямо в глаза Карташу – как тогда, во время первой вербовки. – Ты понимаешь, что мы должны остановить вывоз платины?! Вертолёт заберёт её – и всё! И никаких концов! А я один не справлюсь. Слишком внезапно всё получилось – я не успел подать сигнал, сообщить…

– Значит, я опять угадал, – удовлетворённо хмыкнул Алексей. – Ай да Карташ, ай да сукин сын… Ты хочешь, чтобы я пошёл с тобой и помешал вывозу. Взорвал вертолёт, перестрелял охранников на прииске, поубивал этот спецназ уркаганский. Да?

Гена молчал, но взгляд не отводил.

– И ты за это орден хочешь получить, что ли?

– У меня нет другого выхода. Это дело чести, – сказал «археолог». – Не знаю, поймёшь ли ты… Но я пойду туда и сделаю всё, чтобы платина досталась только государству. Пойду с тобой или без тебя.

– Я тоже пойду туда.

Они синхронно обернулись. Маша уже не спала, сидела на лапнике и внимательно слушала.

– Мария Александровна… – начал было Гена, но «хозяева» дочь его перебила, ответила в тон:

– Это дело чести. Я пойду туда и убью того, из-за кого погиб мой отец. Пойду с вами обоими или без вас… Меньше надо было орать, разбудили.

– А я, значит, один пешедралом на станцию? – хохотнул Гриневский и яростно почесал темечко. – Не, братва, не прокатит. Я с вами. Если победим, то мне, глядишь, и амнистия будет – за спасение платинового запаса родины…

– Маша, – просительно сказал Алексей, – Ма-аша! Я же ещё не решил. Я вообще никуда не пойду – с одним «макаркой» под пулемёты лезть!

– Ну, положим, не с одним «макаркой»… – «археолог» задумчиво посмотрел на свой вещмешок. – Найдутся игрушки и для каждой Марфушки.

– А я пойду – Она упрямо тряхнула чёлкой.

– Без карты?

– Без карты.

И Карташ вдруг захохотал – оглушительно, на весь лес.

– Такого приключения я на свою жопу ещё не искал, – простонал он сквозь слёзы. – Даже и вообразить себе не мог. Ну и команда спасателей подобралась – вэвэшник, кагэбэшник, дочка «хозяина» зоны и беглый уголовник с этой же зоны!..

*** * * ***

В общем, можно сказать, что им пока фартило изо всех сил. У Гены-псевдоархеолога в вещмешке обнаружилось масса полезных штуковин – начиная от репеллента против комарья и гнуса, походного складного топорика и саморазогревающихся консервов (поворачиваешь крышечку, в банке что-то шипит по-змеиному, и пышущий паром, например, гуляш – готов) и заканчивая прибором ночного видения, двумя бесшумными пистолетами 6П9, пятью светошумовыми гранатами «Заря» и даже СВУ-АС в количестве одной штуки – снайперским автоматом с дальностью аж до трехсот метров, который Карташ прежде видел только на картинках в методичках ДСП. Коньячку не было.

– Мы сейчас здесь, – на ходу ткнул Гена в карту покойного Дорофеева. Они двигались цепочкой по дну глубокого песчаного оврага, стены которого были, как очередями из крупнокалиберного пулемёта, истыканы стрижиными гнёздами. Спасибо Егорке, толковую карту нарисовал – с указанием вовсе уж непроходимых участков, окольных путей и достопримечательностей вроде скального отрога или исполинского кедра на верхушке сопки – для пущей ориентации. – А Шаманкина марь – вот она. Нашими темпами дня два пути…

– Ну и дальше что? – спросил Алексей, косясь на карту.

– Ввяжемся в бой – а там посмотрим, – уверенно сказал Гена. Помолчал и добавил:

– Главное – не дать им увезти платину. А уж как сообщить своим, я придумаю, не боись…

– Если «уголки» нас не опередят.

– А вот тут уж – на всё воля аллаха. Но не должны: им ещё вертолёта ждать.

Алексей вздохнул. Искала его деятельная натура приложения сил – и вот пожалте, нашла…

Нет, ему по-прежнему не было страшно, скорее просто интересно, жутко интересно… однако, господа офицеры, ежели рассуждать здраво, то ничем иным, кроме как глупостью, безрассудством и самоубийством, их поход назвать нельзя. Трое мужиков, не считая девки, – против вооружённой охраны прииска, против уголовного спецназа! А ещё и девку под пули подставляем… Он посмотрел на спутников.

Машка, вот же зверь-баба, шла вперёд как заведённая, упрямо прикусив губу и глядя прямо перед собой из-под сведённых бровей. Гриневский же, шалопай уркаганский, двигался вроде как даже весело – отгонял комаров веточкой и радостно щурился на солнце. Ну да, ну да, почуял свободу – да ещё и возможность искупить вину перед обществом опять же…

К вечеру небо затянуло тучами, стал накрапывать мелкий дождик – бесконечный, как тайга, и унылый, как пеший переход по ней. Быстро темнело.

– Стоп, – сказал наконец Гена и шумно перевёл дух. Потянулся, сбрасывая с плеч рюкзачок, – дальше не пойдём, промокнем на фиг…

– Смотрите! – Маша вдруг вытянула руку, указывая на бурелом слева по курсу.

Алексей вгляделся. И впрямь: за серыми нагромождениями поваленных деревьев отчётливо угадывался тёмный силуэт, напоминающий косо воткнутый в землю крест. Причём явно сие было человеческих рук творение – уж слишком правильных форм.

– Что это, как думаете? – отчего-то шёпотом спросила Маша.

«Аспирант» же молча достал топорик и двинулся к бурелому. Карташ пожал плечами и пошёл следом…

Самолёт.

Алексей сунул сигарету между губ, прикурил со второй попытки – пальцы дрожали, всё ж таки давненько он не ходил в столь длительные пешие прогулки…

Крошечный двухмоторый «ан», свалившийся посреди тайги неведомо когда и неведомо по какой причине – но, судя по всему, очень давно. Борта проржавели, сквозь фюзеляж проросли крепкие осинки и прочие лопухи. Дверь нехотя подалась, когда Гриневский потянул за ручку, – и вдруг с шумом отвалилась, упала на жухлую листву, разбрызгивая дождевые капли, как крышка гроба. А в кабине… Маша испуганно ойкнула, даже Алексею на миг стало не по себе – в кабине, на истлевшем кресле первого пилота, сидел натуральный скелет и таращился на незваных гостей пустыми глазницами. Ухмылялся приоткрытым ртом. Правая костяная рука лежала на колене, прихлопнув ржавый пистолет – «ТТ», машинально определил Карташ.

Второе кресло пустовало.

– Однако, – негромко прокомментировал Геннадий. – Чего только в тайге не найдёшь…

Он потыкал носком сапога порог – не провалится ли – осторожно поднялся и скрылся в салоне. Самолёт качнулся со скорбным скрипом.

– Там змеи могут быть, господин археолог! – запоздало предупредил Карташ. И добавил вполголоса:

– Любят они такие укрытия…

– Гляди-ка, начальник, – Гриневский аккуратно, чтобы не потревожить кости, колупнул пальцем обшивку кресла под черепом, и на ладонь ему упала какая-то металлическая хреновинка. – А здесь весело было…

Алексей наклонился поближе. Пуля. Пистолетная пуля, немного деформированная… И только теперь он заметил, что в отвалившейся дверце имеют место несколько аккуратных дырочек. Стреляли явно снаружи.

– Чудны дела твои, господи, – в кабине показался «аспирант» с расползающимся от дряхлости холщовым мешком, спрыгнул вниз, бухнул мешок на землю.

Мешок развалился окончательно, и на прелую хвою веером разлетелись пачки красных купюр в банковской упаковке. Старые «червонцы».

– И таким добром там – весь салон набит, – сообщил «археолог», отряхивая ладони.

– Мама моя, – Маша наклонилась, осторожно взяла пачку, – это сколько ж здесь?

– Старыми – миллиона на два, – усмехнулся Гена, – а по нынешним временам – даже на антиквариат не сгодятся. Гнилые к тому же…

– Интересное кино… – Алексей поднял воротник бушлата. – Что ж его, самолёт этот, получается, сбили?

– Не факт, – возразил Гриневский. – Мог и сам шмякнуться. А мог и напарничек этого, костлявого, принудить сесть. Второе-то кресло ведь пустует, а по одному никто не летает…

– А почему тогда второй деньги не забрал? – тихо спросила Маша.

Таксист пожал плечами.

– Всяко могло быть, – философски ответил за него Геннадий. – Друг друга постреляли, а второй снаружи был, его тело зверьё потом растащило… А могли и местные, какие-нибудь мимо проходящие охотники услышать, что самолёт упал – да и поспешили на помощь, с ружьями да рогатинами. А что такого, пилотов в расход, деньги, естественно, себе, а тайга – она всё спишет… В те годы старатели по государственным золотым приискам знаете сколько зарабатывали? А ежели одному такое богатство? Да вот что-то не срослось…

– В общем, тёмная история, – подытожил Алексей.

– Так где ночевать будем? – подал голос Гриневский. – Дождик усиливается.

– А можно прямо тут, под фюзеляжем. Сухо и бумажек много, на костёр хватит до утра, – сказал «археолог».

– Вот уж нет, – решительно заявила Маша. – Ещё рухнет на нас такая махина… Да и рядом со скелетом что-то не хочется ночевать.

– Тоже верно, – сказал Карташ. – Предлагаю денежек набрать, сколько унесём, и передислоцироваться вон туда – там как будто скальный уступ виднеется, под ним и переждём…

– Такие деньжищи – и только на растопку, – покачал головой Гриневский. Цыкнул зубом:

– И впрямь, гражданин «аспирант», – чудны дела твои, господи…

К счастью, дождь закончился к полуночи.

***

– Люди!

Когда за сотни вёрст от жилья слышишь человечий голос, то реакции могут быть самые различные – от буйной радости до леденящего страха. Всё зависит от того, насколько желательна тебе самому встреча с другим человеком. Как это ни странно, большинство из тех людей, что бродят по тайге, вовсе не жаждут встреч с себе подобными.

Крик донёсся из оврага, мимо которого они проходили.

– Падай! – выпалил Гена и первым рухнул на землю, одновременно сбрасывая с плеча автомат.

Карташ прыгнул к замешкавшейся Маше, обхватил её за талию, завалил за осину и сам упал рядом.

В них никто не стрелял. В общем-то, трудно ожидать, что сначала предупредят окриком, а потом начнут садить из всех стволов. Это надо чтобы враги были или очень благородные или очень дурные. Однако ежели в экстренных ситуациях будешь сперва рассуждать, а потом уж действовать, долгожителем не станешь. Лучше повиноваться рефлексам, лучше перебдеть. И плевать, что глупо и смешно они выглядят

в чьих-то глазах… Зато поживут ещё, даст бог.

Рассмотрев же сверху окликнувшего их человека, они переглянулись и стали спускаться по склону оврага – совершенно безбоязненно.

Дед, этакий таёжный Берендей, идиллически восседал под елью. Возле его ног, обутых в самые натуральные лапти, валялся латаный-перелатаный «сидор», пустой, судя по виду. Совершенно белая борода топорщилась клочьями, на плечи свисали такие же белые, длинные волосы. Кожа – дублёная, коричневая, как сосновая кора, кожа человека, живущего под открытым небом. А морщин на лице, наверное, столько же, сколько и лет ему самому – огромное, в общем, множество. Головной убор старика напомнил Карташу иллюстрации в книге о Робинзоне Крузо – в такой, с позволения сказать, шапке обычно изображался популярный островной сиделец. Тело дедка прикрывало невообразимое рубище – то ли остатки какого-то кафтана, то ли кафтан, пошитый из остатков всего на свете.

– Ты кто, отец? – спросил Геннадий, присаживаясь напротив деда на небольшой выворотень. Автомат «археолог» перевесил на грудь.

Дед приоткрыл совершенно беззубый рот, прошамкал:

– Человек божьего мира, как и всяк. А наречён Силантием, по отчеству Петрович. Ваших имён не спрошу, не запомню. Памятью худ стал. Ранешнее помню, а новое проваливается, как сквозь сито…

– Сколько ж вам лет, дедушка? – Маша во все глаза пялилась на диковинного старца.

– Одному богу ведомо. К чему считать? Проживу, сколько положил господь, а больше мне не надо. Но, вестимо, к закату идёт. Ноги отказали. Потому и позвал вас. Самому, чую, до дому не дойти.

Дед говорил странно, словно спотыкаясь в конце каждого слова. Но какое-то спокойствие исходило от его слов и от него самого – такое исходит от реки утренней порой вместе с поднимающейся над водой дымкой и поразительным затишьем всей природы.

– И откуда сам будешь? – Воспользовавшись внеплановым привалом, Гриневский закурил.

– Здесь живу.

И тут Карташа осенила догадка:

– Уж не из раскольников ли, отец?

– По разному нас величают. Двоеперстцами тож. От никонианцев скверна идёт. Мы-то люди праведной веры. Оттого и гонимы. С протопопа Аввакума горе мыкаем…

Значит, не все байки врут. Выходит, и вправду обитают в болотах раскольники…

– А где твои…

«Как же их назвать, – Карташ не мог подыскать подходящего слова, – единоверцы, сородичи, что ли…»

– …ну, братья и сёстры?

– Померли все. Один я остался. Доживаю-от. Уж недолго ждать.

Геннадий расстегнул рюкзак, достал карту, положил дедку на колени.

– Карту читать умеешь, отец?

– Не обучены. Грамоту раньше знал, а теперь не ведаю. Глаза давно мелкоту не различают.

– Ясно, – «археолог» карту убрал. – Ну чего, попробуем подняться, отец.

– Да уж пытал. Ноги не держат.

Но всё-таки Геннадий приподнял старика, ухватив под мышки. И убедился, что ничего не выходит.

– Не держат, сынок, я ж говорю, – дедок покосился на сигарету Гриневского, насупил брови. – Зелье греховное потребляешь. Дым люб сатане, потому и ад утопает в дыму.

– Эх, отец, – вздохнул Гриневский, – если такие пустяки признавать грехами, то праведников вообще на земле не отыщется. И царствию небесному пустовать придётся.

– А Сатана помалу в нас проникает, – не задумываясь, сообщил старец. – Сперва одну щупальцу запустит, ухватится, потом другую, а потом ты уж и заметишь, как весь его…

Пока дед с Гриневским спорили о смертных грехах, Гена отвёл Карташа в сторону.

– Ты понимаешь, что нельзя с ним возиться?

– Бросить помирать?

– А что ты предлагаешь? Оставим еды и воды.

Может, посидит и отойдёт. Могу вколоть ему препаратец под названием «Прилив»… Только сомневаюсь, что подействует.

– Погоди-ка.

Карташ, в отличие от «аспиранта», знал и помнил местные байки. И если одна оказалась правдой, то почему бы и другой к ней не присоединиться?.. Старлей вернулся к раскольнику.

– Скажи, отец, ты здешние болота хорошо знаешь?

В ответ прозвучал короткий старческий смешок, похожий на кашель.

– Средь них жизнь прожил, как не знать.

– Самолёт упавший встречал?

– Ероплан-то? А то. Давно тут лежит, за грехи был с небес свергнут.

– Ну уж у самолёта-то какие грехи? – устало, как учительница у тупого второгодника, спросил Гриневский.

– Так ведь деньги – грех, – назидательно сказал старик.

Карташ оттеснил настырного Таксиста в сторонку:

– С этим понятно. А известен ли тебе… как бы его назвать… остров, который почти со всех сторон окружён болотами?

– Так то ты про Вороний Глаз говоришь, – кивнул старик.

– Ты там бывал? – быстро спросил Геннадий.

– Захаживал по молодости. Потом уже нет. С тех пор, как на Вороньём Глазу нехристи поселились.

– А когда они там появились?

– Не помню, сынок, – развёл руками дед. – Годы сливаются в один поток, как ручьи в реке. И уже не разобрать, когда и откуда что влилось.

– В какой стороне твой… дом, отец? – спросил Алексей.

Старец уверенно указал направление морщинистой ладонью.

– Там же сплошные болота, – задумчиво проговорил «археолог».

– Не одни болотины, сынок, не одни. Язык человечий привык одним вымахом все крошки слизывать. Он и веру христову одним словом величает, будто разницы нет. А ты плод яблоко возьми, вглядись. Не одна мяготь в нём. Есть червоточины, есть черви, мяготь грызущие…

– Ты погоди про веру, давай с болотами закончим, – Гена, прищурившись, посмотрел на карту, раздражённо пожал плечами и карту спрятал. – Я не могу в толк взять, вы что, на топях живёте?

– Не живём. Один я, говорю, век доживаю.

И не на топях, а на тверди. Там край низкий, однако ж тверди хватает, хотя и затеряна в болотине, лежит гривами, одна грива больше, другая меньше, третья совсем крохотная.

– И сколько идти до твоего обиталища?

– Лесным шагом к сумеркам окажешься.

Ежели ходко двигаться, то раньше.

– То есть часа полтора-два, – Гена посмотрел на часы.

– А как ты до Вороньего Глаза ходил, отец? – осторожно спросил Алексей. – В обход или по болоту?

– По болотине ходил.

– И… можно сейчас напрямки по болотине пройти к этому Вороньему Глазу?

– Чего ж нельзя, когда можно, – усмехнулся старец. – Тропка-то помечена. Главное, выход на неё найти, а там иди от вешки к вешке, и пройдёшь. Эх, сынки… Понимаю, что недалече уж отход. Однако душе – ей не всё равно, где с телом расставаться. Одно в лесу, как зверю какому, другое помереть в своём доме, под иконами.

– Ну-ка покажи свою карту, – Карташ, отобрав у Геннадия бумагу Дорофеева, отошёл с ней на пару шагов, присел на выворотень. «Археолог» примостился рядом. – Вот примерно, где его обиталище, а вот где прииск. До дедовского жилища около трех километров. Если всё так, как он говорит, то что мы имеем? Отсюда в обход болота – до прииска крюк километров в двенадцать. А напрямую всего пять.

– Да. Но пять по трясине. А это всё равно что десять по суше…

– Твёрдая земля тоже не всегда быстро носит, – негромко сказал Карташ. – Завалы, заросли, овраги, прочая хренотень. И потом, Гена… Мы выйдем оттуда, где нас никто не будет ждать. Главное, мы минуем известные и неизвестные препятствия. Ты уверен, что кроме колючки нет никаких иных сюрпризов? Можешь гарантировать, что уголовный спецназ не прибавит к уже имеющимся закладкам свои собственные? В одну «растяжку» мы уже чуть было не вляпались. И «растяжка» – это не самое поганое из того, что они могут подсунуть. Так что мы всё равно будем каждый шаг как по минному полю делать, а это скорости не прибавит…

– Да, резон имеется… Имеется, – Гена задумчиво почесал переносицу. – Старичок лёгкий, сухонький. Килограммов пятьдесят от силы. Три километра на закукорках по очереди… Не должны выдохнуться…

– К тому же, – усмехнулся Алексей, – богоугодное дело делаем, господин аспирант. Грехов на нас и так хватает, глядишь, потом и зачтётся при подсчёте…

** * **

Переход занял полтора часа. Старика, как и договорились, по очереди несли на себе Гриневский, Карташ и Гена-«археолог». Ноша не слишком обременяла, дедок весил немного, да и менялись они, чтоб уж точно не устать, через каждые четверть часа.

Это путешествие с дедом на закорках напоминало какую-то народную сказку – то ли про горе-злосчастье, то ли про лихо одноглазое. Весь фольклорный антураж был соблюдён скрупулезнейше: тёмный лес, уханье филина и бравый солдат прёт на себе через леса лесного старикана. Ещё только не хватало, чтоб дед и впрямь оказался лихом одноглазым. Вот заведёт в гиблое место, растает в воздухе под сатанинский хохот, а ты ходи заколдованными кругами вокруг одного и того же места и отбивайся от наседающей нечисти…

Но какая бы романтика в народных кафтанах не лезла Алексею на ум, её сметала неумолимая проза: в нос шибал пот немытого старческого тела, чесались комариные укусы на шее и на руках, над людьми вились голодные рои гнуса, гудели ноги, покалывало в правом боку, да и примитивно хотелось жрать.

Они спустились в низину. Под ногами запружинил мох, идти стало труднее, запахло прелыми листьями и сырой мшиной. Пошёл чахлый березняк – верное свидетельство того, что болото близко. А вот и захлюпало под ногами, между кочками травы показались лужицы «ржавой» воды с торчащими пучками жёсткой, мерзко шуршащей осоки. Ничего удивительного, что за много лет никто не натолкнулся на раскольничью берлогу – поди тут натолкнись, когда на десятки километров протянулся однообразный, как рельсовый путь, болотный пейзаж, поди тут сообрази, где надо сворачивать к какой-то там заимке – про то ведь указатели не поставлены и путеводные маячки не мигают… А тем более без большой нужды люди сюда не ходят. Опытный таёжник в болото и не сунется, а неопытные в такую таёжную даль забредают раз в сто лет. К тому же таёжный люд вообще предпочитал избегать этих сомнительных мест, особенно в последние годы. Тайга большая, есть где погулять и без этих болотин…

Дошли.

Собственно по болотине пришлось топать совсем немного, только до первой гривы. Затем уже перебирались с гривы на гриву, следуя указаниям старика. Грива – одно из слов, которыми старший лейтенант Карташ обогатил свой лексикон за время пармской ссылки: так в Сибири называют лесистые островки твёрдой земли посреди трясин… Теперь остаётся лишь уповать на то, что все эти словечки вроде «шишковать», «ломать жадеит», «грива» в дальнейшем по жизни напрочь не пригодятся…

Острова – пардон, гривы – тут располагались близко одна от другой, видимо, раньше они составляли один большой остров, со временем погрузившийся в болотную воду. Пришлось одолеть шесть или семь грив, пока не достигли нужной.

Карташ сперва дёргался, вспоминая охотничьи истории про то, что, дескать, на гривах, если вокруг них болото не слишком топкое, любит сшиваться разный зверь, в том числе и медведь.

Опытный, опять же, таёжник на гриву не сунется, если нет в том большой надобности, потому как ни к чему ему нежданные встречи с туманным исходом.

Однако кроме разноголосой птичьей сволочи никто им на островах не попался.

Углядеть жилище или иные признаки человеческого присутствия можно было, только ступив на тот самый обитаемый остров, что стал для раскольничьей семьи прибежищем и домом на долгие годы.

Повесть о том, как советская семья очутилась в лесах, старик Силантий им уже рассказал. На это ему хватило одного короткого привала.

Ушли они с женой в леса «аккурат в тот год, когда деньги меняли» (из чего слушателям не составило труда догадаться, что в шестьдесят первом). До того оба, то есть сам Силантий и его жена, проживали в посёлке Вычуга, что на берегу Шантары, и оба происходили из староверовских семей. Их поженили самым домостроевским образом – родительским выбором и родительской волей. Вопреки расхожим представлениям о непрочности подобных семей, они с женой жили в любви и согласии, душа, что

называется, в душу.

Может быть, благодаря общей вере. Вот только детей им бог не давал.

Обоим было уже за тридцать, когда жена Силантия уверовала в то, что причина их бездетности – совокупный людской грех, в окружении которого они вынуждены жить. Безбожие, пьянство, разврат и всё такое прочее. И жена заразила своей верой мужа. Она же настояла на необходимости укрыться от греховной суеты, остаться наедине друг с другом в тишине и чистоте нетронутого божьего мира – за что Господь несомненно одарит их ребёнком. А дитё, когда вырастет, само решит, где ему жить.

Однако детей бог им так и не дал.

Но они прижились в тайге и возвращаться не стали. Да и не тянуло их к людям, пусть это и покажется странным. Напрочь не тянуло. Им было хорошо вдвоём… Может быть, даже слишком хорошо им было без людей, за эту гордыню господь их и наказал, не дав ребёночка. И особо господь наказал Силантия, забрав жену на небеса, а его оставив в одиночестве дожидаться своего последнего земного часа.

Почему в тот далёкий год они направились сюда? В староверских преданиях часто упоминаются здешние края. Говорят, что в этих болотах, начиная с петровских времён, старообрядцы не раз находили укрытие в те годины, когда власть учиняла гонения на праведную веру.

А именно эту гриву, сказал Силантий, крестясь двумя перстами, им с женой указал господь.

Будто взял за руку и провёл через болота. А когда ступили они на эту твердь, словно кто-то сверху шепнул, мол, оставайтесь тут, стройтесь и живите в спокойствии. Ну, в общем грех жаловаться, прожили в спокойствии.

Сейчас Карташ с любопытством оглядывал места добровольного таёжного заточения. На поляне, находящейся точно по центру острова, стоят две избы. Одна поменьше (это чёрная баня, объяснил старик Силантий), вторая побольше. Других отличий между ними не заметно. Тёмные брёвна сруба, проложенные мхом, крыша сделана из плах, по одному узенькому оконцу. Между изб рос толстоствольный кедр.

Наверное, из его собратьев, росших на острове, и изготовили сорок лет назад эти срубы.

Старика внесли в избу, положили на полати под закопчёнными иконами.

Алексей огляделся. Было заметно, что сейчас здесь не живут, а доживают. Запах плесени. Кругом пыль и паутина. Какое-то тряпьё в углу. На столе две деревянные миски, одна алюминиевая. Последняя, думается, принесена из прежней жизни – вместе с немногим прочим скарбом, захваченными в дорогу.

– Пойду взгляну на баньку, – сказал Геннадий, – в ней же ночевать придётся.

Гриневский сел на пенёк, стоявший рядом с лежанкой и служивший здесь стулом. Карташ пристроился на таком же пеньке возле стола.

Маша заинтересованно рассматривала иконы, на которых мало что можно было разобрать, настолько они были закопчены.

– Я ведь ведал там в лесу, что бог пришлёт мне добрых людей, – прошамкал Силантий.

– То есть как? – удивился Гриневский.

– Я бога просьбами зря не тревожил. А попросил единый раз сего дни: «Дай в собственном доме помереть». И знал, что сполнит он ту мою просьбу, потому как жизнью своей я то заслужил. Оттого вы и не прошли мимо. А думали, что случай.

– Так получается, случайностей вообще нет в природе? – чтобы не молчать, поинтересовался Алексей, с любопытством разглядывая муравьёв, вольготно бегающих по столу.

– В божьем мире, сынок, налажен порядок и всему положен свой срок. Солнце всходит всегда там, где ему положено. Трава растёт весной, а осенью усыхает. Твари божьи, бессловесные, тоже тому порядку подчиняются… И коли ты порядок тот понимаешь и принимаешь, то живётся тебе легко и помирается легко. А коли ты пьёшь, сквернословишь или вот дым через рот пускаешь, то тем заслоняешь от себя божий мир и отдаляешь себя от Бога, приближая к Сатане.

И помирать тяжелее, оттого что на душе грехи висят, как кандалы на каторжанине. Так вот случай – это божий подсчёт твоих дел на сей час.

Поможет он тебе или отвернётся, и ты останешься один, а то и вовсе в дружбе с Сатаной.

– Вы хотите сказать, дедушка, что мы, допустим, согрешили, – Маша озорно стрельнула глазками на Карташа, – и теперь бог от нас отвернётся?

– Он совсем отвернётся, когда от грехов душа твоя черна станет. А так лишь не поможет тебе, когда другому бы помог.

– Дедушка, а нечистая сила здесь водится? – Маша отвела взгляд от толстой пыльной книги, которую держала в руках.

– Тьфу на тебя! Нашла о чём думать! Выкини из головы нечисть. И запомни. Нет ей хода туда, где крест, вера и праведная сила…

От долгого говорения дед заметно притомился. А его ещё было о чём порасспрошать. Карташ поднялся, жестом остановил Машу, которая готова была пристать к старичку с новыми вопросами, подошёл к лежанке и присел на край.

– Расскажи, отец, как через болото пройти? Как найти завтра поутру твои ветки? Какие там метки, кстати?

– Вешки, сынок. Найдёте. Чую, угодное дело делаете, вот Господь нас и свёл. Всё расскажу.

Найти просто. Вот послушай…

*** * * ***

…Опять не спалось – да что ты будешь делать! То ли это выброс адреналина такой мощный… то ли мерзавец от археологии подсыпал в жратву какую-то дрянь. Только-только начинало светать, и сквозь щели в ставнях сочился мутный серый свет. Оттого предметы обстановки в комнате казались зыбкими, нереальными: стол с остатками ужина, пни заместо табуретов.

Он опустил ноги на вязаный коврик, встал, зашлёпал босыми ступнями к выходу. В сенях снял с гвоздя бушлат, снял с входной двери тяжёлый брус засова, на крыльце вдохнул всей грудью сырой рассветный воздух. Заря ещё не успела хорошенько заняться над лесом, западный окоем мигал последними гаснущими звёздами. Карташ спустился с крыльца и как был босой, в исподнем и накинутой на плечи куртке, сел на ступеньку, закурил.

Скрипнула дверь в баньке, тёмный силуэт скользнул вдоль стены избы, остановился неподалёку. Негромкой голос:

– Там, за банькой, чья-то могилка. Жены, наверное. Ухоженная… Разрешите присоединиться, товарищ старший лейтенант?

– Садитесь, товарищ контрразведчик.

Гена примостился рядом. Помолчали.

– А вот скажите мне, товарищ контрразведчик, почему меня не грохнули вслед за Дорофеевым?

Силуэт в полумраке пожал плечами.

– Но ведь пытались, да? Думаю, что просто на всякий случай, тем более вы сами в ловушку полезли. Вот если б им зачем-то понадобился ваш труп, вы бы трупом стали, не сомневайтесь. А так… Карта уже у них, вы её не видели – чего беспокоиться?.. Да и опоздали бы вы к головному разбору. Груз вот-вот вывезут, всё равно вы ничего сделать не сможете… Но тебя же не этот вопрос волнует, правда?

– Допустим.

– Слушай, – сказал «аспирант» решительно, без всякого перехода, – я вот что хотел… Понимаешь, мне нужна была Машка в посёлке. Посылать двух чужаков в Парму накануне изъятия – это слишком опасно, могли вспугнуть. Поэтому и поехала она. Топтунова мы убедили, что дочурка обязательно должна провести какое-то время в посёлке. Он сначала был наотрез – мол, на зоне неспокойно, но я обещал, что к зоне она и близко не подойдёт.

– Да уж, не подошла… – грустно усмехнулся Карташ.

– Не в том дело, – отмахнулся Гена. – Не придирайся к словам. Ты ведь думаешь, что мы её под тебя решили подложить – выпытать, что ты знаешь, что нет, так ведь?

– Так, – безразлично согласился Алексей.

– Ну так вот: не так. Можешь мне не верить. Я вообще могу тебе всего этого не рассказывать… Это Топтунов вдруг загорелся выдать её за тебя, такого всего красивого и московского. А нашей конторе на фиг не нужно подсовывать тебе начальникову дочку с целью извлечения информации, у нас другие агенты по этой части есть… А девка на тебя в самом деле запала, как специалист говорю. И без всякого нашего участия. Так что ты, сокол мой…

– Тихо! – Карташ схватил «археолога» за руку.

«Археолог» не подкачал – заткнулся мгновенно, как будто ему с размаху влепили кляп. Бесшумно сунул руку в карман куртки, Карташ услышал, как негромко щёлкнул предохранитель.

– Погоди ты стрелять…

– Бля, это ещё что…

– Ш-ш…

За банькой, на фоне серого предрассветного неба по-над серым клубящимся туманом медленно шла, нет, – плыла над самой землёй неясная фигура в чёрном, беспросветно чёрном плаще с надвинутым на самое лицо капюшоном.

И было столько жути, столько нечеловечности в ней, что Карташ буквально остолбенел. И, похоже, то же почувствовал и гэбист – они сидели неподвижно, не дыша, не моргая, даже не думая, хотя ясно было, что это не морок, не бесплотное привидение, потому как потревоженный туман медленно, будто нехотя завивался в спирали в её кильваторе… Они просто смотрели. А фигура – росту в ней было метра два не меньше, – проскользила к ельнику по левую руку от дома раскольника, на миг замешкалась… На уровне её груди возник вдруг синеватый огонёк, ровный и нереальный, как от лампы дневного света, но отчего-то глядеть на него было вовсе уж невмоготу, фигура склонилась к самой земле, опустила огонёк в туман, подержала малость и снова спрятала в складки одеяния.

Над болтами пронёсся негромкий, но полный столь невыразимой тоски стон, что захотелось завыть вместе с ночным гостем… Волосы на голове шевелились от ужаса. Между тем некто в плаще скользнул в ельник – и исчез с глаз долой. Не шелохнув веткой, не потревожив сучка.

Лицо Гены было мокрым от пота, хотя утренний холод к повышенному потоотделению никак не располагал.

– Фух… – шёпотом наконец выдохнул «археолог», вынул трясущуюся руку из кармана, в которой был зажат пистолет и тыльной стороной ладони провёл по лицу. – Вот же Хрень какая… Что это было, а?

– А я почём знаю, – сказал Карташ. Голос не слушался. Он достал сигарету, сломал случайно и в сердцах отбросил. – Было и сгинуло. Мало ли что в тайге бывает…

– Не-ет, ребяты, обратно в баньку я не пойду. Страшно до усрачки.

– Ну так в дом пошли. Надо бы поспать, чует моё сердце, тяжёлый день у нас будет.

– Да уж, уснёшь теперь…

Старик не спал, глядел в потолок и шевелил губами – не иначе, молился.

– Дед, – негромко позвал Алексей, чтобы Машу не разбудить… ну и чтобы лихо лесное не услышало.

– Никон это был, – преспокойно ответил Силантий. – По болоту шляется, чуть не кажную ночь ходит кругами, да приблизиться не может.

Гриневский, сволочь, мирно похрапывал на своём месте.

– Тот самый? – выдохнул Геннадий. – В жизни бы не поверил…

– А то кто ж! – старик говорил на полном серьёзе. – Он, антихрист. Сами ж его встретили. Ходит по топям, успокоения не находит. Три перста его десницы огнём горят. Он опускает их в болото, словно остудить хочет, ан нет ему избавления. Бог покарал… Ну чего встали? – вдруг повысил он голос. – Ложитесь давайте, вам в путь скоро.

Глава пятая.

Уголовный спецназ

30 июля 200 года, 8.45.*

Вышли, когда совсем рассвело, иначе вешек в темноте ни за что не углядели бы.

Утро выдалось как на заказ – тихое и тёплое.

В такое время хорошо на рыбалочке дожидаться первого клёва. Или хорошо, – если не сказать здорово, – просто спать в своей постели, сладко чмокая во сне. Короче говоря, хорошо всё, кроме разве как переть по болоту, отфыркиваясь от комарья, выискивая раскольничьи метки, прощупывая вагой дно перед каждым шагом.

Вот они как раз по болоту и пёрли.

Болото болоту рознь, это вам скажет любой мало-мальский грамотный в лесном отношении человек. Есть собственно болота, а есть топи.

Первые могут быть труднопроходимы, но, в общем-то, опасны лишь для совсем неумелых людей. Топи же непроходимы ни для кого… За исключением тех, кто знает тропку, если разумеется, эта тропка вообще существует в природе.

Они двигались по наихудшей из разновидностей болот – по гнилой трясине, состоявшей, казалось, из одних «окон». Что такое «окно», Карташ испытал на себе, когда оступился, соскользнул с кочки и бухнулся в чёрную стоячую воду.

Полное ощущение – под ним разверзлась бездна. Первобытный страх холодом разлился под кожей, когда Алексею представилось, что эта непроглядно-тёмная, мало напоминающая воду субстанция сомкнётся над головой.

Понятно, что выходя на болотину, они готовили себя к подобным сюрпризам. Поэтому действовали без суеты и паники: Карташ положил вагу поперёк «окна», ему бросили один конец заранее подготовленной верёвки, другой конец обмотали вокруг ближайшей чахлой берёзки. И он выбрался, можно сказать, отделавшись лишь лёгким испугом.

А самым тяжёлым испытанием для них стало одоление участка, который Алексей про себя окрестил «водяным матрацем». Полоса салатно-зелёного мха едва ли превышала в ширину сто метров, мох накрывал болотную воду ровным, без кочек и «окон», симпатичнейшим с виду ковром. Ковром, который гулял под ногами, как «водяной матрац» или как однослойное днище резиновой лодки. На каждом шагу нога проваливалась в мох, каждый раз проваливалось куда-то и сердце – а что, если этот покров прорвётся и прореха начнёт расползаться? Никакая вага с берёзками не спасут… Карташ невольно повторял про себя как заведённый: «Господи, если ты есть, не дай погибнуть так».

Пронесло.

Они прошли этот участок и продолжали путь – от вешки с истлевшим тряпичным лоскутом к другой такой же. Вешки отмечали, может быть, единственный проход через эти топи, представлявшим собой узкую, извилистую тропу из плотно сросшейся болотной травы.

Они добрались до Шаманкиной мари, или на раскольничий язык переводя, до Вороньего Глаза за два с небольшим часа. Довольно быстро добрались, если принять во внимание, какую полосу препятствий

пришлось одолевать. Карташ даже не поверил своим глазам, когда за сухими деревцами наконец показалась тёмно-зелёная лента нормальной тайги.

Десять минут молча переводили дух, сидя на твёрдой земле, рассматривали карту, устанавливая точное место выхода из болота.

– Вот мы и в Африке, – вдруг сказала Маша.

– В какой ещё Африке? – удивлённо спросил Карташ.

– Да вот привязались детские стишки. Всю дорогу покоя не давали. В Африке акулы, в Африке гориллы, в Африке большие злые крокодилы, будут вас кусать, бить и обижать, не ходите, дети, в Африку гулять…

– В зоне Африкой звали территорию за вторым бараком, – вспомнил Гриневский.

– Ладно, хорошо тут с вами калякать обо всём, но пора, – сказал Геннадий, поднимаясь. – Кстати, мне раз довелось побывать в этой вашей Африке. На сафари. В качестве как бы телоохраняющего сопровожденца одного нашего, отечественного босса, ныне закономерно покойного. Прелюбопытная история вышла в этой вашей Африке. Потом как-нибудь расскажу.

На разведку отправился «археолог» – как самый опытный в делах подобного рода.

Он вернулся через полчаса, усталый, грязный, но довольный, как шагающий экскаватор:

– Быстро их отыскал – двинулся на голоса и вышел куда надо. Гомонят на всю тайгу. Почти не скрываясь уже, гады… – Он перевёл дух, отхлебнул из фляжки. – Сворачиваются они там, ребята, вот и развили бурную деятельность. Таскают ящики, сматывают кабели, ямы какие-то закапывают. Я особо не вглядывался, так, отметил подходы, засёк, что где находится, и назад. Ну чего, двинули?

– Да передохни ты, – сказал Алексей. – Что там с нашими уголовными друзьями?

– Не попадались. Никаких следов их тайного присутствия не засёк. Но они уже должны быть где-то поблизости.

– Будем надеяться, и они тебя не засекли, – пробурчал Гриневский.

Гена вёл группу уже проверенным маршрутом. Несмотря на это, двигались они на пределе осторожности, старались как можно больше походить на бесплотные тени, скользящие над землёй, поставили на первое место не скорость передвижения, а его незаметность.

Они залегли за пригорком, расположившись так, чтобы солнце светило в спину и не бликовало на линзах бинокля. Тайный прииск отсюда просматривался во всей своей красе.

Обжитое пространство, размером с футбольное поле на краю скалистого островка… то есть полуостровка, поскольку примерно в километре от них Большую землю с полуостровом соединял невысокий, метров до пяти-семи кряж – этакая окаменелая щербатая челюсть доисторического чудовища. В щербинах буйствовали заросли. Другой край гряды исчезал под сосновыми каскадами на берегу.

– Наши уголовные, как ты выразился, друзья кряжем пойдут, – негромко сказал Гена, точно боясь, что его могут услышать. – Так что увидим, когда двинутся…

Алексей молча кивнул.

– Вышки нет, – заметила Маша. – Они что, не охраняют?

– Охраняют наверняка только кряж, – ответил Гена. – Вот там, я думаю, понаверчено и электроники, и секреток всяких. А со стороны болот кого им ждать? Брода ведь, по идее, не существует в природе.

– И потом, вышку можно случайно с вертолёта приметить, – добавил Гриневский. – Её-то издалече видать, не то что сараи… И если кто вдруг заинтересуется – а что это за фигня торчит посреди болота? Да стуканет, куда надо. А это пацанам с прииска на фиг не надо…

Обжитое пространство включало в себя бревенчатый дом, несколько сараев разной величины, пара армейских палаток-шатров (возле одного сложены штабелем несколько зелёных армейского же образца ящиков), длинный стол из неструганных досок, лавки по бокам, козлы, дровница. А ещё имелась территория, в которой Карташ без всякого умиления признал уменьшенную копию зоны: забор из колючей проволоки огораживает постройки барачного типа и небольшой прилегающий к ним участок. По прииску активно перемещались люди, все как один обряженные в камуфляж.

– Концы зачищают, – сказал Гена и передал Карташу бинокль.

При помощи оптики тридцатипятикратного увеличения Алексей смог разглядеть даже лица обитателей загадочной Шаманкиной мари. Да, концы эти обитатели решили зачистить старательно. Вокруг строений они расставили канистры с прикрученными детонаторами – по всему выходило, детонаторы срабатывают от радиосигнала, а его, не иначе, мыслят подать с борта вертолёта. И пламя окончательно уничтожит здесь все следы человеческого пребывания.

Двое автоматчиков вывели из-за приземистого домика с высокой трубой («местная кухня», – предположил Карташ) человека со связанными за спиной руками, толкая прикладами в спину, погнали к бараку за колючей проволокой. Человек сопротивлялся, сучил ногами по песку, наверное, вопил – но отсюда всё было, как в немом кино. Охранники открыли дверь барака, втолкнули внутрь и тут же дверь вновь заперли.

После этого один из автоматчиков поднёс к губам рацию, что-то наговорил в неё.

Спустя минуты две к дверям барака, возле которого перекуривали, чего-то ожидая, давешние охраннички, подошли ещё трое – один с пулемётом-ручником на плече, другой тащил цинк. Третий, как тут же стало понятно по его действиям и жестам, а также по тому, что шёл налегке, в этой группе был за командира.

Пулемёт разместили на пороге. Открыли цинк, вытянули из него конец гибкой металлической ленты, заправили ленту…

Алексей прекрасно понимал, что происходит сейчас и что произойдёт дальше. Но вмешаться не мог. Даже пусть, предположим, они наберутся безрассудства и вмешаются… Допустим, каким-нибудь невероятным образом они вчетвером сумеют одолеть охрану прииска, не понеся потерь. Но они выдадут себя для притаившегося где-то поблизости отряда уголовников, которые во время лихого наскока или после него перещёлкают их, как курей, четырьмя меткими выстрелами из засад. А уголовники, уж конечно, тоже не намерены оставлять свидетелей.

Поэтому рабов прииска (а именно их заперли в бараке, тут не надо ломать голову) расстреляют если не те, то эти.

Нет, единственная приемлемая для них стратегия – выжидание. Выждать, когда на прииск нападут уголовники, выждать, пока обе стороны постреляют друг дружку – желательно, чтобы те и те били метко и уложили побольше боевиков – и только тогда наступит их очередь. И никак не раньше. Всё, что бы они не придумали по части «раньше», есть авантюра, граничащая с глупостью.

Так убеждал себя Карташ.

– Что там происходит? – спросила у них Маша, но никто не взялся отвечать.

– Чего, не ясно, что это сучьё задумало? Беспредел, начальник, – задёргался Гриневский. – Будем

глядеть, как в телевизоре, да?!

– Тихо ты, тихо, – сквозь зубы прошипел Геннадий. – Хочешь, чтоб и нас ухлопали заодно? Если мы…

Однако любые «если» уже опоздали.

Один из охранников прииска отомкнул висячий замок на дверях барака, снял его с петель, отбросил в сторону и ногой распахнул створы.

И сразу вслед за этим с порога ударил пулемёт.

Пулемётный ствол с дрожащим на конце язычком пламени поворачивался из стороны в сторону. Чёрным градом летели гильзы. Монотонно выползала из цинка лента с патронами.

До их пригорка доносился лишь глухой, несерьёзный треск – словно кто-то вдалеке строчит на швейной машинке. Ни криков, ни прочих звуков слышно не было. Совсем рядом в кустах деловито шуршала какая-то зверушка.

А может, пичуга. С далёких палёных торфяников тянуло горьковатой сыростью… Как будто ничего и не происходило. Словно смотришь фильм про войну в летнем кинотеатре – на экране убивают понарошку, а вокруг, в реальности, жизнь идёт своим чередом.

Алексея передёрнуло.

Вскоре всё было закончено. Пулемётчик, даже не расстреляв до конца ленту из цинка, поднялся, отошёл в сторону. А в дверь барака, сдёрнув с плеч автоматы, проскользнули четверо охранников. «Педантичные, твари… – подумал Карташ. И мстительно ухмыльнулся. – А ведь вы, ребятки, тоже отработали своё – и превратились в обыкновенных, никому не нужных свидетелей».

Из барака вышли все четверо, остановились на пороге. Приблизился пулемётчик, всех угостил сигаретами. Дружно задымили. Ну ни дать ни взять работяги, сладившие трудную работу и получившие законное право на перекур.

– Вот сейчас их хорошо бы достать из «Мухи», одной гранаткой – и всю банду накрыть… – донёсся до Алексея напряжённый шёпот «аспиранта». Гена словно давал совет ничем себя пока не обнаружившим, но предполагаемым уголовникам к началу акции. Но уголовники удобной ситуацией не воспользовались.

– А что делать нам, если нападения не будет? – вдруг спросил Карташ. – Расчёты расчётами, а мало ли… Допустим… самое простое и очень даже реальное: зэковский отряд напоролся на мины, и всех людей Пугача вместе с самим паханом разметало по кустам. Что делать будем, а, аспирант? Появится вертолёт, загрузит платину – и тю-тю…

«Аспирант» промолчал.

Алексей пожал плечами, перевёл бинокль на длинный стол с лавками по бокам – к нему сейчас, со стороны бревенчатого дома, наверняка служившего казармой местного охранного гарнизона, неспешно шествовал коренастый седовласый мужик. А на столе другой охранничек налаживал спутниковый телефон. Возраст, властность в лице, даже походка – всё говорило за то, что седой тут у них за самого главного. Да и вряд ли последний, самый важный за все эти годы сеанс связи «точки» с Большой землёй мог проводить кто-то рангом поменьше…

Разговор Седого по спутниковому телефону длился секунд двадцать – конечно, он сказал некую условную фразу, напрочь непонятную для непосвящённого и означающую, что всё, дескать, в порядке, полностью готовы к вывозу, высылайте «борт» согласно прежней договорённости. Седой дождался закодированного подтверждения приёма (мол, вас поняли, вылетаем или даже уже начинаем заход на цель)… Всё, этим уродам осталось только ждать «вертушку».

А может, уголовники как раз и дожидаются этого обмена кодовыми фразами? И если зэки залегли поблизости, если отслеживают происходящее на территории прииска, то вот сейчас они и должны начать.

Карташ ощутил вдруг, как тело пронзило острое возбуждение. То было предвкушение решающего мига, момента истины, часа «икс», когда позади остались вождение пальцем по карте и тактические игры, когда невозможно уже ничего отменить и переиграть, когда нужно действовать и нельзя, смертельно невозможно дрогнуть, а надо переть и переть до самого конца, полагаясь лишь на бога, рефлексы и удачу. Видимо, нечто подобное испытал и Гена-«археолог» – он повернул голову и внимательно посмотрел на Карташа. В глазах его полыхало белое пламя.

Да, если начнётся, то сейчас. Не станут зэки тянуть до вертолёта. Но у них-то какой план?

Как они собира…

Сначала Алексей решил, что показалось. Показалось, что от угла шатровой палатки к складированным возле неё ящикам прошмыгнуло то ли собака, то ли…

Но с их, пусть и маленькой, но всё ж высотки можно было разглядеть то, чего не увидишь с земли. А именно – Карташ увидел торчащую из-за ящика ногу, обутую в высокий армейский ботинок. Там залёг человек.

– Начинается, – прошептал Алексей, – наши временные союзнички подползают.

– Ну и сидим и не отсвечиваем, ждём развязки, как пай-мальчики, – также тихо откликнулся Геннадий.

…Военная наука знает множество тактических схем атаки малыми силами превосходящих сил противника. Если в запасе атакующих наличествует внезапность, то ею можно распорядиться, например, так: отдельными группами или отдельными бойцами проникать на территорию врага, выводить из строя отдельных людей и отдельные объекты, сохраняя в тайне от врага факт своего присутствия сколь возможно долго. Применительно к конкретной ситуации это значило, что бойцы уголовного отряда с разных сторон по одному проникали бы на прииск и, пока их не обнаружили, пытались по-тихому уничтожить как можно больше врагов. Для того существуют «бесшумки», ножи, арбалеты и некоторые другие уже менее употребительные виды оружия.

А можно разыграть вариант под названием «отвлечение». Создать видимость наступления на одном участке фронта, заставить врага сосредоточить основные силы именно там, а решающий удар нанести с тыла.

Были и ещё какие-то способы, в своё время добросовестно законспектированные Алексеем на занятиях по тактике, и столь же добросовестно забытые по окончании учёбы.

Уголовники прибегли к варианту номер два.

Из таёжного массива, обступающего прииск, донёсся хлопок, и белая реактивная полоса прочертила в воздухе дугу, скрывшуюся за бревенчатым домом. Гранатный разрыв поднял в воздух облако земли и песка.

Одновременно с выстрелом из гранатомёта затрещали автоматные очереди. Лупили из тайги, сразу с трех сторон, атакующие взяли прииск в полукольцо. Может быть, в арсенале нападающих и имелись «глушилки», но угловые, понял Алексей, сознательно не стали их навинчивать. Зэкам требовалось, чтобы охрана прииска сосредоточила внимание – и, следовательно, огонь – на конкретном участке…

Одна из очередей подкосила защитника прииска, перебегавшего от кухни к похожему на баню строению. Ещё одна очередь срезала человека в зелёной майке и с карабином незнакомого Карташу

образца – человек выскочил на порог второй шатровой палатки. Той палатки, возле которой не было никаких ящиков, зато имелись бочки из-под дизельного топлива и валялись отработанные аккумуляторы – стало быть, внутри, не иначе, стоит движок, питающий электроэнергией всё это криминальное хозяйство.

Заработал тот самый пулемёт, из которого в бараке положили бесплатную и бесправную рабочую силу – его успели занести в дом и превратили одно окно в амбразуру. Пулемётная очередь полосовала тайгу вдоль и поперёк.

– Патронов не жалеют, – ни к кому не обращаясь, отметил Гена. – С патронами у них, видать, полный порядок…

– Со штопанными гандонами у них полный порядок! – в азарте чуть не крикнул Гриневский. – Когда расстреляют и наши, и ваши тут-то мы и накроем!

То ли охрана под прикрытием пулемётных струй замыслила перейти в контратаку, то ли решила таким образом продержаться до прилёта «вертушки», на которой, вполне вероятно, стоит крупнокалиберник или какое иное огневое подспорье…

Но решить-то они решили, а о лазутчиках, уже находящихся внутри обороны, знать не могли.

Впрочем, человек, примеченный Алексеем, продолжал таиться за ящиками… Зато в игру вступил второй диверсант, ранее не светившийся: одетый в лохматый камуфляж, он появился из-за барака – не иначе, подкравшись ползком со стороны тайги, перерезал колючку, огораживающую «жилую зону», подобрался к строению и сейчас выскочил и припустил к дому.

Его заметили, когда он находился в пяти шагах от крыльца, и двое охранников, укрывавшихся за дровницей, открыли автоматный огонь. Очереди принялись рыхлить землю вокруг бегущего, Карташу показалось – несколько раз даже пересеклись на нём, но – нет. Человек в лохматом камуфляже взвился в немыслимом прыжке, слишком поставленном для простого, ничего кроме воровских профессий не изучавшего зэка, упал, перекатился, взлетел на крыльцо. Толкнул дверь, что-то бросил внутрь, прижался к косяку…

От взрыва из окон повылетали оставшиеся стёкла. Пулемёт заглох, захлебнувшись. Зэк швырнул внутрь ещё одну гранату… а потом вдруг стал заваливаться набок, сползать по косяку на доски крыльца. Выходит, достали, зацепили его очереди, а поставленную задачу он исполнял уже на остатке жизни.

От дровницы во всю прыть неслись к крыльцу те двое, что подстрелили лазутчика. Вот тогда и пришла очередь человека за ящиками. Он пропустил бегущих вперёд, встал и двумя выстрелами из автомата, судя по всему, поставленного на стрельбу одиночными, неторопливо уложил сначала одного, затем второго. После чего размеренным, с виду даже ленивым бегом пересёк пространство между ящиками и домом, запрыгнул в разбитое окно… И, секунд десять спустя, из этого окна в небо взвилась ракета.

– Сигнал к наступлению! – сказал «археолог», и одновременно с его словами в зарослях кряжа заскользили смутные тени.

А в доме вновь заработал пулемёт – только теперь огонь вёлся по другим целям. Охранный гарнизон, таким образом, оказался меж двух огней. И был обречён.

– Ну вот и баста, – неожиданно спокойно сказал Гриневский.

Алексей и «археолог» недоуменно обернулись…

Глава шестая.

Это есть наш последний

30 августа 200 года, 16.41.*

Убитых охранников беглые зэки отволакивали в барак, превращённый в таёжный морг.

В переполненный морг. Отволакивали, потому что с вертолёта не должны увидеть живописно разбросанные там и сям трупы. Двух своих убитых отнесли туда же. Теперь новых хозяев прииска насчитывалось пятеро.

Пугач сидел на лавке, уперев локти в неструганные доски стола, опустив подбородок на сцепленные в замок кисти. Он уже подходил – первым делом подошёл – к зелёным ящикам армейского образца. Откинул крышки двух ящиков, заглянул внутрь, кивнул – дескать, товар на месте, захлопнул крышки и отошёл. Никакого дрожания рук при виде этакого-то богатства, никакого алчного блеска в глазах – короче, никакой платиновой лихорадки, а также бурных восторгов по поводу одержанной победы. Словно не сокровища, достойные пера нового Стивенсона, лежали в сундуках… то бишь ящиках, а какие-нибудь запчасти для «запорожца», завёрнутые в промасленную бумагу, наличие присутствия которых и проверил кладовщик-приёмщик. Другие же угловые без приказа не смели приблизиться к драгоценному грузу. А приказа приближаться, разумеется, не последовало.

Гриневский описал Пугача довольно точно: лет пятидесяти, невеликого роста, обыкновенного телосложения. Но шкафоподобные редко выбиваются в авторитеты, потому как у них обычно ничего помимо мышц в загашнике не имеется, а чтобы дорасти до пахана требуются, в первую очередь, ум, железобетонная воля, лисья хитрость – и только уж потом, да и то далеко не всегда, физическая сила…

– Эй, Пугач!

Громкий, без дрожи голос.

Голос напугал людей на прииске сильнее, чем напугал бы выстрел.

Та пара, что тащила очередного жмура к бараку, жмура бросила, и оба угловых схватились за автоматы. Те же двое, что от барака возвращались, обернулись, тоже сбрасывая с плеч стволы. Один упал на землю. Другой падать не стал, зато всадил в лесные заросли длинную бестолковую очередь.

Пугач резко выпрямился, уронил руки, правая гадюкой скользнула к поясной кобуре.

Из-за кедра выступил Гриневский. «Калаш» он держал на плече – так, как обычно держат автоматы боевики из полувоенных формирований, позирующие перед камерой.

– Хоре шмалять, чукчи! Кабы чего поганое задумал, стал бы я орать во всю глотку!

Гриневский далеко от кедра не отходил, чтобы в случае чего тут же уйти под прикрытие ствола.

– Таксист?!

Доведись ему узреть Иисуса Христа, удивления в голосе зэка было бы, наверное, поменьше.

– Ты откуда? – вырвалось у другого «уголка».

– Да оттуда! Чего ж не дождались-то, а? Я-то всего на полчасика припоздал.

Зависла небольшая пауза. Зэки переваривали чудо под названием «Явление Таксиста блатному народу».

– За такие припоздания на перо сажают! – проорал тот, кто палил из автомата на голос.

Пугач пока молчал, с закаменевшим лицом смотрел на Таксиста, не отрываясь. Глядел на него пронизывающе. Жутким взглядом глядел.

– А ты где был, когда мы мусорню по зоне гоняли? – выпалил ещё один зэк.

– Эй-эй, Грибник, отведи ствол, а то ты у нас нервный! – прикрикнул Гриневский. – Пугач, скажи своей бригаде, чтоб угомонила прыть. Так не побазарим. А побазарить есть о чём. Я тут не с пустыми руками. Я к вам с подарочком. Узнаёте?

Гриневский шагнул к кедру и выволок из-за него, ухватив за шкирятник, старшего лейтенанта внутренних войск Алексея Карташа.

– Мусора нам нанёс! – откликнулся на появление новой фигуры скокарь по кличке Грибник.

Лицо Карташа было в крови, руки связаны за спиной. Он еле передвигал ноги, спотыкаясь через шаг. Было заметно, что вэвэшник совершенно сломлен – и физически, и психологически.

– Стой там! – наконец подал голос и сам Пугач.

Гриневский остановился на полпути между тайгой и столом, за которым сидел пахан. Карташ тут же, как подкошенный рухнул на колени.

– Брось ствол, – отдал Пугач новый приказ.

– Э, нет, – помотал головой Гриневский и сплюнул. – Так не пойдёт. Я вам не лох и своё право знаю. Я подляны не крутил, и вины моей перед вами нет… Разве что не успел к часу – тут да, вину признаю. Ну, был в долгах, так вот должок возвращаю, притащив это чучело. Выходит, квиты. И чего вам бояться-то? Вы меня из пяти стволов вмиг уделаете, вздрогнуть не успею.

– Уделаем, – пообещал Пугач. – Отвечай коротко. Некогда мне масло размазывать, до гостей глянец навести надо. Короче, где пропадал в тот вечер, почему потащился за нами, откуда дорогу узнал?

Гриневский охотно, даже с гордостью объяснил:

– В тот вечер погнали меня на уазе в посёлок, хозяйскую ляльку отвозить. Приехал назад, а уже зона вскипела. Все, как сумасшедшие, бегают, палят во всё, что шевелится… Ну, испугался, что свои же в горячке положат, кинулся в сторону, по пути напоролся на одного служивого, немного повздорили. От него перепал «калаш». Потом увидал, как отъезжает «вахтовка», дотумкал, что это вы линяете. Снова прыгнул на свой уаз, двинул следом по дороге. Уткнулся в жопу вашей тачке. Гранатку вашу увидел. Посидел возле неё, прикинул, как жить дальше. Раз меня обязали быть с вами, а я подписался, типа слово дал, то, значит, и должен быть с вами. Короче, пошлёпал по тайге, выискивая ваши следы, да заплутал – не следопыт, чай. Думал, кранты. Вот тут-то и напоролся на костёр, а возле него грелся этот мусорок. С ним, кстати, был ещё один. Какой-то мутный фраер из штатских. Подумал: на фига вам штатский? А двоих мне было бы не доволочь. Так что дорогу узнал от этого цирика оставшегося… И вообще, он много интересного напел про ваш поход. В курсе, падла. Хотите послушать, чего он знает и откуда? До дури любопытного напоёт. Одних кликух мне неизвестных целый список накидал…

Гриневский закашлялся и пнул офицерика в бок – словно тот был повинен в кашле.

– Гладко метёшь, – отметил Пугач. Холод в его голосе не предвещал ничего хорошего. – Выходит, при тебе ещё имеется мусорская волына.

– Да, и волына! Не веришь, бляха-муха! Мне не веришь! Ну, гляди, бросаю дуру на хрен! – вдруг заистерил Гриневский, поднял автомат двумя руками над головой, затряс им. – Давай стреляй, стреляй! Гляди, бросаю! И волыну кину, всё кину!

И тут жахнуло. Внушительно, надо признать.

Взрыв прогремел в лесу, прямо за шатровой палаткой с движком. Посыпались сбитые гранатными осколками ветви – если быть точнее, то осколками двух гранат, связанных друг с другом.

Ещё бы Алексею было не знать, сколько там гранат, когда именно при нём Геннадий инструктировал Машу, как правильно привести в действие опасную игрушку и произвести бросок по условленному сигналу – поднятый автомат!

И теперь, как чаще всего и случается в реальных противостояниях, а не в киношных, служащих единственно для увеселения зрителей схватках, всё решали мгновения.

Взрыв заставил урок повернуть головы, заставил инстинктивно пригнуться. То есть – на мгновенье отвлечься… А как уже было сказано, решали именно мгновения.

И эти мгновения вдруг растянулись в бесконечность, застыли… Только потом Карташ вдруг с удивлением обнаружил, что на весь бой ушло не больше двадцати секунд…

*** * ***

…Когда Гриневский поднял автомат, Алексей скинул верёвки, обвивавшие его запястья в чисто декоративных целях, и выхватил заткнутый сзади за брюки пистолет. А когда шарахнули гранаты, поднял оружие, намереваясь первым выстрелом снять Пугача.

Однако Пугача за столом уже не было. Волчара не клюнул на отвлекалово. Верхним чутьём или чем-то там ещё он сходу, на лету, почуял беду. И вместо того чтобы вращать головой и пригибаться, бросился под стол.

И Алексей тут же сменил цель. В его секторе обстрела, помимо Пугача, находились ещё двое, и один из этих двоих, черноволосый, похожий на кавказца, совсем близко от Карташа. Когда взорвались гранаты, кавказец двигался аккурат к Гриневскому – видимо, чтобы подобрать автомат, который тот грозился бросить на землю. Так что Карташу, от нечего делать частенько тренировавшемуся на пустыре за собачьим питомником в стрельбе по бутылкам, снять неподвижную цель одним выстрелом особого труда не составило. А вот на поражение второго уголовника, увы, ушло три пули. Мишень превратилась в движущуюся – зэк заметался в поисках укрытия, какового поблизости не обнаруживалось. Сперва помчался к дому, потом сменил направление, побежал, петляя, к ящикам с платиной… Его ошибкой стало то, что он пытался укрыться, а не вести ответный огонь. Третья пуля, выпущенная Карташем, достала-таки и его.

Карташ стрелял, понимая, что и сам превратился в идеальную, открытую, как на ладони, мишень, понимая, что Пугач должен, уже должен стрелять по нему, и не понимая, почему этого не происходит.

Гриневский, едва прогрохотал взрыв, опустил автомат к плечу и вдавил спуск. Короткой очередью он срезал того зэка, что больше других удивился явлению Гриневского, – и зэк повалился на землю. А Гриневский отпрыгнул в сторону, продолжая давить на спуск, упал, перекатился, уходя от очереди, выпущенной уголовником по кличке Грибник, и стрелял уже лёжа. Последняя, агоническая очередь Грибника прошила воздух над головой Таксиста.

А Карташ уже увидел, почему Пугач до сих пор не сделал ни одного выстрела в его сторону. Из-за нужника, едва завязалась перестрелка, вылетел заслуженный «археолог» и, вмиг оценив расстановку, понёсся на Пугача, на ходу стреляя из короткоствольного автомата. Он просто лупил очередями по столу и около, отвлекая Пугача на себя, заставляя того вжиматься под лавку. Закончив с двумя своими противниками, Карташ тоже метнулся к столу… но опоздал. Там всё уже было кончено.

Не раздумывая, Алексей подальше отбросил ногой пистолет, выпавший из рук Пугача, потом

склонился над паханом, приложил пальцы к его шее. Жив авторитет! Он, расстегнув пряжку, выдернул из петель поясной ремень Пугача, связал ему руки. Уж чему-чему, а вязать узлы на руках их хорошо обучали в своё время. Полезное, знаете ли, для вэвэшника умение. А этот пахан, хоть и валяется сейчас в отключке, но по-прежнему опасен, как загнанный в угол волк.

Управившись с Пугачом, Алексей в пять шагов одолел расстояние до распластавшегося на земле «аспиранта». Присел рядом на корточки.

Проверил – хотя видел, что смысла в этом нет.

– Ну? – раздалось за спиной.

– Гену насмерть, – мёртвым голосом произнёс Карташ. – Пугач жив, но ранен всерьёз, в пузо… Никто из них не промахнулся, но… по-разному не промахнулся. – И добавил под нос:

– А хорошо умер археолог. С оружием в руках. Прямая дорога ему в Валгаллу…

– Надо утащить жмуров со двора, – сказал Гриневский, не услышав.

– Надо. – Карташ выпрямился. – Пошли.

– Слушай… Я тебя не больно пнул?

– В следующий раз убью… урка проклятая.

Они затащили покойников (и тех, которых не успели убрать нападающие, и новых) в бревенчатый дом. Входить в барак, где и без того было тесно от трупов, почему-то не хотелось.

Жути и без того хватало. Карташ лишь на секунду глянул – и тут же выскочил наружу, яростно борясь с рвотными позывами. В бараке было человек пятьдесят. Разного возраста, разного пола. Дети, женщины, старики. В драных серых робишках. Измождённые до предела. И мёртвые. Все мёртвые. Пахло пороховой гарью. Над мёртвыми телами громко гудели довольные мухи…

Подошла Маша, села за стол, глядя сверху вниз на валяющегося на земле лицом вниз Пугача.

– Это он? – спросила она у Карташа, Который вместе с Гриневским только что убрали с глаз долой последнего покойника. – Это… из-за него?

Алексей понял, что она имеет в виду и кивнул.

– Он жив?

– Пока без сознания. Может, и не очухается…

Гриневский тяжело опустился на лавку, бросил «Калашников» на стол.

– Вертолёт будет садиться вон за тем сараем, что толем крыт. Там у них что-то вроде вертолётной площадки. – Он устало накрыл лицо ладонями. И из-под ладоней спросил:

– Ну? Кто хочет взглянуть на добычу?

На этот вопрос-предложение никто не отреагировал.

Раздался стон. Пугач зашевелился, перевернулся на спину, на его защитного цвета куртке в области живота расплылось тёмное пятно, в этом месте к ткани прилипли сухие травинки, завиток стружки. Пугач задёргал связанными руками. Бешено завращал глазами. Его взгляд заметался от одного человека к другому, пока наконец во взгляде не появилась осмысленность.

– Вот как… Поймали фарт, фраера, – пахан вывернул голову и презрительно сплюнул. – Вскарабкались по чужому горбу. Ну-ну… И как дальше жить намерены?

– А тебе не всё равно? – отозвался Гриневский. Он отвёл ладони от лица, но на своего давнего знакомого не глядел.

– Мне-то ништяк, я своё отпрыгал, отдыхать еду. А тебе я скажу, сука мусорская, что тебя ждёт. И твоих корешей. И бабу, которую вы втянули. Вы, по тупости своей дубоголовой и жадности фраерской, даже не задумались, на кого замахнулись. Думаешь, это моё? – он мотнул головой в сторону ящиков. – Теперь это общаковое. Ты, Таксист, должен врубаться, что такое общак. Это значит, что вас найдут везде. Везде. В каждом городе, в каждой деревне будет глаз. Не один. Сотни и тысячи глаз. В «крокодилах», на вокзалах, в аэропортах. На кораблях. В подвалах, на чердаках, на дачах, в сараях, пансионатах. Везде, где может человек схорониться. У каждого беспризорника будет описание ваших морд. Каждый нищий на панели будет сечь прохожих, каждый уличный торговец будет предупреждён. Мы не менты, и ты знаешь, Таксист, как мы умеем искать. Но вас будут искать и менты. Мы и их натравим на вас. За границу смоетесь? Там найдут ещё быстрее. Там не осталось щелей, куда можно забиться никем не замеченным. Здесь ещё сможете найти такую щёлку, но продержитесь недолго. До тех пор просидите и протрясетесь, пока не вытянут и не распнут. А ты знаешь, что будут тогда с вами делать. По кусочкам, на лоскутья…

– Пургу метёшь, Пугач, – небрежно, как смахнул крошки со стола, сказал Гриневский. – Никакой это не общак. Ты сам наметился увести у воров их добычу. Скрысятничал. Поэтому ты сам вне своего закона.

– Что ты знаешь, парашник! – выкрикнул Пугач и сморщился от боли. – Эти козлы решили хапать, не отстёгивая обществу. Меня направил сходняк. Понял? Их до времени не трогали, как свинью не режут, пока не нагуляет жир. И, кстати, думаешь, эти вас искать не будут? Вы крайние, вам и отвечать…

– Последний шанс свой играет, – хмыкнул Гриневский. – Хочет, чтобы мы приссали и пошли с ним на сделку. Типа, он нам наобещает один ящик и отмазку от воровской расправы, за что мы ему сохраняем жизнь и остальные ящики. Прикидывает, что ему бы сейчас как-то выкрутиться, хрен с ним, с ящиком, а то и с двумя, ну а уж потом-то он нас достанет.

– Какой шанс, паскуда! С такой раной мне звездец хоть так, хоть эдак. Я вас, сук, на своё правило ставлю. Мне, понимашь, приятно расписать по пунктам, какое вас, козлов, ждёт весёлое будущее. Жаль…

– Летит! – вскочил Гриневский.

Они вслушались. Замолчал, затвердев лицом, и Пугач.

Карташ расслышал далёкое, нарастающее зуденье. Вертолёт…

– Сколько у нас? – повернулся он к Гриневскому.

– Минут десять.

Оба одновременно посмотрели на Пугача.

– Я хочу сама, – вдруг услышали они тихий голос Маши.

Чуть позже, чем до Карташа с Гриневским, смысл сказанного дошёл до Пугача, и он задёргался с новой силой.

– Вы чего, бабе позволите?! Ты, Таксист, знаешь, кто я! Я в законе! Я тебя не прошу за жизнь, не прошу! Но я имею право выбирать смерть! Наши разборы – это наши разборы, ну так закончим их по-мужски! А рукой бабы я откинуться не хочу!..

– Я, в отличие от Таксиста, не знаю, кто ты, – сказала Маша, в глазах которой набухали слёзы. – Я только знаю, что ты убил моего отца.

– Слушай, ты…

Но его не слушали. Карташ тронул Гриневского за рукав:

– Тащим его в дом… Там…

Гриневский не взял «калаш» со стола. Его взяла Маша.

***

– Как ты? – спросил Алексей, когда они спускались по ступеням крыльца. Спросил, когда всё было кончено.

Маша смогла… хотя Карташ до самого конца не верил, что у неё достанет духу.

– Нормально, – неестественно ровным голосом ответила та.

– Послушайте, – Карташ остановил их, Машу и Гриневского, едва они спустились, – ещё не поздно переиграть… Я понимаю, что… Ну, короче, живы ведь тогда останемся!

– Нет, – твёрдо сказала Маша. – Поздно отступать.

– Брось, начальник, эти интеллигентские штучки, – поддержал её Гриневский. – Если уж ввязались в драчку, то не хрен стопорить на полпути. Закончим, тогда поговорим.

Металлическое зуденье было уже совсем близко. Ещё немного, и над кронами покажется тушка винтовой машины.

– Ты уверен, что сверху не разглядят? – спросил Карташ.

– Не разглядят, начальник, отвечаю. Им только макушки оттуда будет видать, да развевающееся шмотье на нас. Ну а потом… Потом надо просто не дать им времени на разглядыванье.

Ещё раньше обговаривая возможность захвата вертолёта, они сошлись на том, что много людей прилететь не может, какой бы вместительной ни была машина. «Вертушка» должна взять груз, седого, ну ещё, вероятно, парочку человек. Всех остальных, включая охранников, в расход – зачем нужны лишние свидетели? В таких случаях обычно не увеличивают круг посвящённых, а наоборот сокращают до полного, а ещё лучше до полнейшего минимума.

В доме они накинули поверх своей одежды камуфляжные штанцы и куртки, снятые Гриневским с убитых охранников, на головы натянули тоже защитного цвета кепки с длинными козырьками. Брезгливости они не чувствовали.

Когда на кону жизнь, становится не до мелких переживаний.

Да и недолго им носить чужие вещи. Если выгорит, то скинут, когда «вертушка» окажется в их руках. Если не выгорит, то… То не всё ли равно, в чём похоронят? Вернее, в чём оттащат в барак или в тот же дом…

Вертолётный гул надвигался, нарастал, и вот геликоптер выскочил из-за верхушек деревьев, прошёл над прииском, скрылся из виду над деревьями с противоположной стороны и, как можно было определить по звуку, стал разворачиваться.

Они ждали гостей на ровной площадке за сараем, крытым толем. Они – это Карташ и Гриневский, Маше ведено было остаться за столом. Помочь она всё равно ничем не сможет, а так… Так у неё будет шанс выскочить, в случае чего.

Бело-зелёный вертолёт (гражданский «Ка-26», узнал Карташ, на дюжину пассажиров) появился вновь, завис над площадкой и стал плавно опускаться. Шум молотящих воздух лопастей заполнил собой всё вокруг. Тугие воздушные струи били по земле, трава колыхалась, будто хотела вырваться с корнем и

улететь прочь от этого грохота, ветви деревьев ходили ходуном, роняя листву. Наклонив головы, Карташ и Гриневский придерживали кепки, заодно прикрывая лица. Громко хлопала одежда.

Едва вертолёт коснулся земли, они припустили к нему трусцой. Вряд ли вертолётчики смогут по фигурам определить чужих… Ну как тут определишь, да ещё сквозь стекло? А когда отъедет в сторону дверца, они уже будут рядом.

Холодный, покрытый капельками росы борт.

Толстые заклёпки, в иллюминаторах мелькают тени… Давай! Ну открывай же!

Совершенно не к месту Алексей вспомнил байку, рассказанную Лупнем, – про урок и захваченный вертолёт, и вновь ощутил приступ дежавю. Помотал головой, прогоняя картинки из прошлой жизни.

Дверь поехала в сторону, открывая доступ в кабину… Улыбающееся лицо в обрамлении шлемофона…

Они одновременно выхватили пистолеты, одновременно открыли огонь. Пилот повалился назад, на приборную доску. Штурмана отбросило к противоположной дверце. Карташ запрыгнул внутрь и, увидев силуэт в глубине салона, вдавил спуск. Человек тянулся к сумке, наверное, там находилось его оружие. Ага, суки, значит, напрочь не готовы оказались к нападению, никак не предполагали такую возможность! Видимо, полученный по спутниковому телефону условный сигнал снял последнюю настороженность…

Все. Трое. Никого больше.

Лёгкость, с которой они завладели вертолётом, вызвало у Карташа чувство некоего неудобства – словно они уничтожили непричастных. Но не может здесь быть непричастных, никак не может! А раз ввязался в игру без правил, будь готов к обращению без всякой жалости.

Гриневский и Карташ сидели рядом на земле под вертолётом, через поляну к ним шла Маша.

– Вот и управились, начальник, – сказал Гриневский бесцветным голосом. – Теперь мы, вроде как, сказочно богаты. У нас есть вертолёт, оружия до дури, полётная карта. Можем лететь на все четыре стороны, пока топливо не кончится… Ну и куда лететь-то? Куда нам теперь деваться с этими ящиками? Что ты скажешь?

– Не знаю, – честно признался Карташ. – Пока не думал об этом. Времени, понимаешь ли, не было… Пошли хоть взглянем на сокровища. Никогда платины не видел. Как она хоть выглядит? Слитки? Самородки? Куски руды?

– И что мы с такой прорвой делать будем, а, ребята? – спросила Маша.

– Пошли посмотрим.

– Сходим ещё, – Гриневский лёг спиной на траву, заложил руки за голову. – Дай чуток отдохнуть…